

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

++

АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Матисена.

1893.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 2.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Матисена.

1893.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Юрьевъ, 12 іюня 1893 г.

За Ректора: Деканъ Ф. Левинсонъ-Лессингъ.

№ 1451.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Официальный отдѣлъ.

	стр.
Правила объ изданіи „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрь- евского Университета“	5— 7
Инструкція редактору „Уч. Зап. И. Ю. У.“	7— 8
Организація пожарной команды И. Ю. У.	9— 16

II. Неофициальный отдѣлъ.

A.

Проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ Два вопроса изъ уче- нія о „смягченіи“ или палатализаци въ славянскихъ языкахъ	1— 30
В. А. Кордтъ <i>Rossica historica</i> за 1890—1892 гг.	31— 51
В. А. Кордтъ Библиографическія замѣтки объ иностранныхъ путешественникахъ въ Россіи до конца XVII вѣка	53— 69
Проф. А. С. Будиловичъ Образованіе литературныхъ язы- ковъ и ихъ значеніе въ исторіи	71— 88
Проф. С. М. Васильевъ Отчетъ о дѣятельности медицинской клиники при Императорскомъ Юрьевскомъ Универси- тетѣ за акад. 1892/3 годъ	89—116

B.

Приложенія.

Проф. А. Н. Филипповъ Исторія Сената въ правленіе Вер- ховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета.	
Проф. Я. Ф. Озе Проективизмъ и персонализмъ въ метафизикѣ Лютце.	

ПРАВИЛА

объ изданіи „Ученыхъ Записокъ Императорскаго
Юрьевскаго Университета“.

§ 1.

Съ 1893 г. при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ издается періодическій органъ, подъ названіемъ: „Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета“.

§ 2.

Записки распадаются на два отдѣла: officialный и научный.

§ 3.

Въ officialномъ отдѣлѣ помѣщается годовой отчетъ Университета, актовыя рѣчи и, по опредѣленію Совѣта, извлеченія изъ его протоколовъ, имѣющія научное значеніе, какъ напр. рецензіи, отзывы и диссертациахъ и т. п.

§ 4.

Въ научный отдѣлъ входятъ: А) мелкія статьи, — предварительныя сообщенія, рецензіи, библиографическіе обзоры и т. п. и Б) крупныя работы, печатаемыя въ видѣ особыхъ приложений, съ особой пагинаціей для каждой.

§ 5.

Научныя статьи „Ученыхъ Записокъ“ печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору авторовъ.

§ 6.

Въ „Ученыхъ Запискахъ“ помѣщаются работы преподавателей Университета, изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) только тѣ сочиненія, которыя награждены золотою медалью.

§ 7.

Одна или нѣсколько изъ статей, помѣщенныхъ въ Запискахъ на латинскомъ или на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, по опредѣленію Совѣта могутъ быть издаваемы отдѣльными оттисками въ количествѣ до 800 экземпляровъ, для обмѣна на заграничныя университетскія и гимназическія программы.

§ 8.

Объемъ Записокъ и число экземпляровъ опредѣляется заблаговременно Совѣтомъ Университета.

§ 9.

Гонорара за статьи не полагается, но каждый авторъ получаетъ 50 отдѣльныхъ оттисковъ, а по ходатайству факультетовъ и до 300 (Сверхъ 300 — за счетъ автора).

§ 10.

Записки выходятъ отдѣльными выпусками безъ опредѣленныхъ сроковъ, по возможности чаще.

§ 11.

Цензура научныхъ статей, помѣщаемыхъ въ Запискахъ, принадлежитъ факультетамъ, статей же официальныхъ — Совѣту.

§ 12.

Подписная плата Записокъ опредѣляется Правленіемъ, по представленіямъ Редактора.

§ 13.

Ассигнованная на изданіе сумма (или соотвѣтствующее ей число листовъ) за вычетомъ расходовъ на оффиціальнѣй отдѣлъ, вознагражденія редактору (300 руб.) и издержекъ на экспедицію, распредѣляется между факультетами по числу кафедръ. Факультетамъ предоставляется право неистребованную въ теченіе года сумму сохранить за собою еще на одинъ годъ или же уступить ее другому факультету. Черезъ каждые 2 года возобновляется нормальное распредѣленіе суммъ по числу кафедръ.

ИНСТРУКЦІЯ

Редактору „Ученыхъ Записокъ Императорскаго
Юрьевскаго Университета“.

§ 1.

Для дѣлопроизводства и завѣдыванія хозяйственной частью по изданію Ученыхъ Записокъ Совѣтомъ избирается изъ профессоровъ на 3 года редакторъ, дѣйствующій въ предѣлахъ утвержденной Совѣтомъ инструкции. Его счетоводство подлежитъ контролю Правленія, на общемъ основаніи.

§ 2.

Редакторъ обязанъ вести журналъ, въ который вносятся записи обо всемъ, касающемся изданія Записокъ.

§ 3.

Редакторъ долженъ заботиться о томъ, чтобы доставляемые въ редакцію статьи были печатаемы по возможности въ порядкѣ ихъ поступленія и примѣнительно къ § 13 правилъ объ изданіи Записокъ.

§ 4.

Редакторъ принимаетъ мѣры для своевременнаго выпуска Записокъ.

§ 5.

Редакторъ входитъ съ предложеніемъ обмена въ редакціи какъ официальныхъ изданій, такъ и частныхъ журналовъ.

§ 6.

Редакторъ обязанъ сдавать въ недѣльный срокъ въ университетскую Библіотеку всѣ книги, получаемыя редакціей въ обменъ на записки.

§ 7.

Въ началѣ cadaго года редакторъ представляетъ Совѣту отчетъ объ изданіи Записокъ въ минувшемъ году.

ОРГАНИЗАЦІЯ
ПОЖАРНОЙ КОМАНДЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1. Управление пожарною командою.

§ 1. Университетскою пожарною командою завѣдуетъ комиссія, къ которой принадлежать:

1. начальникъ команды, онъ же и предѣдатель комиссiи;
2. одинъ изъ членовъ университетскаго Правленiя, какъ замѣститель начальника;
3. архитекторъ Университета;
4. экзекуторъ Университета.

2. Ч л е н ы .

§ 2. Въ члены Университетской пожарной команды принимаются:

- а. преподаватели Университета,
- б. служащiе при ономъ чиновники и
- в. студенты.

Примѣчанiе. Служители отдѣльныхъ Университетскихъ учреждений, которые въ случаѣ пожара въ подлежащемъ заведенiи Университета обязаны подавать первую помощь, и машинистъ Университетскаго водопровода также входятъ въ составъ Университетской пожарной команды. Они руководствуются и на будущее время прилагаемою при семъ Инструкціею отъ 16 Ноября 1890 г. за № 2433. И они, подобно всѣмъ членамъ команды, при тушенiи пожара подчинены командѣ начальника.

§ 3. Принятiе въ число членовъ команды производится ея начальникомъ на основанiи добровольнаго заявленiя о желанiи вступить въ оную.

3. Внѣшніе знаки.

§ 4. Всѣ члены носятъ на видномъ мѣстѣ платья маленькую бѣлую бляшку съ краснымъ крестомъ. Нововступившіе члены получаютъ эту бляшку отъ начальника команды, которому и возвращаютъ затѣмъ ее въ случаѣ выхода изъ команды.

4. Т р е в о г а.

§ 5. Тревога производится одновременно слѣдующими способами:

1. сигналомъ и заявленіемъ посредствомъ телефона, соединяющаго Медицинскую клинику Университета съ брандвахтою Городской вольной пожарной команды;
2. пушечными выстрѣлами на Домской горѣ, причемъ одинъ пушечный выстрѣлъ означаетъ пожаръ на Домской горѣ, два же выстрѣла—въ одномъ изъ расположенныхъ въ городѣ Университетскихъ зданій;
3. поднятіемъ на удобномъ мѣстѣ Домской горы 1—2 красно-бѣлыхъ флаговъ днемъ или 1—2 фонарей ночью.

5. У ч е н і е.

§ 6. По крайней мѣрѣ разъ въ полугодіе производится ученіе всей Университетской пожарной команды въ полномъ ея составѣ. Сверхъ того по особымъ распоряженіямъ начальника команды отъ времени до времени производится при отдѣльныхъ заведеніяхъ обученіе служителей пожарному дѣлу, а равно контрольный осмотръ снарядовъ.

6. Раздѣленіе членовъ.

§ 7. Члены пожарной команды раздѣляются на двѣ группы:

- I. группу охранителей порядка и
- II. водоснабдительную.

§ 8. Группа охранителей порядка подраздѣляется на три отряда:

1. отрядъ для загражденія мѣста пожара,
2. полицейскій и
3. спасательный.

§ 9. Водоснабдители также раздѣляются на три отряда:

1. отрядъ при гидрантахъ и ручныхъ насосахъ,
2. отрядъ при (пеньковыхъ) рукавахъ и
3. руководители струйныхъ трубъ.

§ 10. Всѣ 6 отрядовъ охранителей порядка и водоснабдителей должны во время пожара взаимно комплектоваться, такъ чтобы всѣ мѣста были достаточно заняты.

§ 11. Отряды всѣхъ отдѣленій лишь съ разрѣшенія начальника могутъ оставлять назначенные имъ посты.

§ 12. Если вблизи одного изъ Университетскихъ зданій возникнетъ пожаръ, то отряды Университетской пожарной команды и безъ тревоги должны спѣшить въ подлежащее заведеніе, приготовляться къ отраженію опасности и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій начальника.

§ 13. Когда къ тушенію пожара приступить и Городекая вольная пожарная команда, то главное руководство огнегасительными работами переходитъ къ начальнику этой послѣдней.

7. Особыя обязанности отдѣленій.

А. Охранители порядка.

Отрядъ для загражденія мѣста пожара.

§ 14. Отрядъ для загражденія мѣста пожара обязанъ размѣститься у всѣхъ входовъ горящаго строенія и давать проходъ только тѣмъ, которые или имѣютъ надлежащій знакъ или находятся въ какомъ-либо служебномъ отношеніи къ горящему строенію.

Полицейскій отрядъ.

§ 15. Обязанность его состоитъ въ соблюденіи порядка и тишины какъ вблизи горящаго строенія, такъ и внутри его. Мѣшающія дѣлу и бесполезныя попытки спасанія со стороны постороннихъ лицъ должны быть отклоняемы; улицы и доступы къ горящему строенію должны быть свободны для прохода; всякія помѣхи въ сообщеніи должны быть предупреждаемы. Если требуется спасать предметы, то полицейскій отрядъ обязанъ заботиться объ удобныхъ для храненія вещей мѣстахъ, оказывать помощь при перевозкѣ и наблюдать за оной.

Спасательный отрядъ.

§ 16. Члены его должны заботиться о сохранности находящихся въ горящемъ строеніи предметовъ, предохранять ихъ отъ порчи, въ случаѣ надобности отправлять ихъ на указываемыя полицейскимъ отрядомъ безопасныя мѣста и заботиться объ охраненіи на нихъ вещей.

Б. Водоснабдители.

Отрядъ при гидрантахъ и ручныхъ насосахъ.

§ 17. Ему надлежитъ заботиться о скорѣйшемъ привинчиваніи пеньковыхъ рукавовъ къ имѣющимся для того въ горящихъ частяхъ строенія приспособленіямъ водопровода, при чемъ надо держать рукава какъ можно больше наверченными, для передачи ихъ въ такомъ положеніи дѣйствующему при рукавахъ отряду.

Если пожаръ случится въ коридорахъ или на деревянныхъ лѣстницахъ, тогда ручные насосы должны быть вставляемы въ бочки съ водою для выкачиванія послѣдней.

У каждаго отдѣльнаго конца рукава должно быть поставлено для наблюденія по одному человѣку.

Отрядъ при рукавахъ.

§ 18. Ему слѣдуетъ заботиться, чтобы рукава надлежащимъ образомъ были наворачиваемы и направляемы къ горящему предмету; далѣе наблюдать, чтобы люди не наступали на рукава и не клали на нихъ грузныхъ вещей. Равнымъ образомъ рукава не должны лежать скрученными или подогнутыми. Два члена, снабженные топоромъ и ломомъ, должны постоянно находиться близъ распоряжающагося струйною трубою для содѣйствія ему, въ случаѣ надобности, своими орудіями.

Руководители струйныхъ трубъ.

§ 19. Кто раньше всѣхъ другихъ проникъ къ горящему строенію, тотъ, надѣвъ шапку и перчатки и захвативъ струйную трубу, обязанъ какъ можно ближе приступить съ нею для дѣйствія къ центру пожара. Если пожаръ потушенъ, а струйная труба еще дѣйствуетъ, тогда она, для устраненія дальнѣйшаго повреж-

денія строенія безполезнымъ заливаніемъ водою, должна быть направлена черезъ окно или другое доступное отверстіе на открытый воздухъ.

Согласно статьѣ 36. II и IV Устава Юрьевскаго Университета утверждено Университетскимъ Правленіемъ.

Г. Юрьевъ, 27 Февраля 1893 года.

Ректоръ **А. Будиловичъ.**

№ 339.

Секретарь **Ф. Томбергъ.**

Приложеніе.

Переводъ.

ИНСТРУКЦІЯ.

Экзекутору Юрьевскаго Университета по завѣдыванію
снарядами для тушенія пожара.

§ 1. Въ каждомъ изъ учрежденій Университета долженъ находиться пожарный шкафъ, предназначенный для храненія рукавовъ и струйныхъ трубъ. Шкафъ этотъ, который слѣдуетъ установить въ мѣстѣ сухомъ, хорошо провѣтриваемомъ, безопасномъ отъ огня, всегда доступномъ и легко охраняемомъ, долженъ имѣть: 1) отверстія для прохожденія воздуха, всего лучше сверху внизъ, и 2) по 3 ключа и по одному окошку, за которымъ всегда виситъ одинъ изъ ключей, тогда какъ два другіе должны храниться у швейцара и у директора заведенія по одному.

§ 2. Упражненія служителей даннаго заведенія въ тушеніи пожаровъ назначаются съ разрѣшенія его директора каждые 2, 3 мѣсяца и производятся подъ наблюденіемъ экзекутора. Они состоятъ вообще въ ловкомъ заворачиваніи и раскладываніи сухихъ рукавовъ до отдаленнѣйшихъ угловъ и мѣстъ подъ крышами заведеній, для предупрежденія порчи рукавовъ отъ сырости. Разъ въ годъ, лѣтомъ, слѣдуетъ произвести упражненіе съ употребленіемъ воды, послѣ котораго необходимо немедленно высушить рукава на безопасномъ отъ огня мѣстѣ, затѣмъ тщательно ихъ свернуть и положить обратно въ шкафы.

§ 3. Машинисту Университетскаго водопровода вѣняется въ обязанность точное исполненіе нижеслѣдующихъ постановленій:

- а. Когда случится пожарная тревога на Домской горѣ или въ городѣ, машинистъ обязанъ безотлагательно отправиться на станцію водокачальни и заботиться о наибольшемъ запасѣ воды въ верхнемъ резервуарѣ, въ видахъ снабженія водою сперва Университетскихъ заведеній, а затѣмъ и Городской вольной пожарной команды;
- б. машинистъ обязанъ ежедневно къ 8 часамъ вечера наполнять верхній резервуаръ водою до самаго края, а равно наблюдать за тѣмъ, чтобы днемъ никогда не было тамъ недостатка въ водѣ;
- в. онъ долженъ наблюдать и за тѣмъ, чтобы находящіяся подъ замкомъ и подъ надзоромъ машиниста гидранты и ямы шиберовъ водопровода для направленія воды не замерзали.

§ 4. Краны тѣхъ гидрантовъ (въ зданіи Университета), сточныя трубы которыхъ оканчиваются внѣ зданія, должны быть тщательно закрываемы и плотно завертываемы.

§ 5. Гидрантныя трубы должны во всякое время лежать наготовѣ у швейцара подлежащаго заведенія. Дубликаты же ключей къ ямамъ для шиберовъ водопровода, снабженные надписями, должны постоянно храниться наготовѣ въ стеклянномъ шкапикѣ у экзекутора.

Утверждено Правленіемъ согласно статьѣ 36., II Устава Юрьевскаго Университета.

Юрьевъ, 16 Ноября 1890 г.

№ 2433.

Ректоръ (подписалъ) **О. Мейковъ.**

Секретарь (скрѣпилъ) **Ф. Томбергъ.**

Въ вѣрности перевода свидѣтельствую: испр. должн. университетскаго переводчика **В. Келлеръ.**

ДВА ВОПРОСА

ИЗЪ УЧЕНІЯ

О „СМЯГЧЕНІИ“ или ПАЛАТАЛИЗАЦІИ ВЪ СЛОВЯНСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

Zwei Fragen

aus der Lehre

über die Palatalisation in den slavischen Sprachen.

Подъ „мягкостью“ или палатальностью звука понимаемъ акустическое впечатлѣніе, получаемое отъ фонетической утилизаціи узкаго пространства, образуемаго вслѣдствіе приближенія средней части языка къ твердому небу. Въ противоположность этому, „твердость“ или непалатальность звуковъ зависитъ отъ удаленія средней части языка отъ твердаго неба. Оба эти понятія — палатальность и непалатальность — понятія описательныя, понятія статическія.

Понятіями же динамическими или же историческими, т. е. понятіями, касающимися фонетическихъ измѣненій, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. измѣненій, съ одной стороны, въ видѣ преходящихъ субституцій (подстановокъ), съ другой же стороны, въ видѣ историческихъ послѣдовательностей, такими понятіями динамическими или же историческими будутъ: 1) „смягченіе“ или палатализація, 2) „отвердѣніе“ или диспалатализація. При палатализаціи данному звуку присваивается артикуляція, состоящая въ приближеніи средней части языка къ небу; диспалатализація же состоитъ, какъ разъ на оборотъ, въ устраненіи изъ состава звука свойственной ему раньше палатальной артикуляціи.

Въ настоящихъ отрывкахъ я рѣшилъ сообщить въ печати свои соображенія, вызванныя обращенными ко мнѣ письмами І. И. Паульсона и Ѳ. П. Кеппена.

I.

Знаменитый педагогъ, Г. И. Паульсонъ, работающій весьма успѣшно тоже на почвѣ фонетики русскаго языка, обратился ко мнѣ съ письмомъ изъ Петербурга отъ 28 декабря 1889 г., прося разъясненій по одному изъ вопросовъ малорусской фонетики. Вотъ его подлинныя слова :

„Не можете ли вы указать мнѣ какую нибудь, хоть самую поверхностную фонетику малорусскаго языка? Я пытался было составить себѣ нѣкоторое представление о малорусскомъ произношеніи, собравъ примѣры словъ изъ сочиненія Миклошича: „Сравнит. морфологія слав. языковъ“, перевед. подъ ред. Р. Брандта (вып. III. яз. малор. и русскій). Но уже на 2-ой страницѣ наткнулся на такой куріозъ :

„ніс = носъ ; н'іс = нѣсъ.

„Твердое *н* передъ *і* для меня совершенно непонятно, если не предположить, что *і* тутъ приближается къ *ы*. Между тѣмъ буква *ы* въ начертаніяхъ малорусскихъ словъ у Брандта нигдѣ не встрѣчается, изъ чего слѣдуетъ заключить, что звука *ы*, или близкаго къ нему, въ малорусск. языкѣ вовсе нѣтъ. Съ другой же стороны, въ „Словарѣ малорусскаго нарѣчія“ Аѳанасьева - Чужбинскаго, помѣщенномъ въ Извѣстіяхъ Академіи наукъ (1856 г.), буква *ы* встрѣчается сплошь и рядомъ. Я бы былъ доволенъ, еслибъ могъ получить хоть такой общій обзоръ звуковъ малорусск. нарѣчія, какой данъ Вами во 2-ой главѣ брошюры „Нѣкоторые отдѣлы сравнит. грамматики“ для польскаго.“

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мною сказано было, между прочимъ, приблизительно слѣдующее :

Дерптъ, 1/13 января 1890 г.

. . . . .

1. Встрѣчаемое у Брандта „ніс = носъ ; н'іс = нѣсъ“ для меня совершенная новость. Мнѣ всегда казалось, — и я такъ и слышалъ отъ природныхъ малороссовъ, — что оба

эти слова въ тѣхъ изъ малорусскихъ говоровъ, которые дошли до крайняго предѣла развитія въ этомъ направленіи, т. е. до крайняго сѣуженія удлинненныхъ раньше гласныхъ *о* и *е*, звучать вполне одинаково, т. е. *n'is* (*n'is*). Не имѣемъ однакожь права подозрѣвать точность сообщенія Брандта, жившаго въ области малорусской территоріи и имѣвшаго случай говорить съ малороссами самыхъ разнообразныхъ діалектическихъ оттѣнковъ. Впрочемъ возможно, что графическое различіе Брандтомъ *nis* и *n'is* не имѣетъ вовсе фонетическаго значенія, а только указываетъ на различіе историческаго происхожденія этихъ словъ и входящаго въ ихъ составъ звука *i*.

2. Я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что „твердый“, непалатальный согласный (консонантъ) возможенъ только въ сочетаніи съ *ы*. Лучшимъ доказательствомъ противнаго служатъ всѣ языки романскіе и германскіе, въ которыхъ *i* соединяется съ предшествующими „твердыми“ согласными. Да и въ языковой области словянской одна только великорусская ея часть обладаетъ особымъ, вполне отличнымъ гласнымъ *ы*, хотя даже и здѣсь различіе *и* (*i*) отъ *ы* есть въ настоящее время явленіе несамостоятельное, явленіе вторичное, т. е., съ точки зрѣнія палатальности, вполне зависящее отъ качества предшествующаго согласнаго. Въ *бы* имѣется теперь *ы*, потому что *ѣ* есть самостоятельно, первично „твердый“ согласный; въ *би* имѣется *и*, потому что „мягкость“ предшествующаго согласнаго *б'* (*бъ*, *b'*) — составляетъ его индивидуальное, независимое свойство, обусловливающее тоже палатальность слѣдующаго за нимъ гласнаго. Другое дѣло, откуда взялись исторически подобныя сочетанія.

Что же касается всѣхъ остальныхъ частей словянской языковой территоріи, то нигдѣ не встрѣтимъ того *ы*, которое такъ характеристично для великорусскаго произношенія. (Болгарское *ѣ*, т. е. собственно узкое *а*, какъ *у* есть узкое *о*, а *і* — узкое *е*, принадлежитъ къ гласнымъ совсѣмъ другого порядка.) Въ польскомъ различаются, правда, *бу*, *пу*, *су*, *ту* . . . . . отъ *бі*, *пі*, *сі*, *лі* . . . . ., но главное и,

можно сказать, единственное различіе этихъ слоговъ сводится къ различію согласныхъ; знаки (буквы) же гласныхъ въ сложившемся исторически польскомъ правописаніи исполняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ роль показателей „мягкости“ или „твердости“ согласныхъ: *y* означаетъ *i* и твердость согласнаго, *ı* тоже *i* и мягкость согласнаго. Нельзя отрицать, что во многихъ польскихъ говорахъ и вообще въ произношеніи многихъ поляковъ *i* слоговъ *by*, *ny*, *sy*, *ty* . . . . . произносятся нѣсколько болѣе назади, нежели *i* слоговъ *bi*, *ni*, *si*, *li* . . . . . Но, съ другой стороны, мнѣ извѣстны польскіе говоры и отдѣльные индивидуумы, произносящіе и въ томъ и другомъ случаѣ совершенно одинаковое *i*, безъ малѣйшей разницы относительно мѣста сближенія языка и неба. Они произносятъ *sin* (съ твердымъ *s*), *riba* (съ твердымъ *r*), *ti* (съ твердымъ *t*), *fiſi* (съ твердыми *f* и *s*) . . . . съ совершенно такимъ же *i*, какъ въ словахъ *ſito* (здѣсь *s'* отличается отъ *s* не одною только палатальностью), *ſi*, *lina* . . . . .

То же самое извѣстно намъ изъ чешской языковой области, равно какъ и изъ языковыхъ областей сербо-хорватской и словинской. Вездѣ здѣсь одно и то же *i* можетъ сочетаться какъ съ „мягкими“, такъ и съ „твердыми“ предшествующими согласными. Наконецъ, то же самое имѣетъ мѣсто и въ малорусской области. Впрочемъ, въ каждой изъ этихъ областей эта особенность проявляется въ своеобразномъ видѣ.

3. Малорусская діалектическая область принадлежитъ въ извѣстномъ смыслѣ къ южной полосѣ славянскаго языкового міра, т. е. къ той полосѣ, въ которой произошло полнѣйшее смѣшеніе прежнихъ *ы* и *и* (*i*). Сюда, кромѣ малорусской, относятся области: болгарская, сербо-хорватская, крайно-словинская и резьянская; — однимъ словомъ, всѣ т. н. южные славяне и малороссы составляютъ въ этомъ отношеніи одну группу, въ противоположность группѣ сѣверной, великорусско-польско-лужицкой, гдѣ сохранилось различіе *ы* и *и* (*i*), если не въ самомъ гласномъ, то по край-

ней мѣрѣ въ различіи „твердости“ и „мягкости“ предшествоващаго согласнаго. Чешско - словацкая группа стоитъ по срединѣ : въ ней отчасти произошло смѣшеніе ($sy = si \dots$), отчасти же сохранилось древнее различіе ($dy, ty \dots$ рядомъ съ $d'i, t'i \dots$).

И такъ, малорусскія сочетанія *би, ти, си, ли* (съ твердымъ *л*, но съ гласнымъ *і*), *ри* . . . произошли :

1) изъ *bi* (би), *ti* (ти), *si* (си), *li* (ли), *ri* (ри) . . . . . ;

2) изъ *by* (бы), *ty* (ты), *sy* (сы), *ly* (лы), *ry* (ры) . . .

Въ малорусскихъ словахъ *лисиця, робити, ходити, дитина, милій, ... , лисій, билина, мило, димъ . . . .* слоги *ли, си, би, ти, ди, ми* . . . произносятся, со стороны палатальности, совершенно одинаково, т. е. съ твердымъ согласнымъ и съ палатальнымъ гласнымъ *и* (*і*).

Конечно, акустическое впечатлѣніе, получаемое отъ малорусскаго произнесенія *ли*, и во время неслогообразующей фонемы, т. е. во время произношенія согласнаго *л*, нѣсколько иное, нежели напр. впечатлѣніе великорусскаго *лы*, или даже польскаго *ły*. Тѣмъ болѣе это замѣтно во время произношенія слогообразующей фонемы *и*. Во первыхъ, само малорусское *и* (*і*) въ выше названныхъ словахъ (*лисиця, робити, милій . . . .*) отличается приближеніемъ средней части языка къ твердому небу болѣе позади, нежели это имѣетъ мѣсто при произношеніи великорусскаго *и* (*лисица, милый . . . .*), польскаго *i* (*lisica, miły . . .*) или даже малорусскаго *i* (*лід, сімь, кінь . . .*); во вторыхъ же, въ малорусскомъ какъ бы чувствуется отсутствіе взаимной ассимиляціонной связи между согласнымъ и гласнымъ членомъ слога. Это и есть проявленіе *одночленности* палатальности, къ которой теперь перехожу.

4. Со стороны палатальности можемъ различать :
а) языки съ „двухчленною палатальностью“, т. е. съ палатальностью, распространяющейся равномерно какъ на слогообразующія, такъ и на неслогообразующія мѣста словъ, т. е. какъ на гласные, такъ и на согласные, значитъ,

языки, отличающиеся въ этомъ отношеніи строгою ассимиляціонною связью гласныхъ и согласныхъ; *b*) языки съ „одночленною палатальностью“, т. е. языки, въ которыхъ палатальное произношеніе свойственно только или согласнымъ, или же гласнымъ, и не можетъ распространяться на обѣ эти части слога; *c*) языки, безразличные въ этомъ отношеніи.

Типичнымъ представителемъ разряда *a*) является языкъ болгарскій, въ которомъ возможны только сочетанія $K_i I_i$ ($K_i i$, $K_e e$), и никакъ невозможны $K_o I_i$ *). По этому всѣ болгарскіе слоги, соотвѣтствующие русскимъ $K I_i$ ($K i$, $K e$) или $K y$ [ти, те (тѣ) . . . , ты . . .], произносятся тамъ всегда непременно съ палатальнымъ согласнымъ. Въ сочетаніи же со слѣдующимъ палатальнымъ гласнымъ непалатальный согласный здѣсь невозможенъ. — Затѣмъ, сюда относится большинство литовскихъ говоровъ, въ которыхъ возможны, съ одной стороны, только l_e , r_e , b_e . . . . ., l_i , r_i , b_i . . . . ., но никакъ не l_o , r_o , b_o , $l_o i$, $r_o i$, $b_o i$ . . . . ., съ другой же стороны, только $-l_o$ ($guł$, $veł$ . . . .), $-r_o$ (tur . . . .), но никакъ не $-l_i$, $-r_i$ . . . . Къ тому же разряду относится своею существенною стороною и великорусская языковая область во всѣхъ своихъ разновидностяхъ, хотя ее, до извѣстной степени, слѣдуетъ причислить тоже къ разряду *c*); какъ и вообще рѣдко можно встрѣтить послѣдовательное проведеніе того или другого принципа, а за то гораздо чаще смѣсь двухъ принциповъ, или же смѣсь извѣстнаго принципа съ безпринципностью, — иначе, т. наз. „переходное“ состояніе.

Типичнымъ представителемъ разряда *b*) является меньшинство литовскихъ говоровъ, въ которыхъ палатальность гласнаго исключаетъ возможность палатальности согласнаго, палатальность же согласнаго возможна здѣсь или при непала-

---

*) При этомъ обозначаютъ: K согласную, консонантную часть слова, I — часть слова гласную, сонантную, i — палатальность, o — непалатальность.

5. Въ одномъ только пунктѣ малорусская языковая область представляетъ отступленіе отъ только что изложеннаго „фонетическаго закона одночленной палатальности“, а именно въ сочетаніяхъ согласныхъ съ вторичнымъ *i*, т. е. съ *i*, развившимся исторически черезъ съуженіе изъ прежнихъ гласныхъ долгихъ, т. е. или изъ общеславянскаго *o* *l* *g* *a* *g* *o* *e* (*ъ*), или же изъ вторично удлинненныхъ *e* и *o* *).

*) Подобное вторичное удлинение произошло когда-то во всехъ славянскихъ языковыхъ областяхъ, но въ областяхъ великорусской и болгарской не осталось отъ нея никакого яснаго слѣда, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ отношеній ударяемости словъ (вода | водка, ногѣ | нѣжка . . .); за то въ сербо-хорватской области это вторичное удлинение до сихъ поръ налицо; въ области крайно-славинской, резьянской, словацкой и чешской различіе краткихъ и вторично-удлиненныхъ гласныхъ (сонантовъ) комбинируется съ различіемъ самихъ растворовъ рта во время произношенія историческихъ замѣнителей той и другой категоріи сонантовъ, хотя впрочемъ въ каждой изъ этихъ областей совершенно своеобразно; наконецъ, въ областяхъ лужицкихъ, въ области польской и кашубской различіе именно самихъ растворовъ рта осталось единственнымъ историческимъ замѣнителемъ прежняго различія краткости и вторичной долготы сонантовъ.

Поэтому то великорусскимъ дѣдъ, мѣдъ, бѣгъ, вѣсть, лѣто, лѣсъ, грѣхъ, рѣка . . . . , несъ, медъ, ледъ, семь, межъ, пчелка . . . . , соль, конь, богъ, спасибо, ность, рокъ, рогъ, ровъ, ровно, розно, овца, боль, бокъ . . . . соотвѣтствуютъ въ малорусскихъ говорахъ, дошедшихъ въ этомъ отношеніи до крайняго предѣла или лимита историческаго развитія, дід (d'id), мідь (m'id'), біг (b'ig'), вість (v'is't'), літо (l'ito), ліс (l'is), гріх (gr'ix), ріка (r'iká) . . . , ніс (n'is), мід (m'id'), лід (l'id'), сім (s'im), між (m'iz'), пчілка (pčifka) . . . . , сіль (s'il'), кінь (k'in'), біг (b'ig'), помагайбі(г) (pomajajb'i), спасибі (spasib'i), ніс (n'is), рік (r'ik), ріг (r'ig'), рів (r'iv), рівно (r'ivno), різно (r'izno), вівця (v'ivc'a), біль (b'il'), бік (b'ik) . . .

. . . . .
 . . . . .

II.

Ө. П. Кеппенъ, извѣстный добросовѣстными и остроумными трудами не только по своей ближайшей спеціальности, естествознанію и географіи животныхъ и растений, но тоже по этнологіи и языковѣдѣнію, писалъ мнѣ изъ Петербурга 27-го декабря 1892 г. между прочимъ слѣдующее :

„Задумавъ составленіе довольно обширнаго труда о древнѣйшихъ обиталищахъ и передвиженіяхъ финскихъ племенъ, я, конечно, долженъ обращать особенное вниманіе на названія какъ населенныхъ мѣстъ, такъ, въ особенности, разныхъ урочищъ: рѣкъ, озеръ, болотъ, лѣсовъ, холмовъ и пр. Между прочимъ, я остановился на окончаніи -у з а, свойственномъ названіямъ нѣкоторыхъ рѣкъ, преимущественно центральной Россіи;

такъ, напр., Руза и Юза, впадающія въ р. Москву; другая Юза, притокъ Гжати, которая, съ своей стороны, впадаетъ въ р. Вазузу, притокъ Волги. Мнѣ думается, что это окончаніе -уза ничтò иное, какъ общераспространенное финское окончаніе -уга, свойственное названіямъ очень многихъ рѣкъ на весьма большомъ пространствѣ, которое когда-то (или еще нынѣ) было занято финскими племенами. Если это такъ, то изъ этого можно было бы вывести любопытное заключеніе о приблизительномъ времени, когда Славяне заняли тѣ мѣстности, въ которыхъ попадаются названія рѣкъ съ окончаніемъ на -уза (а, быть можетъ, на -оза изъ -ога, или -еза изъ ега, — варианты, сводящіеся всѣ на названія „рѣки“ на финскихъ языкахъ: фин. joki, эст. jõgi и пр.).

„Обращаюсь къ Вамъ съ просьбой указать мнѣ, гдѣ-бы я могъ найти точныя свѣдѣнія о времени прекращенія перехода звука г въ з у Славянъ; а также сообщить мнѣ ваше мнѣніе о моемъ предположеніи: признаете-ли Вы вѣроятнымъ, что финскія названія рѣкъ, при усвоеніи ихъ Славянами, подверглись указанному измѣненію?“

По этому вопросу я отвѣтилъ О. П. Кеппену болѣе или менѣе слѣдующее:

Дерптъ, 12/24 января 1893 г.

. . . . .

На отношеніе между фонемами (звуками) г (г) и з (з) [или же dz] въ словянскихъ языкахъ у меня есть съ давнихъ поръ (по крайней мѣрѣ, съ 1880 года) свой собственный взглядъ, который я позволю себѣ сообщить Вамъ вкратцѣ.

Если слов. з (з) [или же dz] соотвѣтствуетъ словянскому же г (г) [точнѣе: чередуется съ g], то оно есть всегда результатъ постепеннаго перерожденія этого г, къ каковому перерожденію первый толчекъ былъ данъ палатализацией („смягченіемъ“) подъ вліяніемъ сосѣднихъ палатальныхъ („мягкихъ“) гласныхъ (вокаловъ) [точнѣе: сонантовъ, или слогообразующихъ]. Но рядомъ съ этимъ имѣется подобное же отношеніе между г (г) и ж (ж), изъ которыхъ послѣднее является тоже результатомъ перерожденія г подъ вліяніемъ

палатализаціи. Такъ какъ же тутъ быть? Какъ согласовать между собою это двоякое перерожденіе одного, по видимому, звука, т. е. палатализованнаго *g*? Слѣдуетъ ли допустить здѣсь произволъ, или же необходимо найти различіе условій, давшихъ разъ *ǵ*, другой разъ *z*?

Разъясненіе этой загадки зависитъ отъ принятія въ соображеніе хронологіи, т. е. историческаго порядка явленій. Два перерожденія фонемы *g* (*ɣ*) подъ вліяніемъ палатализаціи, а именно *ǵ* и *z* [respective *dz*], принадлежатъ двумъ разнымъ эпохамъ жизни языка; это два различныхъ фонетическихъ наслосенія, изъ которыхъ *ǵ* древнѣе, *z* же позже.

Первая по времени палатализація, или, первое „смягченіе“ заднеязычныхъ консонантовъ (согласныхъ) *k*, *g*, *x* (*ch*) славянскихъ языковъ появилось въ сочетаніяхъ этихъ консонантовъ со слѣдующими за ними фонемами, палатальность („мягкость“) которыхъ была унаслѣдована еще отъ обще-аріоевропейскаго состоянія. Таковыя же фонемы были :

славянскія :	развившіяся изъ аріоевропейскихъ :
<i>i̇</i> (<i>j</i>)	<i>i̇</i> (<i>j</i>)
<i>e</i>	<i>e</i>
<i>ǐ</i> (<i>ь</i>)	<i>i</i>
<i>ē</i> (= <i>ā</i>)	<i>ē</i> (<i>ea</i>)
<i>ī</i>	<i>ī</i> , <i>eī</i>
<i>ɛ̇</i>	<i>eN</i> (т. е. <i>en</i> , <i>em</i> . . . .)
<i>ɛ̇</i>	<i>N_i</i> (слоγοобразующій носовой не-вокалъ съ палатальнымъ приближеніемъ языка къ нѣбу)
<i>r_i</i>	<i>r_i</i>
<i>l_i</i>	<i>l_i</i>
<i>ǐr</i> (<i>ьp</i>), <i>ǐl</i>	<i>r_ir</i> , <i>l_il</i>
<i>ǐn</i> , <i>ǐm</i>	<i>n_in</i> , <i>m_im</i> . . .

Примѣры [въ русской формѣ, — конечно, далеко не на всѣ случаи]:

плачь, плачетъ, кричу, чудо, чувствовать . . . .

сторожъ, лежу, жупа . . . .

душа, дышетъ, слышу . . . .

чело, четыре, печетъ . . . .

жена, боже, можетъ . . . .

шесть, душе . . . .

честь, чтить, вѣчный . . . .

ждать, дрожъ, безбожный . . . .

шла, страшный . . . .

часъ, чадъ, молчать . . . .

жаръ, жаль, дрожать . . . .

шалость, дышать, слышать . . . .

читать, чистый, молчить . . . .

жиръ, жила, дрожить . . . .

шило, шія (шея), душить . . . .

часть, начать . . . .

жать, жало . . . .

шататься . . . .

червь, черствый, черный . . . .

жердь, жертва . . . .

челнокъ . . . .

желтый, желчь . . . .

жру . . . .

начну, жну, жму . . . .

Это былъ первый періодъ переднеязычнаго перерожденія заднеязычныхъ, вызваннаго палатализацией.

Когда заднеязычные *k*, *g*, *x* (*ch*) были афицированы (заражены) палатализацией подъ вліяніемъ палатальныхъ сосѣдей, унаслѣдовавшихъ свою палатальность отъ общеаріоевропейскаго состоянія, въ то время общеаріоевроп. дифтонги *oi*, *ai* были еще и у лингвистическихъ предковъ Словянъ дифтонгами, начинавшимися съ непалатальнаго вокала (*a*, *o* или

т. п.). Но затѣмъ насталь — на славянскомъ пути перерожденія обще-аріоевропейскаго языкового достоянія — періодъ устраненія всѣхъ слоговъ съ уживающихся или закрытыхъ, т. е. слоговъ, состоявшихъ въ переходѣ отъ болѣе широкаго звука, составлявшаго центръ слога, къ звуку болѣе узкому, „закрывавшему“ слогъ. Подъ это общее стремленіе подошли тоже дифтонги *oi*, *ai* [смѣшавшіеся въ своемъ первомъ элементѣ, такъ какъ лингвистическіе предки Словянъ перестали различать *a* и *o*, сохранившіеся въ своемъ различіи, напримѣръ, въ греческомъ и латинскомъ: *acutus*, *axis*, *barba* . . . ., но *oculo*, *oculus*, *potest*, *toga*, *porcus* . . .]. Эти дифтонги или, точнѣе, одинъ замѣнившій ихъ обоихъ дифтонгъ *oi* развился въ простой долгій гласный *ē* (черезъ какія посредствующія стадіи, черезъ *ō* ли, или черезъ чтонибудь въ этомъ родѣ, это вопросъ не важный) и отчасти, преимущественно въ концѣ словъ, въ *ī*. Сюда относятся, напримѣръ: 1) Optativus (принявшій значеніе Imperativ'a) [*berī*, *berēte* (бери, берѣте) . . ., *nesī*, *nesēte* (неси, несѣте) . . ., въ греческомъ *φέρεις*, *φέροι*, *φέρουτε* . . .]; 2) Loc. (Dat.) s. m. n. f. существительныхъ [рабѣ, дѣлѣ, женѣ . . .]; 3) N.-A. dualis f. n. [женѣ, дѣлѣ . . .]; 4) Nom. pl. и другіе падежи по мѣстоименному склоненію [*tī* (ти), *rabī* (раби), *tēxū* (тѣхъ), *tēmū* (тѣмъ) . . . .]; 5) довольно много корневыхъ морфемъ [*vēdēti* (вѣдѣти), ср. греч. *οἶδα*, блѣскъ, лѣпнѣть, лѣвый . . .].

Вслѣдствіе этого появленія палатальныхъ вокаловъ *ē* и *ī* вмѣсто дифтонга *oi* (и *ai*), заднеязычныя *k*, *g*, *x* (*ch*) очутились опять въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ палатальными фонемами и должны были опять подвергнуться ихъ ассимиляціонному вліянію, т. е. заразиться отъ нихъ палатальностью. Эта новая палатализація, палатализація втораго періода, повела опять къ перерожденію, но уже къ перерожденію въ другомъ направленіи, а именно въ направленіи къ *s* (ц), *ʒ* (*dz*, *дэ*) или *z* (*з*), *s* (*с*).

И вотъ палатализирующему толчку, данному заднеязычнымъ въ этомъ второмъ періодѣ, мы обязаны такими формами и

словами, какъ [привожу слова въ формѣ древнерусской и новорусской] :

- 1) помози, помозѣте, пыци, пыцѣте . . . .
- 2) волцѣ, бозѣ, руцѣ, нозѣ, вѣцѣ, дусѣ . . . .
- 3) руцѣ, нозѣ, мусѣ, вѣцѣ . . . .
- 4) волци, бози, дуси, грѣси . . . , таци, тацѣхъ . . . ,
друзи и, затѣмъ, друзья . . . .
- 5) цѣна, цѣдитъ, цѣлѣ, цѣпѣ . . . . •

Но это еще далеко не все. Заднеязычные шумы (консонанты) подвержены палатальному вліянію не только слѣдующихъ, но и предшествующихъ фонемъ. Довольно указать на различіе между нѣмецкими *ach* и *ich*. Да и въ русскомъ языкѣ ж слова печникъ, печника произносится нѣсколько иначе, нежели ж слова пятакъ, пятака . . .

И вотъ подобнаго рода афекція съ стремленіемъ къ перерожденію произошла и на словянской почвѣ, и именно въ этотъ второй періодъ палатализаціи, поведшей путемъ спонтанеическаго перерожденія не къ *č* (ч), *ž* (ж), *š* (ш), а къ *c* (ц), *ž* (дз) [*z* (з)], *s* (с). Но только не всегда. Рядомъ съ *genus proximum* палатальнаго сосѣдства необходима была тоже *differentia specifica* своеобразной ударяемости слова. Только тѣ заднеязычные консонанты подверглись ассимилирующему вліянію предшествующихъ палатальныхъ сонантовъ, *ī*, *ī̄*, *ŋ_i* (*е*), *ŋ_i*, которые вмѣстѣ со слѣдовавшимъ за ними сонантомъ - вокаломъ составляли главный по ударенію слогъ даннаго слова. Иначе: *k*, *g*, *x* (*ch*) подверглись палатализаціи, поведшей затѣмъ къ *c*, *ž* (*dz*), *s*, — кромѣ выше разобраннаго вліянія слѣдовавшаго за *k*, *g*, *x* вокала *ē* или *ī̄* изъ *oi*, — только тогда, когда предшествовало имъ *i*, *ī̄*, *ŋ_i*, *ŋ_i* (развившееся потомъ въ *е*), и когда слѣдовалъ за ними ударяемый вокаль (гласный).

Слѣды этой причинной связи, переставшей впрочемъ давно быть таковою, сохранились по настоящее время. Ср. напр. русскія

ликъ, обликъ / лицѣ

кликать, кликнуть / восклицать

двигать / подвизаться . . . .

Этимъ я объясняю также появленіе въ словянской языковой области суффикса -ѣс- (-ьц-), соответствующаго греческому -χο-, санскритскому -ikā-:

отѣць, купѣць . . . . / отцѣ, купцѣ . . . .

Моя гипотеза даетъ возможность объяснить безъ всякихъ натяжекъ странное, повидимому, чередованіе

с // ѣ (ц // ч),

замѣчаемое въ склоненіи такихъ, напримѣръ, словъ, какъ

отьць (отець), отьца . . . , но Vocativus отьче . . . ,

или же въ словообразованіи :

отець . . . , но отеческій, отчизна . . . .

Формы отьче, отьчьск-, отьчизна . . . . . восходятъ своимъ ѣ изъ k къ первому періоду палатализации. Когда изъ *otĭke, *otĭkĭsk-.. появились *otĭk_e, *otĭkĭisk-... , съ стремленіемъ переродиться постепенно въ otĭče, otĭčĭisk-... , въ то самое время формы, представляющія теперь с (ц), имѣли еще k:

*otĭkŭ, *otĭkă, *otĭkŭ . . . .

Но вдругъ условія палатальнаго сосѣдства и ударяемости слова стали благопріятствовать зараженію палатализацией и этого, уцѣлѣвшаго отъ перваго періода, непалатальнаго (твердаго) k, и вмѣсто только что названныхъ сочетаній появляются :

*otĭk_i' (гдѣ i' вм. ѣ подъ вліяніемъ предшествующаго k), *otĭkă, *otĭkŭ . . . . ,

съ стремленіемъ переродиться постепенно въ

otĭcĭ, otĭcă, otĭcŭ . . . .

Различеніє этихъ двухъ періодовъ палатализаціи имѣтъ важное примѣненіе при опредѣленіи относительнаго времени заимствованія чужихъ словъ. Такъ напр. очевидно, что слово *чадо* (цсл. чѣдо), изъ нѣмец. *Kind*, заимствовано раньше, нежели *церковь* (нѣм. *Kirche*, греч. *ἐκκλησίᾳ* . . .), *царь* = *цѣсарь* (*Kaiser, Caesar*), *князь* . . .*).

Само собою разумѣется, что при этомъ не можетъ быть рѣчи объ опредѣленіи времени не только по годамъ, но даже по столѣтіямъ. Языковѣдѣніе, относительно своей хронологіи, находится въ такомъ болѣе или менѣе положеніи, въ какомъ находятся естественныя науки: оно опредѣляетъ только относительную древность, только наслоенія, слои (*Schichten*), а ничуть не хронологію въ смыслѣ повѣтствовательной исторіи.

Что касается названій рѣкъ съ „окончаніемъ“ *-уга* [въ *Руза*, впрочемъ, наврядъ-ли можно это считать „окончаніемъ“, а скорѣе слѣдуетъ видѣть или составную часть корня, *руз-*, или, по крайней мѣрѣ, дѣлить такъ: *Ру-за*; но это выходитъ почти одно и тоже: *-за* и *-уга* могли бы быть альтернантами или чередующимися суффиксами], — то это окончаніе не могло, по моему, развиваться изъ *-уга* послѣ усвоенія этихъ названій Словянами. Какъ я раньше объяснилъ, *z* (*з*), чередующееся съ *g* (*г*), развилось изъ этого послѣдняго всегда только въ слѣдствіе первоначальной палатализаціи, а здѣсь я не вижу никакого повода къ палатализаціи. Я скорѣе склоненъ думать, что это развѣтвленіе произошло на почвѣ самихъ угро-финскихъ языковъ, въ связи съ діалектической дифференціаціей, на подобіе того, какъ въ области аріоевропейской одни языки сохранили заднеязычныя *k₁, g₁, g₁h* задне-

---

*) Впрочемъ, *цѣсарь*, *князь* . . . могутъ быть тоже заимствованиями, не уступающими по древности слову *чадо* или даже превосходящими его, если только допустить, что въ то время были еще въ словянскомъ: дифтонгъ *oi* вм. болѣе поздняго *ě* и сонантъ *ŋ* вм. болѣе поздняго *ę*: *kojsar-, **kŋnn̥g*- . . . .

язычными, другіе же, путемъ спонтанеическаго перерожденія, развили изъ нихъ переднеязычныя: s или т. п., z или т. п. Напр.

греч. <i>δέχα</i> , лат. <i>decem</i> , гот. <i>taíhun</i> . . .	санскр. <i>daśa</i> , армянск. <i>tasn</i> , лит. <i>dēšim-tis</i> , слов. <i>deše-tī</i> . . .
греч. <i>γνω-</i> , лат. <i>gnō-</i> , нѣм. <i>kenn-</i> . . .	санскр. <i>jan-</i> , <i>jñā-</i> , лит. <i>žin-</i> , слов. <i>znā-tī</i> . . .
греч. <i>χιεμών</i> , лат. <i>hiems</i> . . .	(санскр. <i>himá</i>), лит. <i>žemà</i> , слов. <i>zīmà</i> . . .
греч. <i>Φεχω</i> , лат. <i>veh-o</i> , герм. <i>vīg-</i> , <i>vag-</i> . . .	(санскр. <i>vah-ati</i>), лит. <i>vež-ù</i> , слов. <i>vez-</i> , <i>voz-</i> . . .

Если это такъ, въ такомъ случаѣ распредѣленіе названій рѣкъ то съ *-уга*, то съ *-уза* по областямъ могло бы служить важнымъ указаніемъ при опредѣленіи распредѣленія двухъ, различныхъ въ названномъ отношеніи, угрофинскихъ племенъ.

Возможно еще одно предположеніе. Такъ какъ суффиксъ рѣчныхъ названій, *-га*, respective *-за*, восходитъ, по вашему, къ названію „рѣки“ на финскихъ языкахъ (фин. *joki*, эст. *jõgi* . . .), гдѣ вездѣ послѣ *g* (или *k*) имѣется *i*, значить, звукъ палатальный и вызывающій палатализацию, то можно допустить, что Словяне названія рѣкъ съ окончаніемъ *-уга* заимствовали сначала въ формѣ *-угй* (*-угь*), развившейся затѣмъ, путемъ палатализаціи и спонтанеическаго перерожденія, въ *-узй* (*-узь*), стало-быть: Рузь, Яузъ, Вазузъ . . . И только впослѣдствіи, вслѣдствіе морфологическаго уподобленія къ слову рѣка и къ преобладающему большинству словъ женскаго рода, могли появиться Руза, Яуза, Вазуза . . .

Можно однакожь спросить: почему вмѣсто словъ въ родѣ Рузь . . . появились не слова въ родѣ Рузя . . ., а только слова въ родѣ Руза . . .? На этотъ вопросъ трудно отвѣтить, но можно предположить, 1) что или слова въ родѣ

Рузь . . . произносились въ то время, когда вмѣсто нихъ появились Руза . . . , не со столь „мягкимъ“ (т. е. сильно „смягченнымъ“) *z'* (зь), а только еле-еле палатально, 2) или же что слова въ родѣ Рузь . . . сначала „отвердѣли“ въ Рузь . . . (что однако-же на врядъ-ли было возможно) и затѣмъ только изъ Рузь . . . развились Руза . . . , 3) или же, наконецъ, что поводомъ къ появленію Nominativ'овъ Руза, Яуза . . . были Locativ'ы и Dativ'ы Рузѣ, Яузѣ . . . , на Рузѣ, на Яузѣ . . . , въ Рузѣ, въ Яузѣ . . . вм. прежнихъ Рузи, Яузи . . . , на Рузи, на Яузи . . . , отъ Nominativ'овъ Рузь, Яузь . . . *)

При появленіи же въ названіяхъ подобныхъ рѣкъ суффикса *-уга* и вообще *-га* могло произойти сразу морфологическое уподобленіе къ большинству существительныхъ женскаго рода: финское *-og'i* замѣнилось сразу словянскимъ *-уга* (*-уга*).

Наконецъ, возможно, что и въ случаяхъ, гдѣ теперь видимъ *-уза* (Руза, Яуза . . .), произошло тоже сразу морфологическое уподобленіе къ большинству словянскихъ существительныхъ ж. р. на *-а*, но за то еще въ финскихъ нарѣчіяхъ тѣхъ мѣстностей развилось палатализованное *g* (въ *-jog'i*, *-jog'i* или т. п.), такъ что получились сразу словянскія Ру́га (Ruǵ'a), Яу́га (Jaug'a) . . . , измѣнявшіяся затѣмъ постепенно въ Руза, Яуза . . .

Какъ бы то ни было, начало этой палатализаціи восходитъ ко второму періоду палатализаціи словянской языковой области, т. е. къ періоду, давшему, съ одной стороны, друзья, пьци, нозѣ, руцѣ, дуси, цѣна . . . , съ другой же стороны, цѣсарь, церковь, князь . . . , а не къ первому періоду, которому мы обязаны словами съ *з*, *ж*, *ш* (изъ *к*, *г*, *х*) и, между прочимъ, заимствованными чадо, шлѣмъ или шоломъ и т. п.

*) Вообще все это слишкомъ натянутыя и искусственныя предположенія и толкованія.

Прим. автора.

Мнѣ положительно неизвѣстно сочиненіе, гдѣ можно бы найти точныя свѣдѣнія о времени прекращенія перехода звука *г* въ *з* у Словянъ, да такой переходъ, въ виду выше изложеннаго, и невозможно допустить безъ точно опредѣленныхъ условій.

. . . . .

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

Auszug

aus der vorstehenden Abhandlung.

Unter dem Namen der Palatalität verstehen wir den akustischen Eindruck, welchen man von der phonetischen Utilisation des durch die Annäherung der mittleren Zunge an den harten Gaumen gebildeten engen Raumes empfängt. Im Gegensatz dazu hängt die Non-Palatalität der Laute mit dem Entferntsein der mittleren Zunge vom harten Gaumen zusammen. Beide, Palatalität und Non-Palatalität, sind descriptive, statische Begriffe. Dynamische oder auch historische Begriffe dagegen, d. h. Begriffe, welche sich auf phonetische Veränderungen im weitesten Sinne des Wortes beziehen (es mögen diese Veränderungen vorübergehende Substitutionen oder historische Consequenzen sein), sind Palatalisation (Palatalisirung) und Dispalatalisation (Entpalatalisirung). Bei der Palatalisation erhält der Laut die ihm früher fremde palatale Articulation, bestehend in der Annäherung der mittleren Zunge an den Gaumen; die Dispalatalisation dagegen bedeutet die Beseitigung aus dem zum Lautbestande gehörenden Articulationencomplexe der ihm früher eigenen palatalen Articulation.

In diesem Artikel erlaubte ich mir meine Ausführungen mitzutheilen, welche durch die an mich gerichteten Briefe zweier hervorragender Gelehrten, J. Paulson und Th. Köppen, veranlasst wurden.

I.

Der berühmte russische Pädagog, J. Paulson, wünschte von mir Aufklärung über einige dunkle Punkte der kleinrussischen Phonetik zu erhalten (Brief aus Petersburg vom 28. December 1889).

Darauf erwiderte ich ihm am 1./13. Januar 1890 ungefähr Folgendes:

1. Die von Brandt (in den Fussnoten zu der unter seiner Redaction erschienenen russischen Uebersetzung von Miklosich's „Vergl. Morphol. der slavischen Sprachen“) angenommene Unterscheidung „*нѣс* = *носѣ* (Nase); *н'ѣс* = *нѣсѣ* (trug)“ ist mir ganz neu. Wir haben aber kein Recht, die Richtigkeit dieser Unterscheidung zu verdächtigen. Es könnte übrigens auch möglich sein, dass diese graphische Unterscheidung nicht eine verschiedene Aussprache, sondern eine verschiedene historische Herkunft dieser Wörter bezeichnet.

2. Ich kann nicht der Meinung beistimmen, es sei ein „harter“, nicht palataler Consonant nur in Verbindung mit *ы* möglich. Zum Beweis dafür berufe ich mich auf alle germanischen und romanischen Sprachen, wo sich *i* mit den vorhergehenden „harten“ Consonanten verbindet. Und selbst im slavischen Sprachgebiete besitzt nur dessen grossrussischer Theil einen besonderen, eigenartigen Vocal *ы*, obgleich auch hier die Unterscheidung des *и* (*i*) von *ы* gegenwärtig etwas unselbständiges, etwas secundäres, d. h., vom Standpunkte der Palatalität, von der Qualität des vorhergehenden Consonanten ganz abhängiges ist. Im grossrussischen *бы* hat man jetzt *ы*, weil *б* (*b*) ein selbständig, primär „harter“, d. h. nicht-palataler Consonant ist; in *би* dagegen haben wir *и* (*i*), weil die Palatalität des vorhergehenden Consonanten *б'* (*бѣ*, *b'*) dessen individuelle, unabhängige Eigenthümlichkeit bildet und die Palatalität des

folgenden *i* seinerseits bedingt. Dabei bleibt es eine Frage für sich, eine Frage historisch-phonetischen Charakters, auf welche Weise solche und ähnliche Verbindungen in der Vergangenheit entstanden sind.

In den übrigen, nichtgrosrussischen Theilen des slavischen Sprachgebietes finden wir nirgends das für die grosrussische Aussprache so charakteristische *и*. [Bulgarisches *ѣ* ist eigentlich enges *a*, wie *y* (*u*) enges *o* und *ѧ* enges *e*.] Im Polnischen unterscheidet man zwar *by*, *ny*, *sy*, *ty* ... von *bi*, *ni*, *si*, *li* ..., aber das Hauptgewicht in der Unterscheidung dieser Silben liegt in der Unterscheidung der Consonanten, während der Unterschied zwischen den Sonanten (Vocalen) ein ganz minimaler oder beinahe gleich Null ist.

Dasselbe kommt auch im czechischen, im serbochorvatischen, im slovenischen und schliesslich im kleinrussischen Gebiete vor, obgleich in jedem derselben auf eine eigenartige Weise.

3. Das kleinrussische dialektische Gebiet, in welchem eine vollständige Mischung der früheren *и* (*y*) und *и* (*i*) stattfand, gehört in dieser Hinsicht, sammt dem bulgarischen, serbochorvatischen, kraino-slovenischen und resianischen, zur südlichen Zone der slavischen Sprachenwelt, im Gegensatz zur nördlichen, grosrussisch-polnisch-sorbischen Zone, wo der Unterschied von *и* und *и* (*i*) sich erhalten hat, wenn nicht in dem Vocale selbst, so wenigstens in der Unterscheidung der „Härte“ (Nicht-Palatalität) und „Weichheit“ (Palatalität) des vorhergehenden Consonanten. Die czecho-slovakische Gruppe nimmt in dieser Hinsicht eine mittlere Stellung ein.

So sind die kleinrussischen Verbindungen *би*, *ти*, *си*, *ли* (mit einem „harten“ *ѣ*, aber mit dem Vocale *i*), *пи* ... einerseits aus *bi*, *ti*, *si*, *li*, *ri* ..., andererseits aber aus *by*, *ty*, *sy*, *ly*, *ry* ... historisch entstanden. Diese kleinruss.

Verbindungen werden mit einem „harten“ Consonanten und mit einem palatalen Vocal *i* ausgesprochen. Selbstverständlich ist der akustische Eindruck, welchen man von der kleinrussischen Aussprache sogar des consonantischen Theiles einer solchen Verbindung, z. B. des π (t) in der Verbindung $\pi\mu$, erhält, etwas anderer, als der Eindruck des π (t) in einem grossrussischen $\mu\pi$ oder selbst in einem polnischen πy . Im Kleinrussischen fühlt man gleichsam den Mangel eines gegenseitigen Assimilations-Zusammenhanges zwischen dem consonantischen und sonantischen Silbengliede. Es ist eben eine Manifestirung der Eingliedrigkeit im Bereiche der Palatalität.

4. Vom Standpunkte der Palatalität unterscheiden wir: a) die Sprachen mit einer „zweigliedrigen Palatalität“, d. h. mit einer Palatalität, welche sich gleichmässig ebenso auf die silbgebildenden, wie auch auf die nicht-silbgebildenden Silbenglieder erstreckt; b) die Sprachen mit einer „eingliedrigen Palatalität“, d. h. die Sprachen, in welchen die palatale Aussprache entweder nur den Consonanten, oder nur den Sonanten eigen ist und sich auf diese beiden Silbentheile gleichzeitig nicht erstrecken kann; c) die in dieser Hinsicht indifferenten Sprachen.

Als typischer Repräsentant der Gruppe a) kann die bulgarische Sprache genannt werden. Dann gehört hieher die Mehrzahl der litauischen Dialekte. Von seiner wesentlichen Seite ist in dieselbe Classe auch das grossrussische Sprachgebiet in allen seinen Varietäten aufzunehmen, obgleich man dieses Gebiet, bis zu einem gewissen Grade, zu der Classe c) zählen muss, — was doch nicht Wunder nehmen dürfte, wenn man erwägt, dass man überhaupt seltener einer consequenten Durchführung irgend eines Principes, sondern viel häufiger einer Mischung zweier Principe, oder selbst einer Mischung eines gewissen Principes mit der Principienlosigkeit oder, mit anderen Worten, einem sogen. „Uebergangszustande“ begegnet.

Als typische Repräsentanten der Classe *b*) können einige litauische Dialekte gelten, in welchen die Palatalität des Sonanten (Vocals) eine gleichzeitige Palatalität des Consonanten unmöglich macht, und umgekehrt. Im allgemeinen gehört auch hieher das kleinrussische dialektische Gebiet, wo der Vocal *e* oder *u* (*i*) [dieser letztere aus den gemeinslavischen и (*i*) und ы] sich mit den vorhergehenden nichtpalatalen Consonanten verbindet, während palatale Consonanten nur vor den nichtpalatalen Vocalen oder im Silbenauslaute möglich sind. Daher kleinruss. поле (*póte*, Feld), солити (*softi*, salzen) . . . , aber поля (*pó'a*, *Genit.*), полѣм (*pól'om*, *Instr.*), сѣль (*s'íl*, Salz) . . .

5. Bloss in einem einzigen Punkte bietet das kleinrussische Sprachgebiet eine Abweichung von dem soeben erwähnten „phonetischen Principe der eingliedrigen Palatalität“, und zwar in den Verbindungen mit einem secundären *i*, d. h. mit einem *i*, welches sich infolge einer Verengung aus den früheren *l a n g e n* Vocalen, nämlich entweder aus einem langen *ē* (*ѣ*), oder aus den secundär verlängerten *e* und *o* *), historisch entwickelte. So entsprechen auch den grossrussischen дѣдъ (Grossvater, alter Mann) . . . , медъ (Honig), несть (*trug*) . . . , соль (Salz), носъ (Nase), овца (Schaf) . . . in denjenigen kleinrussischen Dialekten, welche

---

*) Eine solche secundäre Verlängerung hat sich einstmals in allen slavischen Sprachgebieten vollzogen, aber im grossrussischen und bulgarischen blieb davon keine klare Spur übrig, mit Ausnahme vielleicht einiger darauf zurückzuführenden Accentuationsunterschiede (водà | водка . . .); dafür aber ist im serbo-chorvatischen Gebiete diese secundäre Verlängerung bis zur Stunde erhalten; in dem kraino-slovenischen, resianischen, slovakischen und czechischen Gebiete combinirt sich die Unterscheidung der kurzen und secundär verlängerten Sonanten mit den Unterschieden der Mundöffnung während der Hervorbringung historischer Vertreter dieser beiden Arten von Sonanten, obgleich in jedem von diesen Sprachgebieten auf eine eigenartige Weise; endlich blieb in den beiden sorbischen (lausitzischen) Sprachgebieten, wie auch im polnischen und kaschubischen Gebiete die Unterscheidung gerade der Mundöffnungen selbst als einziger historischer Vertreter der früheren Unterscheidung einer Kürze und einer secundären Länge von Sonanten.

zur äussersten Grenze oder zum *limes* der historischen Entwicklung in dieser Richtung gelangt sind, дід (d'id), мід (m'id), ніс (n'is), сінь (s'il'), вівця (v'ivc'á) . . .

II.

Der durch seine Arbeiten auf dem Gebiete nicht nur seiner nächsten Specialität, der Naturwissenschaften und der Geographie der Thiere und Pflanzen, sondern auch der Ethnologie und Sprachwissenschaft rühmlichst bekannte Forscher, Th. v. Köppen, theilte mir aus Petersburg am 27. December 1892 mit, er beabsichtige eine umfangreiche Abhandlung über die ältesten Wohnsitze und Wanderungen der finnischen Stämme zu verfassen, wobei Ortsnamen jeglicher Art eine sehr wichtige Rolle spielen. Seine, Köppen's, besondere Aufmerksamkeit hätten Flussnamen mit der „Endung“ -yза (-uza) auf sich gezogen, welche einigen Flüssen, vorzugsweise in Central-Russland, eigen sind. Köppen hält diese „Endung“ -yза für eine Modification der allgemein verbreiteten finnischen „Endung“ -yга (-uga). In Anbetracht dieses Unterschiedes könnte man, nach Köppen's Meinung, einen interessanten Schluss über die ungefähre Zeit ziehen, zu welcher die Gegenden, wo jetzt -yза vorkommt, von den Slaven besetzt wurden. Dazu aber würden die genauen Daten über den Zeitpunkt nöthig sein, wann der Prozess des Ueberganges des Lautes r (g) in з (z) bei den Slaven aufhörte.

Die Mittheilung Köppen's hat mich zu einigen Betrachtungen in meinem Briefe vom 12./24. Januar 1893 angeregt. Ich gebe sie hier in kürzerer Fassung wieder.

Meine, wenigstens seit dem J. 1880 in meinen Collegien erst in Kasan und dann in Dorpat ausgesprochene, Ansicht über das Verhältniss zwischen den Phonemen g (r) und z ($ž$) [oder $ž$ (dz)] in den slavischen Sprachen lässt sich folgendermassen formuliren:

Wenn ein slavisches z [oder $ž$] mit einem g alternirt, ist es immer Resultat einer allmählichen phonetischen Umwandlung dieses g . Der erste Anstoss zu einer solchen historischen Umwandlung wurde zunächst immer von der Palatalisirung des g durch den Einfluss benachbarter palataler Sonanten gegeben. Aber daneben findet man auch ein ähnliches Verhältniss zwischen g (r) und $ž$ ($ж$), wo $ž$ ebenfalls Resultat einer Umwandlung von g nach erfolgter Palatalisirung desselben darstellt. Wie ist diese Doppelheit zu erklären? War sie rein willkürlich oder von verschiedenen Bedingungen abhängig?

Eine befriedigende Antwort darauf bekommt man, wenn man die relative Chronologie sprachlicher Prozesse berücksichtigt. Zwei Umwandlungen des Phonems g unter dem Einflusse der Palatalisation, d. h. einerseits $ž$, andererseits z (respective $ž$), gehören zwei verschiedenen Epochen des Sprachlebens an; es sind zwei verschiedene phonetische Ablagerungen: $ž$ älter, z aber jünger.

Die erste Palatalisation slavischer hinterlingualer Consonanten k , g , x (ch) entstand in Verbindungen mit folgenden Phonemen, deren Palatalität noch von der gemeinsamen arioeuropäischen (indogermanischen) Periode ererbt war. Solche Phoneme waren: slav. $\dot{i}$ (j), e , $\dot{i}$, $\bar{e}$ ($= \bar{a}$), $\bar{i}$, $\bar{e}$, r_i , l_i , $\dot{r}$, $\dot{l}$, $\dot{n}$, $\dot{m}$, entsprechend den arioeuropäischen $\dot{i}$ (j), e , $\dot{i}$, $\bar{e}$ (ea), $\bar{i}$, ei , eN , N_i , r_i , l_i , $r_i r$, $l_i l$, $n_i n$, $m_i m$.

Das war die erste Periode einer durch die Palatalisation hervorgerufenen vorderlingualen Degeneration (Umwandlung) hinterlingualer Consonanten.

Während nun diese erste palatale Affection durch die Wirkung der vom arioeuropäischen Zustande herübergekom-

menen palatalen Phoneme sich zu entwickeln begann, existierten noch bei den linguistischen Vorfahren der Slaven die Diphthonge *oi*, *ai*, welche folglich mit einem nicht-palatalen Vocale (*o*, *a*) anlauteten. Dann aber ist, — auf der slavischen Linie der Umgestaltung des gemein-arioeuropäischen Sprachgutes, — die Periode der Beseitigung aller „geschlossenen“ Silben eingetreten. Diesem allgemeinen Streben unterlagen auch die Diphthonge *oi*, *ai* (bei den Slaven wohl in einem einzigen, nämlich *oi*, zusammengefallen), welche sich nun stufenweise in einen langen palatalen Vocal, $\bar{e}$, viel seltener, vorwiegend im Wortauslaute, $\bar{i}$, verwandelten.

Infolge dieser secundären Entwicklung der palatalen Vocale $\bar{e}$ und $\bar{i}$ aus dem Diphthonge *oi* und *ai* verfielen wiederum die in eine unmittelbare Nachbarschaft mit solchen $\bar{e}$ und $\bar{i}$ gerathenen hinterlingualen *k*, *g*, *x* einer assimilirenden Wirkung seitens der betreffenden palatalen Vocale. Diese neue Palatalisation, Palatalisation der zweiten Periode, führte wieder zu einer Umwandlung, aber schon in einer anderen Richtung, und zwar in der Richtung zu *c*, $\mathfrak{z}$ (*dz*) [oder *z*], *s* hin.

Das ist aber bei weitem nicht alles. Hinterlinguale Geräusche sind einem palatalen Einflusse nicht nur folgender, sondern auch vorangehender Phoneme ausgesetzt. Es genügt auf den Unterschied der deutschen *ach* und *ich* hinzuweisen. Eine ähnliche Affection mit dem Streben nach Umwandlung fand auch auf dem slavischen Boden statt, und gerade in dieser zweiten Periode der Palatalisation, welche auf dem Wege spontaner Umwandlung nicht zu $\check{c}$, $\check{z}$, $\check{s}$, sondern zu *c*, $\mathfrak{z}$ (*dz*) [oder *z*], *s* hinführte. Jedoch nicht immer. Neben dem *genus proximum* der palatalen Nachbarschaft war auch eine *differentia specifica* eigenartiger Accentuation des Wortes nöthig. Nur diejenigen hinterlingualen Consonanten unterlagen einer assimilirenden Wirkung

vorangehender palataler Sonanten, $\check{i}$, $\bar{i}$, n_i , r_i , welche mit dem darauf folgenden Vocale die hauptbetonte Silbe des Wortes bildeten. Spuren eines solchen causalen Zusammenhanges, welcher übrigens seine causale Bedeutung schon längst verloren hatte, haben sich bis jetzt z. B. im Russischen erhalten:

лик, облик / лицó

кликать, кликнуть / восклицать

двигать / подвизаться . . . .

Auf ebensolche Weise erkläre ich mir die Entwicklung im Slavischen eines Suffixes - $\check{i}c$ - (- $\check{y}c$ -), dem griech. - $\epsilon\acute{o}$ -, dem sanskr. - $iká$ - entsprechend.

Meine Hypothese ermöglicht ohne Schwierigkeit eine Erklärung der Alternation c // $\check{c}$ z. B. in der Declination solcher Wörter, wie отьць, отьцá . . . , Vocat. отьче . . . u. ä.

Die Unterscheidung dieser beiden Perioden der Palatalisation findet eine wichtige Anwendung bei der Bestimmung des relativen Alters der Entlehnung fremder Wörter. So ist z. B. das Wort чадо (Kind) früher entlehnt worden, als церковь (Kirche), царь = цѣсарь, князь . . . [Uebrigens könnten цѣсарь, князь . . . ebenso alte oder selbst ältere Entlehnungen als чадо sein, wenn es sich nur beweisen lässt, dass zu jenen Zeiten noch oi und n_i anstatt der späteren $\bar{e}$, e im Slavischen existirten: * $koisar$, * $künnig$ . . .]

Die „Endung“ -уза (-uza) konnte sich, meiner Meinung nach, nicht erst nach der Entlehnung der betreffenden Flussnamen durch die Slaven aus -ура (-uga) entwickelt haben. Wie oben auseinandergesetzt, hat sich ein mit g alternirendes z aus g einzig und allein infolge einer Palatalisation historisch entwickelt. Hier aber war kein Anlass zu einer solchen Palatalisation vorhanden. Ich wäre eher geneigt zu glauben, dass diese Wandlung von g zu z sich auf dem Boden der ugro-finnischen Sprachen selbst, im

Zusammenhänge mit der dialektischen Differenzirung, vollzog, ähnlich wie im Bereiche der arioeuropäischen Sprachen einige von diesen Sprachen die hinterlingualen k_1 , g_1 , g_1h als hinterlinguale bewahrt haben, andere dagegen, auf dem Wege einer spontanen Umwandlung, vorderlinguale s od. $ä$, z od. $ä$. daraus entwickelten (griech. $\delta\acute{\epsilon}\chi\alpha$, lat. *decem*, got. *taihun* . . . , aber sanskr. *daça*, armen. *tasn*, litauisch *dėšim-tis*, slav. *dese-ti* . . .). Wenn es dem wirklich so wäre, dann könnte die Vertheilung der Flussnamen bald mit *-yra* (*-uga*), bald mit *-yza* (*-uza*) als ein nicht zu unterschätzender Fingerzeig für die Bestimmung der Vertheilung zweier, in dieser Hinsicht verschiedener ugro-finnischen Stämme dienen.

Es sind noch verschiedene, darauf bezügliche Vermuthungen möglich, von denen mir die folgende am plausibelsten erscheint:

In den Fällen, wo wir jetzt *-yza* (*-uza*) in den Flussnamen haben, hat sich sogleich, im Moment der Entlehnung, eine morphologische Assimilation an die Mehrzahl slavischer Substantiva fem. gen. auf *-a* vollzogen, aber mit einem schon auf dem urheimischen Boden, bei dem ugro-finnischen Volke jener Gegenden, palatalisirten g (in *-jog'i*, *-jog'i* od. $\ddot{a}$.), so dass man sogleich slavische *Руг'а* (*Rug'a*), *Яуг'а* (*Jaug'a*) . . . erhielt, welche sich nachher in *Руза* (*Ruza*), *Яуза* (*Jauza*) . . . allmählich verwandelten.

Jedenfalls gehört der Anfang dieser Umwandlung zur zweiten Palatalisationsperiode des slavischen Sprachgebietes, d. h. zu der Periode, welche einerseits zu *друзья*, *пыци*, *нозѣ*, *руцѣ*, *дуси*, *цѣна* . . . , andererseits zu *цѣсарь*, *церковь*, *князь* . . . führte, nicht aber zur ersten Palatalisationsperiode, welcher wir die Wörter mit $\check{c}$ ($\check{c}$), $\check{z}$ ($\check{z}$), $\check{s}$ ($\check{s}$) [aus k , g , x (ch)], und unter anderem die entlehnten *чадо*, *шлѣмъ* oder *шоломъ* u. s. w. verdanken.

J. Baudouin de Courtenay.

Rossica historica

ЗА 1890 — 1892 Г.

Сообщилъ **В. Кордтъ.**

Помѣщая списокъ книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ на иностранныхъ языкахъ за время отъ 1890 по 1892 г., т. е. за послѣдніе три года, мы предполагаемъ и въ будущемъ слѣдить за этой литературою и сообщать о ней ежегодно. Въ обзоръ 1893 года, который мы разсчитываемъ помѣстить въ первой книжкѣ „Учен. Записокъ“ за 1894 г., будутъ сообщены, въ видѣ прибавленія, названія книгъ и статей которыя, быть можетъ, пропущены въ настоящемъ списокѣ.

Finkel (L.) Bibliografia historyi polskiej. Część I, We Lwowie 1891. 8°. 527 стр.

Wierzbowski (T.) Bibliographia polonica XV ac XVI ss. vol. II. Varsaviae, 1891. 8°. IX, 330 стр.

Poelchau (A.) Die livländische Geschichtsliteratur i. J. 1890. Riga, 1891. 1891 ib. 1893. 8°.

Braudo (A.) Jahresbericht der Geschichtswissenschaft. Russland (Jahresberichte der Geschichtswissenschaft.

XII. Jhr. 1889. Berlin 1891. III, 164—193.

XIV. Jhr. 1891. Berlin 1892. III, 235—258).

Jakouchkine (W.) Bulletin historique. Russie. (Revue historique. 1891, II. Стр. 124—137.)

Minzes (B.) Die geschichtlichen Studien in Russland. (Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1892. II, 161—171.)

Literatur zur ausserdeutschen Geschichte: Russland. (Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft VI. 217—224.)

Mancest Batiffol (L.) Les archives de l'empire russe à Moscou, d'après M. J. Chimko. (Revue historique T. 44. 1890, стр. 56—68.)

Regel (W.) Analecta Byzantino-Russica. St. Petersburg, 1891. 8°. CLIV, 143 стр.

Sverges traktater med främmande magter, utgifna af O. S. Rydberg. V, 1, 2. Stockholm, 1890—91. 8°.

Prochaska (A.) Materyały archiwalne, wyjęte z Metryki litewskiej od 1348 do 1607 r. Lwów, 1890. 8°.

Gorcza k (B.) Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie. Tom III. 1432—1534. Tom IV. 1535—1547. Lwów, 1890. 4°.

Codex epistolaris saeculi decimi quinti. Vol. II, ed. A. Lewicki. (Monumenta medii aevi, res gestas Poloniae illustrantia. Vol. XII. LXXX, 532 стр.)

Prochaska (A.) Archivum domus Sapiehanae. Tomus I continet codicem epistolarem. 1575—1603. Lwów, 1892. Fol. XXXV, 577 стр.

См. рецензію С. Пташицкаго въ Журналѣ минист. нар. просвѣщенія. 1893. Январь, стр. 194—223.

Chmiel (A.) Zbiór dokumentów znajdujących się w bibliotece hr. Przezdzieckich w Warszawie. Kraków, 1890. 8°. XIX, 160.

Uhlenbeck (C.) Verslag aangaande een onderzoek in de archieven van Rusland ten bate der Nederlandsche Geschiedenis. — Bijlage: Cordt (B.) Beiträge zu einer Russisch-Niederländischen Bibliographie. 's-Gravenhage, 1891. 8°. 279 стр.

См. рецензію Р. Гаусмана въ Götting. gelehrte Anzeigen 1892 № 18.

Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la révolution française. Russie par Rambaud. I. II. Paris 1890—1891. 8°.

Borzemski (A.) Kronika Miechowity, rozbiór krytyczny. Kraków 1890. 8°. 200 стр.

Smolka (St.) Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa ruskolitewskiego, rozbiór krytyczny. (Pamiętniki Akademii umiejętności w Krakowie: Wydział filologiczny i histor. VIII. 1890. стр. 1—55.)

- Prochaska (A.) O wydawnictwie pomników dziejopisarstwa litewsko-ruskiego. (Pamiętnik II zjazdu historyków polskich we Lwowie: I. 1890.)
- Prochaska (A.) Latopis litewski, rozbiór krytyczny. I. Lwów, 1890. 8°.
- Schaller (M.) Marco Polo und die Texte seiner Reisen, Burghausen, 1890. 8°. 57 стр.
- Cordier (H.) Les voyages en Asie au XIVe siècle du bienheureux frère Odoric de Pordenone, religieux de Saint François, publiés avec une introduction et des notes. Paris, 8°. CLVIII, 602 стр.
- Gravière (J. de la) Les ouvriers de la onzième heure. Les Anglais et les Hollandais dans les mers polaires et dans la mer des Indes. Paris, 1892. 8°. 2 тома.
- Janko (Joh.) Mor. Benyovsky als geographischer Forscher. (Ungarische Revue XI. стр. 97—119.)
- Morfill (W. R.) The story of Russia. New-York, 1890. 8°. XIX, 394 стр.
- Piř (J. L.) Dejiny národa Ruského. I. Prag. 284 стр.
- Leger (Louis), Russes et Slaves. Etudes politiques et littéraires. Paris, 1890. 8°. XIV, 346 стр.
- Stuart-Merritt (C.) La Russie dans le passé, présent, l'avenir. Lyon. 1890. 8°. 31 стр.
- Leroy-Beaulieu (A.) Das Reich der Zaren und die Russen. Deutsch von L. Pezold und J. Müller. III. Bd. Sondershausen, 1890. 8°.
- Gutzeit (W. v.) Untersuchungen über Gegenstände der ältesten Geschichte Russlands. Riga, 1890. 8°.
- Jacob (G.) Die Waaren beim arabisch-nordischen Verkehr im Mittelalter. Supplement zur 2. Auflage von: Welche Handelsartikel bezogen die Araber des Mittelalters aus den nordisch-baltischen Ländern. Berlin, 1891. 8°.
- Kovalevsky (M.) Modern customs and ancient laws of Russia. London, 1891. 8°.

- Michalowski (F.) Études sur la religion des anciens Slaves. (Bulletin polonais littéraire, scientifique et artistique. Paris, 1890.)
- Curtin (J.) Myths and folk tales of the Russians, Western Slaves and Magyars. Boston. XXVII, 555 crp.
- Murko (M.) Die Geschichte von den sieben Weisen bei den Slawen. (Sitzungsberichte der philosophisch - historischen Klasse der kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu Wien. Tom 122. Wien, 1890. 138 crp.
- Neumann (A.) La Lithuanie et ses légendes. (Bulletin polonais litt. Paris, 1891.)
- Bielenstein (A.) Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jh. Ein Beitrag zur ethnologischen Geographie und Geschichte Russlands. Mit einem Atlas. St. Petersburg, 1892. 4°.
- Łukaszewicz (M. W. ks.) Sarmacya-Lechia-Polska, trójlistek słowiański; obrazki z starożytnych dziejów trójmiejscowego a trójjednego narodu polskiego. Poznań, 1890. 8°.
- Kętrzyński (W.) Granice Polski w wieku X. (Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału historyczno-filozoficznego. XXVIII. Kraków, 1892; crp. 300—453.)
- Stern (B.) Fürst Wladimirs Tafelrunde. Altrussische Helden-sagen. Berlin, 1891. 8°. VII, L, 219 crp.
- Czołowski (A.) O położeniu starego Halicza. Lwów, 1890. 8°.
- Braun (F.) Die letzten Schicksale der Krimgoten. St. Petersburg. 1890. 8°. 88 crp.
- Rohrbach (P.) Die Schlacht auf dem Eise. Eine Deutsch-Russische Entscheidung im Jahre 1242. (Preussische Jahrbücher. 70. 1892. crp. 220—228.)
- Łatkowski (J.) Mendog, król litewski. Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału historyczno - filozoficznego, XXX. Krakau, 1892. crp. 1—32. 8°.
- Cp. także: Anzeiger der Akademie der Wiss. in Krakau. 1892. März.

- Buck (W.) Der deutsche Kaufmann in Nowgorod bis zur Mitte des XIV. Jahrhunderts. Berlin, 1891. 8°. 43 стр.
- Zakrzewski (J.) Bitwa pod Grünwaldem, stoczona r. 1410 dnia 15 lipca. (Roczniki towarzystwa przyjaciół nauk poznańskiego XVII, 2. Poznań, 1890.)
- Papée (Fr.) Najważniejsze dezyderaty odnośnie do dziejów Rusi czerwonej za czasów Rzeczypospolitej. (Pamiętnik II zjazdu historyków polskich we Lwowie I. Lwów, 1890.)
- Zagrodzki (J.) Kilka słów o dawniejszych dziejach Przemyśla z powodu 500 letniej rocznicy nadania mu prawa magdeburskiego. Przemyśl, 1890. 8°. 26 стр.
- Lewicki (A.) Bunt Świdrygiełły. (Wydział historyczno-filozoficzny. 1891. Akademia umiejętności w Krakowie; стр. 14—20.)
- Lewicki (A.) Polityka polska względem państw sąsiednich i ziem ruskich w r. 1432. (Anzeiger der Akademie in Krakau. 1891. стр. 126.)
- Pierling (P.) Les Russes au concile de Florence. (Revue des questions historiques. Juillet, 1892.)
- Westman (S. de) Diplomatie de l'ancienne Russie. (Revue d'histoire diplomatique. 1890. стр. 174—208.)
- Rambaud (A.) Les origines de la diplomatie russe. (Revue politique et littéraire. 1890. Mars.)
- Pierling (P.) Un Vénitien à Moscou au XVe siècle. Gian Battista Trevisan. (Revue des questions historiques. T. 47. 1890. стр. 596—605.)
- Pierling (P.) Der Episcopus Aciensis. (Zeitschrift für katholische Theologie. T. 14. 1890. стр. 756.)
- Pierling (P.) La Russie et l'Orient. Mariage d'un tsar au Vatican. Ivan III et Sophie Paléologue. Paris, 1891. 18°.
См. рецензію В. Morsolin'a въ Rivista storico italiana 1893. стр. 82—87.
- Karge (P.) Die ungarisch-russische Allianz von 1482—1490. (Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1892. I. стр. 326—333.)

J o a c h i m (E.) Die Politik des letzten Hochmeisters in Preussen Albrecht von Brandenburg. Leipzig, 1892. 8°. (Publicationen a. d. k. preuss. Staatsarchiven 50.)

Весьма важно для исторіи сношеній Москвы съ западными державами въ началѣ XVI столѣтія.

W a p o w s k i (B.) De bello a Sigismundo I., rege Poloniae, contra Moscos gesto a. 1508, edid. Korzeniowski. Cracoviae. 1891. 8°. 11 стр.

P i e r l i n g (P.) L'Italie et la Russie au XVI siècle. Paris, 1892. 8°.

См. рецензію В. А. Бильбасова въ „Русской Старинѣ“ 1893 г. кн. I. стр. 152—155.

K o n e c z n y (F.) Walter von Plettenberg, Landmistrz inflancki, wobec Zakonu, Litwy i Moskwy. Kraków, 8°. 76 стр.

Ср. тоже: Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Krakau 1891. стр. 96—100.

S e r a p h i m (E.) Iwan der Schreckliche. Aus Th. Schieffmann's Gesch. Russlands, Polens und Livlands bis ins 17. Jahrh. Eine Anzeige. (Baltische Monatsschr. 1891. стр. 710.)

H a n s e n (G. v.) Dr. Nicolai Bülow, 40 Jahre in Russland [1508—1548]. (Baltische Monatsschrift 1892; стр. 60.)

A n d e r s s o n (T.) Svenska underhandlingar med Ryssland. 1537. Stockholm, 1893. 8°.

H a n s e n (G. v.) Des pfälzischen Kanzlers Georg v. Roseneck Gefangenschaft in Livland. (Balt. Monatsschr. 1891. стр. 760.)

Есть исторіи походовъ Шлитте.

M a r t e n s (F. de) La Russie et l'Angleterre au début de leurs relations réciproques. (Revue d'histoire diplomatique 1891. 103—125. 197—252.)

Historya prawdziwa o przygodzie załośnej Książęcia Finlandzkiego Jana i królowny Katarzyny. (Biblioteka pisarzy polskich. Вып. XX.)

Новое изданіе библиографической рѣдкости 1570 г., подъ редакціею А. Краушар'а. VIII, 64 стр.

- Rozmowa Polaka z Litwinem 1564, wydał J. Korzeniowski. (Biblioteka pisarzy polskich.) Kraków, 1890. 8°. VIII, 91 стр.
- R. Wołyń i Podole w drugiej połowie XVI w. (Przewodnik naukowy i literacki. 1891. Lwów. стр. 163 — 172. 252—260. 342—352.)
- Bergengrün (A.) Die Aufzeichnungen des rigaschen Ratssekretärs Joh. Schmiedt zu den Jahren 1558 — 1562. Leipzig, 1892. 8°.
- Pierling (P.) Papes et tsars (1547 — 1597.) Paris, 1890. 8°.
- Smolka (S.) Rapport sur les recherches faites dans les archives de Rome. (Bulletin international de l'academie des sciences de Cracovie. Avril 1891. стр. 136—142.) Сообщенія Смольки по поводу занятій Ф. Конечнаго въ римскихъ архивахъ, посвященныхъ дѣятельности и корреспонденціи Поссевина въ періодъ отъ 1577 г. по 1581 г.
- Pierling (P.) Un arbitrage pontifical au XVI siècle entre la Pologne et la Russie. Mission diplomatique de P. Possevino 1581—1584. Bruxelles, 1890. 8°. 274 стр.
- Cordt (B.) Die Verhandlungen des Waffenstillstandes von Teusina, 1593. Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Schwedens zu Russland im XVI. Jahrh. Dorpat, 1892. 8°. (Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft XVI. 2.)
- Alexandrenko (B.) The first russian students in England. (Academy. London, 1890.)
- Brehmer (W.) Die hansische Gesandtschaft nach Moskau i. J. 1603. (Hansische Geschichtsblätter. 1889. Leipzig, 1891. стр. 29—51.)
- Reisebericht der hansischen Gesandtschaft von Lübeck nach Moskau und Nowgorod im Jahre 1603. Mitgeteilt von Dr. Ludwig Schleker. (Hansische Geschichtsblätter. Jhrg. 1888. Leipzig, 1890. стр. 31—62.)
- Arndt (A.) Die ersten Beziehungen des „falschen“ Demetrius

zum heiligen Stuhle. (Stimmen aus Maria-Laach. T. 39. 1890. стр. 479—508.)

Арндтъ того мнѣнія, что Лжедмитрій былъ дѣйстви-
тельно сыномъ Ивана Грознаго.

Talko (J.) Maryna Mniszek w Jaroslawiu nad Wolgą.
(Kwartalnik historyczny, rocznik IV, 1. Lwów, 1890.
стр. 38—49.)

Edwards (H. S.) The Romanoffs; tsars of Moscow and em-
perors of Russia. London. 8°. 366 стр.

Nyrop (C) Nogle Oplysninger om Grev Valdemar Kristians
Ruslandsfaerd 1643 — 1645. (Historisk tidsskrift. Sjette
raekke, udgivet af den danske historiske forening. III, 2.)

Kraushar (A.) Poselstwo Jak. Śmiarowskiego do Bohd.
Chmielnickiego pod oblężony Zamość, w. r. 1648 (Kwar-
talnik historyczny. 1891. стр. 813—824.)

Szillagyi (A.) Siebenbürgen und der Krieg im Nordosten.
(Ungarische Revue 1892.)

Pribram (A. F.) Die auswärtige Politik des Kurfürsten von
Brandenburg Friedrich-Wilhelm [1640—1686]. (Forschungen
zur Brandenburgischen und Preussischen Gesch. V. 1. 1892.)

Pribram (A. F.) Oesterreichische Vermittlungspolitik im
polnisch - russischen Kriege [1654 — 1660]. (Archiv für
österreichische Geschichte. T. 75. 1890. стр. 415—480.)

(Vimina.) Relazione dell' origine e dei costumi dei Cosacchi
fatta l'anno 1656 da Alberto Vimina, Ambasciatore della
Repubblica di Venezia, e pubblicata dal Prof. G. Ferraro.
Reggio nell' Emilia. 1890. 8°. 23 стр.

Nordwall (J. E.) Svensk-ryska underhandlingar före freden
i Kardis (1658—1661). Upsala, 1890. 8°.

Nordwall (J. E.) Sverige och Ryssland efter freden i Kar-
dis. (Historisk tidsskrift, utgifven genom E. Hildebrand.
1890. 1891. Stockholm.)

Górski (K.) Wojna Rzeczypospolitej polskiej z Turcyą w
latach 1672 i 1673. Warszawa, 1890.

Corvin (P. de) Le Théâtre en Russie depuis ses origines

jusqu'à nos jours. Étude historique et littéraire. Paris, 1890. 8°.

Brückner (A.) Ein Finanzpolitiker in Russland im 17. Jahrhundert [Juri Krishanitsch]. (Russische Revue. XXXI. 1891. стр. 292—333.)

Bonsdorff (C. von) Nyen och Nyenskans. (Acta societatis scientiarum Fennicae XVIII. Helsingfors.)

См. рецензію Г. В. Форстена въ Журналѣ министерства нар. просвѣщенія 1892 май, стр. 172—181.

Bergengrün (A.) Die grosse moskowitische Ambassade von 1697 in Livland. Riga, 1892. 8°.

Synerberg (G.) Slaget vid Narva den 19. November 1700. (Finsk militär tidskrift. 1892. Januari.)

Grove (G. L.) Traek af Peter den Stores liv. Fra en samtidig dansk gesandts utrykte dagbok. (Nordisk tidskrift 1891, вып. 7.)

Dzieje panowania Augusta II, od elekcyi Stanisława Leszczyńskiego aż do bitwy połtawskiej, 1704—1709, z pośmiertnego rękopisu Kazim. Jarochowskiego. (Roczniki Towarzystwa nauk poznańskiego, tom XVII, zeszyt. 1. Poznań, 1890.)

Elmgren (S. G.) Finska arméens gång öfver Neva 1708. (Historiallinen Arkisto. XI. Helsingfors.)

Buchholtz (A.) Zur Geschichte der Belagerung und Kapitulation Rigas 1709, 1710. Riga 1892. 8°. (Aus den Mittheilungen a. d. Gebiet der Gesch. XV.)

Weyde (H. E.) Oberstløjtnant Hans Elias von der Weydes selvbiografi. Udgivet af H. W. Harbon. (Personallistorisk tidsskrift. Tredie række. 1892. 1. 2.)

Описание дѣла подъ Гадебушомъ, 1712 г.

Gurlitt (C.) Andreas Schlüter. Berlin, 1891. 8°. VI. 242 стр.

Шлютеръ при Петрѣ В. былъ придворнымъ архитекторомъ (съ 1713 г.) и скончался въ С.-Петербургѣ въ 1714 году.

- E. W. B. Västerbotten och ryssarne 1714—1721 efter samtida skriftliga källor. (Historisk tidskrift, utgifven genom E. Hildebrand. Stockholm, 1892.)
- Schulze (E.) Lebensbeschreibung des Prinzen Gruno von Hessen-Homburg. (Mitteilungen für Geschichte und Altertumskunde zu Homburg. V.) Homburg, 1892. 8°. 168 crp.
- Bergström (O.) En svensk krigsfånge i Ryssland under konung Karl XII:s tid [Lorens Schultz]. (Historisk tidskrift. 1892. crp. 72—74. Stockholm.)
- Wrangel (H.) Svenska örlogsflottan 1719 och dess förhållande till ryssarnes härjningar. (Historisk tidskrift utgifven genom E. Hildebrand. Stockholm, 1892.)
- Hjärne (H.) Ryssland under nordiska krigets återverkan. (Nordisk tidskrift. 1892. crp. 407—433.)
- Schiemann (Th.) Eine Episode aus der Geschichte der preussisch-russischen Heiratspläne. (Historische Zeitschrift. Bd. 68. 1892. crp. 428—440.)
- Kleinschmidt (A.) Fürst Alexander Danilowitsch Menschikow. (Historisches Taschenbuch, 6. Folge X. Jahrg. Leipzig 1891. crp. 227—269.)
- Haller (J.) Die Thronbesteigung Kaiserin Katharina I. (Russische Revue XXX. 1890. crp. 210—226. 265—279.)
- Engelmann (J.) Die Fürstin Natalia Borissowna Dolgoruki. (Baltische Monatschr. 1892. crp. 315.)
- Engelmann (J.) Feldmarschall Graf Münnich. (Baltische Monatsschrift. 1892. crp. 545.)
- Ronimus (J. W.) Voltaire som Peter den Stores historieförfattare. Wiborg, 1890. 8°.
- Masłowski. Der siebenjährige Krieg nach russischer Darstellung. II. III. Uebers. und mit Anmerkungen versehen von A. v. Drygalski. Berlin, 1891. 1893. 8°.
- Schmitt (R.) Die Sendung des Herrn von Pechlin nach Petersburg im Jahre 1760. (Deutsche Zeitschrift f. Geschichtswissenschaft. 1891. Томъ VI. crp. 94—101.)

Bienemann (Fr.) Die holsteinschen Truppen bei der Thronbesteigung Katharinas II. (Baltische Monatsschrift 1892. стр. 273.)

Kleinschmidt (A.) Katharina II. als Civilisatorin. Hamburg, 1891. 8°.

Röpell (R.) Das Interregnum: Wahl und Krönung St. Aug. Poniatowski's 1763—64. Posen, 1892. 8°. 173 стр.

Kalinka (W.) Dzieła, tom I. II: Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta, część 1 i 2. wydanie drugie. Kraków 1891. 8°. стр. 323 и 418.

Bunt hajdamaków na Ukrainie r. 1768. Lwów, 1890.

Merkle (J.) Jugendjahre der Kaiserin Maria Feodorowna von Russland, geb. Prinzessin von Württemberg. 1759 bis 1776. Stuttgart, 1892. 8°. IV, 120 стр.

Составлено на основаніи работы Шумигорскаго.

Arnheim (F.) Beiträge zur Geschichte der Nordischen Frage in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. (Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1891. Bd. I, стр. 301—360. 1892 II, стр. 73—143.)

Добросовѣстное изслѣдованіе на основаніи русскихъ печатныхъ и иностранныхъ архивныхъ матеріаловъ.

Kariejew (N.) Upadek Polski w literaturze historycznej. Przekład z rosyjskiego. Kraków, 1891. 8°.

Kariejew (N.) Causes de la chute de la Pologne. (Revue historique.)

Waliszewski (K.) Polska i Europa w drugiej połowie XVIII w. Kraków, 1890. X, 577 стр.

Michael (W.) Englands Stellung zur ersten Theilung Polens. Hamburg, 1890. 8°.

Sokołowski (A.) O sejmie czteroletnim. Lwów, 1891. 8°. 197 стр.

Jordan (P.) Die Seeschlacht bei Reval am 2. Mai 1790. (Baltische Monatsschrift 1890. стр. 205.)

Balzer (O.) Reformy społeczne i polityczne konstytucyi 3go maja. (Przegląd polski. Kraków, 1891.)

- Bartoszewicz (K.) Księga pamiątkowa setnej rocznicy ustanowienia konstytucyi 3go maja. I. II. Kraków, 1891. 8°.
- Breiter (E.) Słowo o konstytucyi 3go maja 1791 r. Odczyt miany w Czytelni naukowej w dniu 2 maja 1891. Lwów, 1891. 16°. 27 crp.
- Finkel (L.) O konstytucyi 3go maja. Lwów, 1891. 8°. 142 crp.
- Finkel (L.) Konstytucya 3go maja, wstęp historyczny, odczyt miany w Towarzystwie prawniczem we Lwowie dnia 28 kwietnia 1891. Lwów, 1891. 16°.
- Księga pamiątkowa kołomyjska ku uczczeniu setnej rocznicy ogłoszenia konstytucyi polskiej z dnia 3go maja r. 1791. Kraków, 1891. 8°.
- Miklaszewski (J.) W stuletnią rocznicę konstytucyi 3go maja. Kraków, 1891. 8°. 52 crp.
- Siarczyński (Fr. Ks.) Dzień trzeci maja r. 1791 w Warszawie. Kraków, 1891. 8°. 187 crp.
- Roepell (R.) Zur Genesis der Verfassung Polens vom 3. Mai 1791. (Sybel's Historische Zeitschr. 1891, I. crp. 1—52.)
- Smolka (S.) Stanowisko mocarstw wobec Konstytucyi 3 maja. (Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Krakau. 1891. crp. 200 — 219. Przegląd polski. 1891. crp. 441—460.)
- Smolka (S.) Geneza Konstytucyi 3 Maja. (Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Krakau. 1891. S. 350.)
- Wysłouchowa (M.) O konstytucyi 3go maja i przyczynach, które ją wywołały. Lwów, 1891. 8°. 75 crp.
- Trzeci maja. Szkic historyczno - społeczny. Lwów, 1891. 16°. 85 crp.
- Trzeci maj, ku uczczeniu setnej rocznicy konstytucyi 3go maja 1791 — 1891, książka pamiątkowa. Poznań, 1891. 8°. 191 crp.
- X. Y. Z. Kartka z dziejów kraju i kościoła katolickiego w Polsce rosyjskiej podług źródeł wiarogodnych skreślił X. Y. Z.

- pośw. czei i pamięci twórców konstytucyi 3go maja. Poznań, 1891. 8°.
- Śmiałowski (E.) Tadeusz Kościuszko, jego życie i czyny, praca uwieńczona nagrodą. Pamiątka stuletniego obchodu konstytucyi 3go maja. Kraków, 1891. 16°. 130 стр.
- Lisicki (H.) Polityka Austrii podczas trzeciego rozbioru Polski. (Kwartalnik historyczny. 1891. стр. 235—260.)
- Vitzthum (Le comte) Catherine II, d'après des mémoires inédits. (Revue des deux mondes 1890. Tome 98. стр. 892—915.)
- Åkesson (N.) Förmyndarestyrelsens planer rörande Gustaf IV Adolfs förmålning. Politisk studie. Lund, 1891. 8°.
 См. тоже рецензію въ Historisk tidskrift. Stockholm, 1892. стр. 45—58.
- Hjelmérus (A.) Gustaf IV. frierier. Ur Samuel Hjelmérs dagbok skizzerade. Göteborg, 1891. 8°.
- Spalding. Suvoroff. London, 1890. 243 стр.
- Hartmann (O.) Der Anteil der Russen am Feldzug von 1799 in der Schweiz. Ein Beitrag zur Geschichte dieses Feldzuges und zur Kritik seiner Geschichtsschreiber. Zürich, 1891. 8°. 198 стр.
- Dufour. La guerre en Suisse 1799 : bataille de Zurich ; invasion russe. Publié par Boillot. Berne, 1891. 32 стр.
- Brückner (A.) Russland und Frankreich 1800 — 1802. (Russische Revue 1890. XXX. стр. 316—338.)
- Tatistcheff (S.) Alexandre Ier et Napoléon, d'après leur correspondance inédite (1801 — 1812). Paris, 1891. 8°. XIII, 640 стр.
 См. рецензію : Edinb. Review 173. стр. 563—591.
- Grauert (P.) Der Winterfeldzug 1807 in Preussen. Vortrag. Berlin, 1892. 8°. 23 стр.
- Cieszkowski (S.) Senatorowie księstwa warszawskiego i Królestwa kongresowego. 1807—1815—1831. Warszawa, 1891. 8°. 75 стр.
- Zółtowski (St. v.) Die Finanzen des Herzogtums War-

- schau (1806 — 1815) vorzugsweise nach archivalischen Quellen. Leipzig, 1890. 8°.
- R a m b a u d (A.) L'alliance franco-russe au temps de Napoléon Ier. (Revue politique et littéraire 1891. I.)
- V a n d a l (A.) Napoléon I. et Alexandre I. L'alliance russe sous le premier empire.
I. De Tilsit à Erfurt. Paris, 1891. 8°. XXIII, 526 crp.
- V a n d a l (A.) Les instructions données a. M. de Caulincourt par Napoléon après la paix de Tilsit. (Revue d'histoire diplomatique. 1890. crp. 54—78.)
- V a n d a l (A.) Documents relatifs au partage de l'orient, négocié entre Napoléon et Alexandre Ier. (Janvier — Juin 1808.) (Revue d'histoire diplomatique 1890. crp. 421—470.)
- V a n d a l (A.) La cour de Russie en 1807—1808. (Revue d'histoire diplomatique 1890. crp. 401—419.)
- D a n i e l s o n (J. R.) Finlands förening med ryska Riket. Tredje upplagan. Borgå, 1891. 8°.
- R e g n é r (P. B.) Kriget och tillståndet i Vesterbotten 1809, jämte föregående historik öfver ryssarnes infall i Vesterbotten på 1700 talet Stockholm, 1891. 8°. 67 crp.
- S c h y b e r g s o n. Mikael Speranskis bref af 17/29 mars 1809 till Jakob Tengström, angående tillsättandet af en komité för uppgörande af förslag till regeringskonseljens organisation. (Förhandlingar 5. 1889—1890. Utg. af Svenska Literatursällskapet i Finland. XVIII. Helsingfors.)
- B e r t r a n d (P.) Projet de mariage de Napoléon I. avec la grande-duchesse Anne de Russie; correspondance secrète de Champagny et de Caulaincourt. (Correspondent 62. crp. 845—876.)
- V a n d a l (A.) Négotiations avec la Russie relatives au second mariage de Napoléon I. (Revue historique T. 44. 1890. crp. 1—42.)
- V a n d a l (A.) Les derniers rapports de Napoléon I. avec Alexandre I., après la paix de Tilsit. (Revue du monde latin. 1890. Juillet.)

- V a n d a l (A.) La France et la Russie pendant la campagne de 1809. (Annuaire de l'école libre de sciences politiques. Paris, 1891; avril 15.)
- K l e i n s c h m i d t (A.) Graf Feodor Wassiljewitsch Rostoptschin. (Historisches Taschenbuch. 6. Folge. Jahrg. 12. Leipzig, 1892.)
- L e R e b o u r s (A.) Moscou pendant l'incendie; 1. sept. — 10. oct. 1812. (Correspondant 63.)
- M a r b o t. Memoires du général baron de Marbot, publiés par Robinet de Clary. Paris, 1891. 3 тома.
Марбо находился при армии Наполеона I во время вторженія ея въ предѣлы Россіи. Онъ подробно описываетъ Бородинское сраженіе.
- M a r b o t. La Bérézina. Extrait des mémoires du gén. Marbot. (Revue des deux mondes t. 107. стр. 279—307.)
- S o l i g n a c (A. de) La Bérézina; souvenirs d'un soldat de la grande armée. Limoges, 1890. 252 стр.
- M a a g (A.) Das Schicksal der Schweizerregimenter in Napoleons I. Feldzug nach Russland 1812. 2. Auflage. Biel, 1890. 8°. 317 стр.
- S t u d i e über Ausrüstung im Feldzuge Napoleons gegen Russland. (Organ der militairwissenschaftlichen Vereine. 1891. Heft 2.)
- R o t e n h a n (Oberst Frhr. v.) Denkwürdigkeiten eines Württembergischen Offiziers aus dem Feldzuge 1812. 2. Auflage. München, 1892. 8°. 32 стр.
- R o y (J. J. E.) Les Français en Russie; souvenirs de la campagne de 1812 et de deux ans de captivité en Russie. Tours, 1890. 204 стр.
- R e d l i c h (O.) Tagebuch des Lieutenants Anton Vossen, vornehmlich über den Krieg in Russland 1812. (Herausgegeben vom Düsseldorfer Geschichtsverein.) Marburg, 1892. 8°. 20 стр.
- V e r p f l e g u n g der grossen Armee in Russland 1812. (Neue militärische Blätter 39. стр. 246—49.)

- P o z z o d i B o r g o (C h a r l e s l e c o m t e) Correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo, ambassadeur de Russie en France, et du comte de Nesselrode, depuis la restauration des Bourbons jusqu'au congrès d'Aix la Chapelle 1814 à 1818. Publiée avec une introduction et des notes. I. Paris, 1890. 8°.
- L e v y (L.) Pozzo di Borgo et son projet d'alliance russe 1814. (Revue d'histoire contemporaine 1890. Oct. Nov.)
- M a g g i o l o (A.) Corse, France et Russie. Pozzo di Borgo 1764—1842. Paris, 1890.
- P u g l i e s i - C o n t i (P.) La verité sur l'ambassadeur Pozzo di Borgo. Paris, 1891. 23 crp.
- V a l b e r t (G.) La correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo et du comte de Nesselrode. (Revue des deux mondes. 1890. T. 99. crp. 203.)
- Z i m m e r m a n n (A.) Die russisch-preussischen Handelsbeziehungen 1814—1833. (Jahrbuch für Gesetzgebung, Verw. und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. XVI. Leipzig, 1892. БЫИ. 2.)
- P a n t s c h o f f (M.) Kaiser Alexander I. und der Aufstand Ypsilantis 1821. Leipzig, Diss. 1891. 8°.
- M a l e t (A.) Metternich et la question des Balkans. (Revue politique et littéraire. 1890. Juillet.)
- G a d o n (L.) Książę Adam Chartoryski podczas powstania listopadowego. (Przegląd polski. 1891.)
- P u z y r e w s k y (A.) Der polnisch - russische Krieg 1831. Deutsche Bearbeitung von V. Mikulicz. Bd. I. Wien, 1892. 8°. 387 crp.
- G u e r r e (La) polono-russe de 1831 par Puzyrewski. (Bulletin polonais littéraire. Paris, 1891.)
- K e n i g (J.) Polsko - ruska wojna z 1831 r., opisał general-major Puzyrewski. (Ateneum. 1890. Warszawa. crp. 443—499.)
- K u n z (H.) Der polnisch - russische Krieg von 1831. Berlin, 1890. 8°.

- K o z ł o w s k i (K.) Wojsko polskie w r. 1831, przedstawione w 10 obrazach według rysunków Władysława Mottego; z dodaniem krótkiej historyi wojskowości polskiej i działań wojennych w 1831 r. Wydanie trzecie. Poznań, 1891. 4°.
- W r z o s (J.) Wspomnienia z lat 1830 i 1831. Kraków, 1892. 8°. 86 str.
- W s p o m n i e n i a podchorążego z r. 1831 skreślił z pamięci syn. Lwów, 1891. 16°. 145 str.
- P. P. Anglja z r. 1831 w listach lorda Grey i księżnej Lieven. (Przegląd polski. Kraków, 1890. str. 377—398.)
- L e S t r a n g e (G u y) Correspondence of Princess Lieven and Earl Grey (1834 — 41). London, 1891. 8°. Три тома.
- D r o n s a r t. La princesse de Lieven et le comte Grey, d'après leur correspondance récemment publiée. (Le Correspondant. 10 juin 1890.)
- B a r a n t e (le baron Claude de) L'arrivée du baron de Barante a St. Pétersbourg [décembre 1835]. (Revue d'histoire diplomatique 1890. str. 368—386.)
- S c h i e m a n n (Th.) Preussisch - russische Beziehungen 1850. (Allgemeine Zeitung 1892. № 192. Beilage.)
- R a m b a u d (A.) La Russie et la France sous le second empire. (Revue politique et littéraire 1891, 20.)
- T h o u v e n e l (L.) Nicolas I. et Napoléon III. Les préliminaires de la guerre de Crimée 1852 — 1854. D'après les papiers inédits de M. Thouvenel. Paris, 1891. 8°.
- P e t r o w (A. St.) Der russische Donaufeldzug i. J. 1853/54; nach dem Russischen von A. Regenauer. Berlin, 8°. 350 p.
- D u C a s s e (A.) La Crimée et Sébastopol. Documents intimes et inédits. Paris, 1893. 8°. 100 str.
- H a m l e y (E.) The war in the Crimea. London, 1891. 312 str.
- H e r b é (général). Français et Russes en Crimée. Lettres d'un officier français à sa famille pendant la campagne d'Orient. Paris, 1892. 442 str.

- Lebrun (le général) Souvenir des guerres de Crimée et d'Italie. Avec 4 cartes. Paris 1890. 12°.
- Thomas (le général) Mes souvenirs de Crimée (1854—56). Paris, 1892. 8°.
- Wimpffen. Crimée-Italie. Notes et correspondances de campagne du général de Wimpffen, publiées par H. Galli. Paris, 1892. 8°.
- Morny. Extrait des mémoires du duc de Morny. Une ambassade en Russie 1856. Paris, 1892. 8°. XII, 244 стр.
- Springer (A.) Der russisch - türkische Krieg 1877—78 in Europa. Wien, 1891—92. 8°. Lief. 1. 2.
- Hjärne (H.) Rysslands orientpolitik och Sverige. (Ny svensk tidskrift. 1890. стр. 513—578.)
- Baron Pahlen und die 77 Paragraphen. (Balt. Monatsschr. 1891. стр. 561.)
- Erinnerungen an Graf P. A. Walujew. (Balt. Monatsschrift 1890. стр. 229.)
- Zur Geschichte der evangelisch-luth. Kirche in Russland. (Balt. Monatsschr. 1891. стр. 154.)
- Bienemann (Dr. Fr.) Geschichte der evangelisch - lutherischen Gemeinde zu Odessa. Odessa, 1890. 8°. 460 стр.
- Arndt (A.) Das Sektenwesen in der russischen Kirche. (Zeitschrift für katholische Theologie. T. 14. 1890. стр. 416—446.)
- Dalton (Herm.) Die russische Kirche. Leipzig, 1892. 8°. 84 стр.
- Грбић (Манојло) Карловачко владичанство. Прилог к историји српске православне цркве. К. I (XV, 318 стр.) и II (332 стр.) У Карловцу 1891. 8°.
- Ahrenberg (J.) Alexander Ivanoff. Ett blad ur den ryska konstens historia. (Finsk Tidskrift. 1892, 9.)
- Czajczenko (W.) Iwan Kotljarewskij, ukraińskij pyśmen-nyk, żytiepysne opowiadanie. Lwów, 1891.
- Loliée (Fr.) Pierre de Tchihatchef. (Nouvelle Revue 1890. Novembre.)

- Malet (A.)** Les origines de l'alliance franco - russe (Revue politique et littéraire 1891. Janvier.)
- Valori (Prince de)** Les czars et la France. (Nouvelle Revue. Septembre 1890.)
- Bezstronny (S.)** Okrucieństwa: Chronologiczny rys prześladowania potomków Słowian od dawnych wieków aż do dni dzisiejszych, przestroga historyi dla Słowiańszczyzny. Lwów, 1890.
- Choszewski (J.)** Podręcznik geografii ojczystej, zawierający treściwy opis ziem dawnej Polski, z uwzględnieniem dzisiejszych stosunków i podziału politycznego, dodano krótką wiadomości o Czechach i Rusinach. Poznań, 1892. 16°. 283 crp.
- Basztowyi (J.)** Ukrainstwo na lyteraturnych pozwach z moskowszczynoj.
- Hourwich (Isaac A.)** The economics of the Russian Village. New-York, 1892. 8°. 182 crp.
- Załęski (St.)** Geneza nihilizmu w Rosyi. (Przegląd powszechny. 1891. Kraków.)
- Harnack (O.)** Zur russischen Orthographie. (Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1892. II. crp. 159.)
- Minzes (B.)** Ueber die Transscription russischer Namen. (Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Bd. VI, 1891. crp. 373 — 381.)

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

ОБЪ

ИНОСТРАННЫХЪ ПУТЕШЕСТВЕН-
НИКАХЪ ПО РОССИИ

ДО КОНЦА ХVІІ ВѢКА.

ДОВАВЛЕНІЯ И ПОПРАВКИ КЪ ТРУДУ АДЕЛУНГА „Uebersicht der
Reisenden in Russland“

В. КОРДТА.

Книга Ф. Аделунга „Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700“ (С.-Пб. 1846) принадлежитъ къ числу тѣхъ классическихъ трудовъ, которые, пополняя при своемъ появленіи существенный пробѣлъ, на долго сохраняютъ свою цѣну и служатъ основою и образцомъ для дальнѣйшихъ работъ. Безъ малаго полувѣка прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ результаты, добытые Аделунгомъ въ этой области источниковѣдѣнія, вышли изъ печати и не смотря на то его „Обзоръ путешественниковъ“ можно назвать по сегоднѣшній день настольною книгою каждаго, занимающагося отечественною исторіей. Правда втеченіе послѣдняго полувѣка литература русской исторіи быстро росла и обогащалась многими цѣнными вкладами. Пользующемуся Аделунгомъ приходится подчасъ испытывать, что трудъ его не безъ погрѣшностей и не полный. Со дня выхода его въ свѣтъ издано не малое число сказаній путешественниковъ, раньше неизвѣстныхъ; прежде извѣстныя сдѣлались предметомъ обстоятельныхъ изслѣдованій и комментаріевъ, или же вышли въ переводахъ, въ новыхъ изданіяхъ; словомъ „Обзоръ путешественниковъ“ не удовлетворяетъ требованіямъ современной науки, и, не умаляя нисколько заслуги Аделунга, можно сказать, что новыя работы по этому предмету стали живою потребностью. Какъ на удачную попытку, сдѣланную въ этомъ смыслѣ, укажемъ на статью Е. Козубскаго „Замѣтки о нѣкоторыхъ иностранныхъ писателяхъ о Россіи въ XVII вѣкѣ“ вышедшую въ 1878 г.¹⁾ „Цѣль нашей статьи“, говоритъ

---

1) Журналъ минист. нар. просвѣщ. Ч. 147 стр. 1—28.

авторъ, „исправить хоть нѣкоторыя изъ ошибокъ Аделунга и пополнить нѣкоторые неизбежные пропуски. Можетъ быть она вызоветъ подражанія, и постепенно рядъ такихъ скромныхъ замѣтокъ позволитъ въ будущемъ кому-либо, располагающему такими подготовительными работами, составить критико-литературное обзорѣніе иностранныхъ путешественниковъ и писателей о Россіи, обзорѣніе, основанное на изысканіяхъ Аделунга, но обогащенное новыми приобрѣтеніями науки“.

Занимаясь въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ собраніемъ матеріаловъ для пополненія и исправленія „Обзорѣнія путешественниковъ“ Аделунга, мы въ настоящее время рѣшились приступить именно въ смыслѣ Козубскаго къ печатанію нашихъ скромныхъ замѣтокъ. Мы ограничимся указаніями на писателей о Россіи, бывшихъ въ ней, и въ кругъ нашихъ сообщеній войдутъ съ одной стороны переработки описаній путешествій находящихся у Аделунга, съ другой стороны просто добавленія или поправки къ таковымъ, наконецъ описанія путешествій, которыя или ускользнули отъ вниманія автора, или стали извѣстными лишь послѣ появленія его труда. По примѣру Аделунга мы не коснемся греческихъ, римскихъ и византійскихъ писателей и будемъ придерживаться хронологическаго порядка путешествій.

І.

О т т а р ъ.

(ок. 890 г.)

Начнемъ съ норвежца Оттара (по норвежски Ottar; по англосаксонски Onthere), смѣлаго плователя, дающаго впервые свѣдѣнія о прибрежьяхъ Бѣлаго моря, которыхъ онъ достигъ обогнувъ мысъ Нордкапъ.

Свѣдѣнія наши о личности Оттара весьма скудны. Единственнымъ и то не обильнымъ источникомъ является повѣствованіе его о своемъ плаваніи. Такимъ образомъ намъ извѣстно,

что онъ жилъ въ странѣ Галогаландъ ¹⁾ (Halogaland; по нынѣшнему норвежскому Helgeland; по англосаксонски Halgoland) а именно, на самомъ сѣверномъ мѣстѣ, обитаемомъ въ то время норвежцами. Далѣе на сѣверъ отъ этого мѣста простиралась уже пустынная, необработанная земля. Родиною его на основаніи этихъ данныхъ считаютъ берегъ Норвегіи противъ Лоффоденскаго острова Гиндэ (Hindö). Оттаръ занималъ видное положеніе въ средѣ своихъ соотечественниковъ: онъ былъ человѣкъ богатый, т. е. богатый скотомъ. У него было 600 ручныхъ доморожденныхъ, не купленныхъ сѣверныхъ оленей, 20 коровъ, 20 барановъ и 20 свиней. Занимался онъ также и хлѣбопашествомъ въ ограниченныхъ размѣрахъ, обрабатывая поля лошадьми. Главнымъ источникомъ дохода жителей своей родины называетъ онъ дань, платимую имъ Финнами и состоящую изъ шкуръ, перьевъ, китоваго уса и т. п.

Поѣздки свою Оттаръ совершилъ съ одной стороны для того, чтобы узнать, далеко ли простирается земля на сѣверъ отъ его постоянного мѣста жительства, съ другой стороны, чтобы убѣдиться въ томъ, населена ли она или нѣтъ, но главнымъ образомъ изъ за моржовой ловли. Не только практическія цѣли, но и любознательность, значитъ, руководили имъ въ данномъ случаѣ: онъ является какъ бы изслѣдователемъ невѣдомыхъ странъ.

Пустившись въ море, плылъ онъ вдоль берега на сѣверъ, имѣя съ правой стороны пустынную страну, а съ лѣвой далекій океанъ, и прибылъ на третій день къ самому сѣверному сборному пункту китолововъ.

Проплывъ опять 3 дня къ сѣверу, ему пришлось выждать западнаго или болѣе сѣвернаго вѣтра, такъ какъ тутъ или

---

1) Древне - норвежская страна Halogaland занимала приблизительно находящуюся между 65° и 70° сѣв. шир. часть нынѣшней Норвегіи. Helgeland въ настоящее время (между 64° и 66° сѣв. шир.) образуетъ южное фюхтство амта (уѣзда) Нордланда и пространствомъ менѣе древненорвежскаго Hologaland'a.

берегъ поворачивалъ на востокъ, или же море вдавалось въ сушу, чего онъ не могъ рѣшить сразу.

Дождавшись попутнаго вѣтра, продолжалъ онъ плаваніе на востокъ въ теченіе 4-хъ дней, т. е. пока не оказалось необходимымъ выждать прямого сѣвернаго вѣтра, такъ какъ берегъ здѣсь принялъ направленіе къ югу.

Затѣмъ шелъ онъ 5 дней къ югу вдоль берега, прибылъ къ устью большой рѣки и поднялся по этой рѣкѣ на небольшое разстояніе. Подняться дальше онъ уже не рѣшился, опасаясь нападенія многочисленныхъ жителей, населявшихъ одинъ изъ береговъ рѣки.

На основаніи вышеупомянутыхъ показаній мы имѣемъ право предположить, что Оттаръ послѣ первыхъ трехъ дней своего плаванія по Лапландскому морю присталъ къ берегу Норвегіи приблизительно нодъ 70⁰ сѣв. шир.; продолжая путь, обогнулъ черезъ три дня мысъ Нордкапъ, достигъ затѣмъ втеченіе четырехъ дней Вардегуса и доплылъ отсюда въ теченіе пяти дней до береговъ Бѣлаго моря, а именно до устьевъ Мезени¹⁾. Проживающихъ по берегу открытой имъ рѣки жителей Оттаръ называетъ Біармійцами (по англосаксонски Beorhtas). Въ виду многочисленности населенія одна-

---

1) Комментаторы Оттара почти безъ исключенія придерживаются того мнѣнія, будто послѣдній присталъ къ устью Сѣверной Двины; однакожъ И. Гамель въ своемъ сочиненіи „Tradescant der Aeltere in Russland“ (С.-Пб. 1847; стр. 164) замѣчаетъ: „По моему рѣка, къ которой присталъ Оттаръ вовсе не Двина, какъ обыкновенно предполагають; Оттаръ должно быть былъ на Мезени“. — Сомнѣніе Гамеля, кажется, основательно уже по той причинѣ, что гипотеза относительно Двины никоимъ образомъ не можетъ опираться на разсказъ Оттара. Послѣдній шелъ изъ Вардегуса съ попутнымъ сѣвернымъ вѣтромъ вдоль берега въ юговосточномъ направленіи, стало бытъ, придерживаясь этого курса, непременно долженъ былъ прибыть къ устью Мезени. Устья Двины онъ достигъ бы только въ томъ случаѣ, еслибъ выждалъ восточнаго вѣтра на южномъ берегу Колы, около мыса Орлова, или же на противоположномъ берегу Бѣлаго моря. Такого указанія однакожъ у Оттара не встрѣчается. Наконецъ слѣдуетъ принять въ соображеніе и то обстоятельство, что Оттаръ, приближаясь къ устью Двины, имѣлъ бы сушу съ лѣвой стороны, между тѣмъ какъ онъ и къ концу плаванія имѣлъ сушу все съ правой стороны.

кожъ ни онъ, ни его спутники не рѣшились выйти на берегъ. Біармійцы навѣстили судно Оттара и много ему говорили о своей странѣ и смежныхъ съ нею. Но онъ не зналъ, правда ли это, такъ какъ онъ былъ лишенъ возможности провѣрить ихъ показанія собственными глазами. Что касается языка Біармійцевъ то ему казалось, что они близки къ Финнамъ.

Королю англійскому Альфреду (871—901 г.) мы обязаны тѣмъ, что рассказъ Оттара о его плаваніи дошелъ до насъ. Оттаръ впослѣдствіи путешествовалъ и по Англіи; онъ одно время былъ даже на службѣ короля Альфреда и лично передалъ любознательному государю рассказъ о своихъ путешествіяхъ. Послѣдній счумѣлъ оцѣнить эти сообщенія и пріобрѣлъ себѣ вѣчную заслугу передъ наукою, записавъ рассказъ Оттара и помѣстивъ его въ своей англосаксонской обработкѣ всемірной исторіи Орозія. Просвѣщеннаго короля, изучающаго исторію и землевѣдѣніе, замѣчаетъ Паули ¹⁾, поэтому смѣло можно назвать географомъ и безспорно самымъ выдающимся географомъ своего времени. Орозій, испанскій пресвитеръ, современникъ императора Гонорія, написалъ по совѣту Августина Блаженнаго въ 416 и 417 годахъ обзоръ всемірной исторіи „*Historiarum adversum paganos libri VII*“ ²⁾ специально съ цѣлью опроверженія взглядовъ языческаго міра, утверждающаго что отпаденіе отъ старой религіи и распостраненіе христіанства суть настоящія причины бѣдъ и несчастій человѣчества. Въ виду того Орозій старается въ составленной имъ исторіи міра отъ Адама до 417 года по Р. Хр. доказать, что міръ искони юдолю печали и скорби и что только послѣ появленія христіанства человѣчеству достались всевозможныя

1) R. Pauli, König Alfred (Берлинъ, 1851. Стр. 230.)

2) Встрѣчается и подъ заглавіемъ: *De cladiis et miseriis mundi*, или *De totius mundi calamitatibus*. Нѣкоторые рукописи озаглавлены и *Normesta*, другія *Orimesta*; значеніе этого названія пока загадочно. Лучшее изданіе въ *Corpus scriptorum ecclesiasticorum*. Томъ V. Вѣна, 1882. Редакція Zangemeister'a. О Павлѣ Орозіи см. *Real-Encyclopädie für protestantische Theologie und Kirche*. Т. XI. Лейпцигъ, 1883; стр. 114.

блага. Понятно, что такое сочиненіе въ теченіе многихъ столѣтій пользовалось большимъ авторитетомъ, въ особенности вслѣдствіе безусловнаго успѣха, выпавшаго на его долю среди духовенства. Именно къ этому сочиненію Орозія пришлось обратиться королю Альфреду, „наставнику своего народа во всемъ полезномъ“, когда онъ желалъ сдѣлать доступнымъ образованному люду своего государства знаніе всемірной исторіи. И при исполненіи этой задачи, онъ не ограничился простымъ переводомъ подлинника на англосаксонскій языкъ, но исправилъ его по собственному усмотрѣнію, то сокращая подлинникъ, то прибавляя къ тексту. Его изданіе исторіи Орозія почти-что можно назвать самостоятельной работою. Онъ вычеркнулъ первымъ дѣломъ посвященіе Орозія Августину, затѣмъ цѣликомъ первую главу первой книги, значить тѣ части, гдѣ прямо выступаетъ религіозная тенденція автора, и начинается свою обработку только со второй главы подлинника, т. е. съ изложенія распредѣленія свѣта на три части: Азію, Европу и Африку. За то Альфредъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Орозій со словами: *explicati sunt quam brevissime fines Asiae, nunc Europam in quantum cognitioni hominis conceditur stilo peragabor*¹⁾, переходитъ къ описанію Африки, вставляетъ свое собственное описаніе Германіи, т. е. описаніе тѣхъ странъ, въ которыхъ употреблялся въ IX вѣкѣ нѣмецкій языкъ. Затѣмъ идетъ второе прибавленіе, именно повѣствованіе Оттара о его сѣверномъ и, предпринятомъ въ другое время, Шлезвигскомъ путешествіяхъ и наконецъ не интересующій насъ въ данномъ случаѣ рассказъ Вульфстана.

Король Альфредъ не отмѣтилъ года совершенной Оттаромъ сѣверной поѣздки. Но если, согласно съ мнѣніемъ Вюлькера²⁾, полагать, что англо-саксонская обработка Орозія

1) Pavli Orosii Historiarum adv. pag. l. VII, rec. C. Zangemeister. Стр. 21.

2) W. Wülker, Grundriss zur Geschichte der angelsächsischen Literatur. (Лейпцигъ, 1885.) Стр. 387—398; 406—411. Это весьма цѣнное сочиненіе оказалось надежнымъ руководствомъ при составленіи библіографіи объ Оттарѣ.

окончена Альфредомъ въ 893 году и если затѣмъ считать за время пребыванія Оттара въ Англіи 891 и 892 годы, то мы можемъ принять 890 годъ крайнимъ предѣломъ совершенія его поѣздки.

А. И з д а н і я.

- I. Разсказъ Оттара, въ видѣ вставки короля Альфреда въ англосаксонскую обработку Орозія, находится въ изданіяхъ послѣдней. Намъ извѣстны такихъ четыре :

1773. *The Anglo - Saxon Version from the Historian Orosius. By Aelfred the Great. Together with an English Translation from the Anglo-Saxon. (Ed. by Daines Barrington.)* London, 1773¹⁾. — Текстъ и переводъ не тщательны. Но для насъ здѣсь важно прибавленіе, именно географическое изслѣдованіе И. Р. Форстера: *Notes on the first Chapter of the first Book of Aelfred's Anglo-Saxon Version of Orosius.* (Стр. 241—259.)

1853. *R. Pauli's Life of Alfred the Great translated from the German. To which is appended Alfred's Anglo-Saxon Version of Orosius with a literal English Translation. By B. Thorpe.* London, 1853. Новое изданіе: London, 1878.

1859. *King Alfred's Anglo - Saxon Version of the compendious History of the World by Orosius. — Introduction on Orosius and his Work. — The Anglo-Saxon Text; Notes and various Readings. — Literal English Translation with Notes. — Mr. Hampson's Essay on King Alfred's Geography, and a Map of Europe, Asia and Africa, according to Orosius and Alfred. By the Rev. J. Bosworth.* London, 1859.

---

1) О предпринятыхъ до 1773 г., но не состоявшихся изданіяхъ см. R. Wülker, Grundriss, I. c. I. § 28 и 29. (Стр. 21.)

Bosworth перечисляетъ въ своемъ введеніи всѣ изданія, какъ всего Орозія, такъ и отдѣльныхъ частей до 1859 г. Въ изданіи помѣщено въ видѣ прибавленія изслѣдованіе Hampson'a о Географіи Альфреда, снабженное картами Евровы, Азіи и Африки по Орозію и Альфреду.

1883. *King Alfred's Orosius*. Ed by Henry Sweet. Part I: Old English Text and Latin Original. London, 1883.

II. Путешествіе Оттара напечатано по англосаксонски отдѣльно въ слѣдующихъ изданіяхъ:

1678. *Aelfredi Magni Anglorum regis invictissimi Vita tribus libris comprehensa a clarissimo D^{no} Johanne Spelman, Henrici f. primum Anglice conscripta, dein Latine redita, et annotationibus illustrata ab Aelfredi in Collegio Magnae Aulae Universitatis Oxoniensis Alumnis. Oxonii. Anno Dom. MDCLXXVIII*. Переводъ Obadiah Walker'a. Стр. 205 до 208: англосаксонскій текстъ съ латинскимъ переводомъ. Стр. 112—114 латинскій переводъ съ Hakluyt'a.

1733. *Periplus O h t h e r i, Halgolando - Norvegi, ut et Wulfstani, Angli, secundum Narrationes eorundem de suis, unius in ultimam Plagam Septentrionalem; utriusque autem in Mari Baltico Navigationibus, jussu Aelfredi Magni, Anglorum Regis, seculo a nativitate Christi nono factis; ab ipso rege Anglo-Saxonica lingua descriptus, demum a Collegii Magnae Aulae Universitatis Oxoniensis Alumnis latine versus et, una cum Joh. Spelmanni Vita Aelfredi Magni, e veteri Codice manuscripto Bibliothecae Cottonianae editus; jam vero ob Antiquitatem et Septentrionalis tum Temporis Status Conditionem repetitus ac brevibus Notis adauctus ab And re a B u s s a e o*. Англосаксонскій текстъ съ латинскимъ переводомъ.

Сочиненіе это, въ 27 страницъ, представляетъ собою приложеніе къ: *Arii Thorgilsis Filii . . . Schedae, seu Libellus de Islandia, Islendinga Bok dictus. Havniae, 1733. 4°*.

Сочиненіе Bussaeus'a перепечатано въ: *Frodae, Filii Arii*

Thorgilsis Liber Historicus de Islandia, una cum Andr. Bussaei
Versione Latina . . . . Accessit Periplus O t h e r i ut et Wul-
stani. Hafniae, 1744.

Вторично перепечатано въ:

1773. *Scriptores Rerum Danicarum Medii Aevi, partim hactenus inediti, partim emendatius editi, quos collegit . . . . Jacobus Langebek. Tom. II. Hafniae, 1773. (Стр. 106—118. № XLVIII: Periplus O t h e r i Norvegi. Англосаксонскій текстъ съ латинскимъ переводомъ.)*

1798. A. F. M. Willich, *Three philological Essays, chiefly translated from the German of John Christopher Adelung. London, 1798. Англосаксонскій текстъ по Spelman'y съ английскимъ и нѣмецкимъ переводомъ.*

1800. H. G. P o r t h a n, *Försök at uplysa Konung Aelfreds Geographiska Beskrifning öfver den Europeiska Norden, въ Kongl. Vitterhets Historie och Antiquitets Academiens Handlingar. Sjette Delen. Stockholm, 1800. Стр. 37—106: англосаксонскій текстъ съ шведскимъ переводомъ.*

1807. J. I n g r a m, *An Inaugural Lecture on the Utility of Anglo - Saxon Literature; to which is added the Geography of Europe by King Alfred, including his Account of the Discovery of the Northe Cape in the Ninth Century. Oxford, 1807. — Здѣсь напечатана „Географія“ Европы съ английскимъ переводомъ и съ примѣчаниями Barrington'a, Ingram'a и Forster'a.*

1815. R. R a s k, *O t t a r s og Ulfstens Korte Reiseberetninger med dans Oversaettelse, kritiske Anmaerkninger og andre Oplysninger, въ журналѣ: Skandinaviske Litteratur - Selskabs Skrifter. Ellevte Aaargang. Kjöbenhavn, 1815. — Стр. 1 до 132 англосаксонскій текстъ, датскій переводъ съ объясненіями.*

Изданіе это вышло потомъ отдѣльно въ Копенгагенѣ въ 1816 г. Въ 1834 г. оно вошло и въ полное собраніе сочиненій Rask'a, вышедшее подъ заглавіемъ: *Samlede tildels*

forhen utrykte Afhandling af R. K. Rask, udgivne af H. K. Rask. Kjöbenhavn, 1834.

1823. Доваблениемъ къ предпринимаему Rask'омъ изданію 1815 г. служить его работа: *Rettelse til föregående Afhandling* въ: *Skandinaviske Litteratur-Selskabs Skrifter* for 1823. И это изслѣдованіе вошло въ собраніе его сочиненій.

1838. H. Leo, *Altsächsische und angelsächsische Sprachproben*. Halle, 1838.

1846. Benj. Thorpe, *Analecta Anglo-Saxonica. A Selection in Prose and Verse from Anglo-Saxon authors of various ages; with a Glossary. Designed chiefly as a first book for Students*. 2-ое изданіе. London, 1846.

1847. F. W. Ebeling, *Angelsächsisches Lesebuch*. Leipzig, 1847. S. 62 ff.

1849. L. F. Klipstein. *Analecta Anglo-Saxonica. Selections in Prose and Verse, from the Anglo-Saxon Literature*. New-York, 1849. 2 Vols. Vol. I pag. 215 sq.

1851. R. Pauli, *König Aelfred*. Berlin, 1851. Стр. 308—311: *On the Reseibericht*.

1852. *Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves*. Editées par la société royale des antiquaires du Nord. Copenhagen, 1852. Fol. Два тома. — Главнымъ редакторомъ этого замѣчательнаго сборника былъ С. С. Рафн. Изданіе отдѣльныхъ памятниковъ было поручено выдающимся специалистамъ; редакція повѣствованія Оттара выпало на долю Р. А. Munch'a, профессора въ Христіаніи. Томъ II стр. XIV: предварительныя замѣтки; стр. 458 и 459: введеніе на французскомъ языкѣ; стр. 459—467: англосаксонскій текстъ съ латинскимъ переводомъ и французскими примѣчаніями. Таблица VII: факсимиле изъ Коттоніанской рукописи.

1855. *A Description of Europe, and the Voyages of On there and Wulfstan, written in Anglo-Saxon by King Alfred*. By Jos. Bosworth. London, 1855.

1861. M. Rieger's Altsächsisches und Angelsächsisches Lesebuch. Giessen, 1861.

1876. H. Sweet, An Anglo-Saxon Reader in Prose and Verse. Oxford, 1876. 2-ое издание, 1879. 3-ье издание 1881.

1879. O. Brenner, Angelsächsische Sprachproben mit Glossar. München, 1879.

1880. K. Körner, Einleitung in das Studium des Angelsächsischen. II. Theil: Angelsächsische Texte. Mit Uebersetzung, Anmerkungen und Glossar. Heilbronn, 1880. — Стр. 44 — 54: повѣствованіе Оттара и Вульфстана. Англосаксонскій текстъ съ нѣмецкомъ переводомъ.

Б. Переводы.

I. Переводы повѣствованія Оттара, какъ составной части Альфредова Орозія :

Англійскій переводъ англосаксонскаго изданія Орозія можно найти, какъ указано уже подъ лит. А. I, у Barrington'a, Thorpe и Bosworth'a.

Что относится до Bosworth'a, то онъ уже до окончанія предпринятаго имъ англосаксонско-англійскаго изданія Орозія напечаталъ англійскій переводъ Орозія въ слѣдующемъ изданіи :

The Whole Works of King Alfred the Great. Jubilee Edition. With preliminary Essays illustrative of the History, Arts and Manners, of the ninth century. Edited by J. A. Gils. (Три части въ двухъ томахъ.) London, 1858.

Планъ этого полнаго изданія сочиненій Альфреда возникъ въ 1849 г. по случаю празднованія въ Англіи тысячилѣтія рожденія короля Альфреда. Giles былъ назначенъ главнымъ редакторомъ и при сотрудничествѣ многихъ выдающихся уче-

ныхъ юбилейный трудъ былъ оконченъ въ 1858 г. Сюда не вошли подлинныя тексты, а исключительно англійскій переводъ статей короля съ англосаксонскаго и латинскаго ¹⁾). Томъ II стр. 17—198: *An English Translation of King Alfred's Anglo-Saxon Version of the historian Orosius.* By Rev. Dr. Bosworth.

II. Переводы повѣствованія Оттара, напечатаннаго отдѣльно отъ Орозія.

Кромѣ указанныхъ выше подъ лит. А II переводовъ на латинскій, французскій, англійскій, нѣмецкій, шведскій и датскій языки повѣствованіе Оттара напечатано

по англійски у

R. Hakluyt, *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques, and Discoveries of the English Nation.* Edited by Edmund Goldsmid. I. Edinburg, 1884. стр. 51—54.

The Life of Alfred the Great, by Sir John Spelman Kt. from the original M. S. in the Bodlejan Library: with considerable Additions, and several historical Remarks, by the publisher Thom. Hearne. Oxford, 1709. — Стр. 152 повѣствованіе Оттара, заимствованное у Hakluyt'a. Spelman написалъ біографію Альфреда на англійскомъ языкѣ. Онъ умеръ 25 іюля 1643 г., не успѣвъ напечатать свой трудъ. Въ 1678 г. O. Walker напечаталъ латинскій переводъ сочиненія Spelman'a (см. подъ лит. А. II) и только въ 1709 г. Th. Hearne издалъ англійскій подлинникъ.

D. Barrington, *Miscellanies.* London, 1781. Стр. 453 и слѣд.: перепечатка изъ перевода всего Орозія, сдѣланнаго Barrington'омъ.

---

1) R. Wülker, *Grundriss.* Стр. 62. 63.

S. T u r n e r, History of the Anglo-Saxons from the earliest period to the Norman conquest. Три тома. London, 1799—1805. Томъ II, стр. 52 и слѣд. — 6-е изданіе 1836.

H. M o r l e y, English Writers. Vol. I, Part. I: Celts and Anglo - Saxons. London, 1867. — Извлеченіе изъ Оттара.

The Discovery of Muscovy. From the collections of Richard Hakluyt. With The Voyages of O h t h e r e and Wulfstan from King Alfred's Orosius. London, 1889. 16°. — Перепечатка „Географіи Европы“, изъ J. Ingram's Inaugural-Lecture. Стр. 171 и слѣд.: The Geography of Europe. By King Alfred, etc. Translated in 1807 by the Rev. James Ingram, M. A., Professor of Anglo - Saxon at the University of Oxford.

П о н ѣ м е ц к и у

J. R. F o r s t e r, Geschichte der Entdeckungen und Schiff-fahrten im Norden, Frankfurt a. O. 1784. Стр. 75 и слѣд.: „Erdbeschreibung vom nördlichen Europa nach König Aelfred, aus dem Angelsächsischen beinahe wörtlich übersetzt“. — Съ примѣчаніями и съ объяснительной картою Европы.

C. F. D a h l m a n n, Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte. Bd. I. Altona, 1822. — Стр. 422 и слѣд.: „Othars Reiseberichte“. Переводъ этотъ вошелъ въ изслѣдованіе Дальмана: „König Aelfreds Germania“, которое до сихъ поръ можно считать лучшимъ комментариемъ къ Оттару.

П о г о л л а н д с к и у

J. P. A r e n d, Proeve eener Geschiedenis der Dichtkunst en Fraaije Letteren onder de Angel-Saksen. Amsterdam, 1842. — Стр. 181 и слѣд.

В. Комментаріи.

I. Комментаріи ко всему Орозію Альфреда :

H. S c h i l l i n g, König Aelfred's angelsächsische Bearbeitung der Weltgeschichte des Orosius. (Leipziger Inaugural - Dissertation.) Halle a. S., 1886. S. 13—16.

[M. C. S p r e n g e l] „The Anglosaxon Version from the Historian Orosius. By Aelfred the Great“. Philologische Bibliothek. Herausg. unter der Aufsicht des Hrn. D. und C. R. Walchs, II. Göttingen, 1773. Стр. 501—520.

II. Комментаріи къ Оттару :

J. P. M u r r a y, Abhandlung über drey sehr merkwürdige Seereisen: „Göttingische Anzeigen“. Göttingen, 1765. Томъ II; стр. 761—765.

M. C. S p r e n g e l, Geschichte der wichtigsten geographischen Entdeckungen. 2. Aufl. Halle, 1792; стр. 197.

J. B e c k m a n n, Litteratur der älteren Reisebeschreibungen. Göttingen, 1808. T. I. стр. 450—468.

N. M. P e t e r s e n, Haandbog i den gammel-nordiske Geografi, udarbejdet isaer efter islandske Kilder. Kjöbenhavn, 1834. I Del, kap. 2.

R. P a u l i, König Aelfred. Berlin, 1851. Стр. 226—230.
Saxonis Grammatici Historia Danica. Recensuit Dr. P. E. Müller . . . . morte Mülleri interruptum absolvit Dr. J. M. Velschow. Pars posterior. Havniae, 1858. Стр. 20—24.

R. T. H a m p s o n, An Essay on the Geography of King Alfred the Great, taken from his Anglo-Saxon version of Orosius; containing Alfred's Description of Europe in the ninth century, and his account of the Voyages of Ohthere and Wulfstan into the White and Baltis seas. — Изслѣдованіе это составляетъ XVIII главу юбилейнаго изданія сочиненій короля Альфреда (Лондонъ, 1858). Оно находится также и въ изданіи Bosworth'a (Лондонъ, 1859), см. выше.

C. A. E. J e s s e n, Undersögelser til nordisk oldhistorie. Kjöbenhavn, 1862.

K. W e i n h o l d, Die Polargegenden Europas nach den Vorstellungen des deutschen Mittelalters. Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften zu Wien. Philosoph.-histor. Classe. T. 48. 1871. Стр. 786.

Ph. H. K ü l b, Länder- und Völkerkunde in Biographien. Berlin, 1846. T. I. Стр. 340.

П. П о л е в о й, Очерки Русской исторіи въ памятникахъ быта. С.-Пб. 1879. T. I. Стр. 148—150.

A. E. v o n N o r d e n s k j ö l d, Die Umseglung Asiens und Europas auf der Vega. Leipzig, 1882. T. I. Стр. 44—48.

А. Д м и т р і е в ъ, Пермская старина. Пермь, 1889. Вып. I; стр. 27—33.

О рукописяхъ, спискахъ и отрывкахъ рукописей англо-саксонской обработки Орозія см. введение Bosworth'a; Wülker, Grundriss стр. 411 и 516; наконецъ Antiquités Russes, стр. 458 и 459.

ОБРАЗОВАНИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ

И ИХЪ

ЗНАЧЕНИЕ ВЪ ИСТОРИИ.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

проф. А. С. БУДИЛОВИЧА

1 ФЕВРАЛЯ 1893 Г.

Наблюдая явленія язычной области, въ ихъ настоящемъ и прошломъ, мы явственно различаемъ два ряда языкообразующихъ процессовъ: одни опредѣляютъ жизнь просторѣчій, а другіе — литературныхъ языковъ. Просторѣчія представляются продуктомъ бессознательно-коллективного творчества народныхъ массъ; на языкахъ же литературныхъ съ большей или меньшей силой отражается вліяніе личности и сознательнаго выбора. Вслѣдствіе того живые народные говоры или просторѣчія составляютъ объектъ изученія наукъ этнологическихъ, а языки письменные или литературные, еще вѣрнѣе — культурные входятъ въ область наукъ историческихъ.

Не слѣдуетъ однако думать, что между тѣми и другими существуетъ такая пропасть, которая лишала бы насъ возможности заключать по просторѣчіямъ о языкахъ образованныхъ или наоборотъ. Въ обѣихъ формахъ мы имѣемъ вѣдь передъ собою все тотъ же физико-психическій феноменъ, ту же систему то акустическихъ, то оптическихъ знаковъ, переносящихъ мысли, чувствованія, желанія, вообще — событія внутренней жизни одного человѣка, именно говорящаго или пишущаго, въ сознаніе другого, именно слушателя или читателя. Да и вообще слѣдуетъ замѣтить, что разстояніе между науками этнологическими и историческими не столь ужъ велико, чтобы между ними вовсе не было связующихъ формъ или мостовъ. Въ исторіи мы часто наталкиваемся на проявленія инстинктивной работы массъ, въ этно-

логіи же нерѣдко замѣчаемъ слѣды личнаго почина, личнаго — хотя и обобщеннаго вѣдѣнія — творчества. Въ психологіи-же — какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и собирательныхъ единицъ (*Völkerpsychologie*) — состоянія: сознательное и бессознательное, свободное и внушенное или стадное не всегда могутъ быть строго разграничены, по нахожденію между ними промежуточныхъ ступеней и формъ.

Вотъ почему изученіе просторѣчій и языковъ культурныхъ должно быть взаимно восполняемо, если мы желаемъ приблизиться къ постиженію законовъ образованія и развитія тѣхъ и другихъ.

Но если бы существованіе столь тѣсной связи между просторѣчіями и культурными языками, слѣд. и между лингвистикой, какъ наукой этнологической, а филологіей, какъ наукой исторической, было подвергнуто сомнѣнію, но причинѣ существенныхъ различій между ихъ объектами и методами, то и тогда вопросъ объ образованіи и значеніи литературныхъ языковъ не былъ бы празднымъ въ наукѣ, ибо такіе языки и сами по себѣ являются весьма важными факторами народной, слѣд. и вообще человѣческой образованности. Они лежатъ вѣдь въ средоточіи филологическаго изученія послѣдней, ибо знаніе культурныхъ языковъ даетъ ключъ для пониманія литературы того или другого народа, слѣд. вообще ведетъ къ постиженію содержанія и объема его духовной дѣятельности.

Какъ же зарождаются образованные языки? Какъ они развиваются? Въ какомъ видѣ выражается ихъ взаимодѣйствіе съ просторѣчіями и вліяніе на успѣхи народной образованности?

Какъ ни мало еще изучены образованные языки съ этихъ точекъ зрѣнія, все же можно и теперь уже утверждать, по крайней мѣрѣ относительно главныхъ европейскихъ литературныхъ языковъ, что всѣ они зародились на почвѣ живыхъ говоровъ и въ первую пору своего развитія представляли органическую ихъ метаморфозу, обусловленную вліяніемъ

личности и примѣненіемъ письменности. Всего лучше это видно на древне-греческомъ языкѣ, который долго сохранялъ четыре діалектическія формы, соотвѣтствовавшія четыремъ главнымъ нарѣчіямъ: іоническому и аттическому, эолическому и дорическому. То же видимъ первоначально и въ языкѣ латинскомъ, который по своимъ началамъ былъ однимъ изъ говоровъ Лаціума, именно римскимъ, а еще частнѣе — говоромъ патриціанскихъ круговъ древняго Рима. Такъ и итальянскій языкъ развился въ средѣ и на почвѣ говоровъ средней Италиі, особенно Тосканы, а еще частнѣе — флорентинскаго, который и донинѣ считается, особенно манцонистами, какъ бы освѣжающимъ ключемъ этого литературнаго языка. Языкъ испанскій выработанъ главнымъ образомъ изъ говоровъ Кастиліи, особенно толедскаго, а потомъ мадридскаго; французскій — изъ ильдефранскаго или собственно парижскаго говора; англійскій — изъ мидландскаго или лондонскаго, въ его придворно-аристократическомъ и канцелярскомъ употребленіи; новонѣмецкій же — изъ верхне-саксонскаго, въ его актовомъ и церковномъ (со временъ Лютера) употребленіи. То же было и у славянъ: языкъ церковно-славянскій развился, кажется, изъ говора образованныхъ славянъ Цареграда въ половинѣ IX в., новый сербохорватскій изъ говоровъ Шумадіи, ново-словинскій — на почвѣ говора верхнегоренскаго, чешскій — изъ говоровъ срединной Чехіи, особенно пражскаго, польскій — изъ говоровъ Малой Польши, особенно краковскаго, наконецъ новорусскій — изъ говоровъ среднерусскихъ, особенно московскаго.

Если это такъ, если всѣ литературные діалекты, подъязыки, языки выросли на почвѣ живыхъ говоровъ и представляютъ культурную переработку просторѣчій, то изъ этого можно сдѣлать выводъ: во 1) о тщетѣ усилій создать литературный языкъ какимъ-либо инымъ способомъ, напр. эклектическимъ подборомъ словъ и формъ изъ различныхъ нарѣчій (какъ это видимъ въ общеславянскомъ языкѣ Крижанича,

Геркеля, Матіи Маяра), или прямо сочиненіемъ новыхъ, въ родѣ мертворожденнаго въ Швейцаріи волапюка; во 2) о необходимости твердо помнить эту связь языковъ съ говорами и поддерживать ее даже въ позднѣйшемъ періодѣ жизни литературныхъ языковъ, для обезпеченія ихъ живучести, свѣжести, законмѣрности развитія.

Далѣе, мы вездѣ почти видимъ, что на первыхъ порахъ культурной жизни извѣстнаго народа, по примѣненіи письменности къ его говорамъ или нарѣчіямъ, выступаетъ обыкновенно не одинъ, а нѣсколько кандидатовъ въ литературные языки. Между ними завязывается затѣмъ борьба за гегемонію, рѣшаемая перевѣсомъ то физическихъ, то — чаще — нравственныхъ силъ извѣстнаго нарѣчія и соотвѣтствующей народности. Такъ въ древней Элладѣ четыре вышепоименованные діалекта долго между собою боролись, получая перевѣсъ одинъ въ одной, другой въ другой области, напр. іоническій въ эпосѣ и логографіи, эолическій въ лирикѣ личной, а дорическій — въ хоровой, наконецъ аттический въ драмѣ, исторіографіи, философіи, пока этотъ послѣдній не восторжествовалъ надъ прочими соперниками и сталъ основою языка общегреческаго, *ἡ κοινὴ*. И латинскій языкъ имѣлъ въ первое время соперниковъ въ діалектахъ осскомъ, умбрскомъ, отчастию даже въ этрусскомъ, пока послѣдніе мало по малу не стушевались передъ языкомъ Рима, его законовъ и легіоновъ.

Въ средѣ новыхъ языковъ особенно трудна была борьба между діалектами нѣмецкими. Долгое время торжество тамъ колебалось между различными діалектами верхней, средней и нижней Германіи, пока наконецъ въ XVI в. оно не склонилось окончательно къ верхнесаксонскому.

Нужно впрочемъ замѣтить, что хотя границы литературныхъ языковъ, ко времени исхода этой борьбы между діалектами, въ большинствѣ случаевъ совпадаютъ съ границами народностей, а нерѣдко далеко выбѣгаютъ за ихъ предѣлы, на территорію смежныхъ языковъ или менѣе культур-

ныхъ племенъ, какъ это имѣло мѣсто напр. по отношенію къ языкамъ древнегреческому, древнелатинскому, а изъ новыхъ особенно — испанскому, англійскому и русскому, отчасти также французскому и нѣмецкому; тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ окончательный результатъ не достигается или по крайней мѣрѣ весьма замедляется. Такъ въ средѣ романцевъ иберійскаго полуострова, составляющихъ одна этнологическое и культурное цѣлое, до сихъ поръ сохранился дуализмъ языковъ испанскаго и португальскаго, а въ средѣ нѣмецкой — языковъ нѣмецкаго и голландскаго, пожалуй — и англійскаго, если имѣть въ виду англосаксонскую, т. е. нижненѣмецкую основу послѣдняго. То же замѣчаемъ между тевтонами Скандинавіи (со включеніемъ области датской), которые въ смыслѣ племенномъ составляютъ одно цѣлое (группу нарѣчій и народностей „нордскихъ“), по литературнымъ же языкамъ донынѣ распадаются на три части: датскую, норвежскую (съ исландцами) и шведскую. И славяне до сихъ поръ вовсе не объединены еще въ смыслѣ литературномъ ни въ цѣломъ, ни въ средѣ отдѣльныхъ группъ (восточная, южная, западная), а отчасти даже въ составѣ тѣснѣйшихъ подгруппъ (напр. чешско-словенской, имѣющей два языка, сербо-хорватской — тоже два, польской тоже, если имѣть въ виду діалектъ кашубскій).

Но даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ границы литературнаго языка достигли границъ народности или и перешли таковыя, его господство не мѣшаетъ сохраненію не только живыхъ говоровъ, но очень часто и второстепенныхъ письменныхъ подъязыковъ или діалектовъ. Такъ въ древней Элладѣ діалекты дорическій, ѳолическій, іоническій сохранялись еще долго по утвержденіи господства аттицизма и выросшаго изъ него языка „общаго“. Въ Италіи донынѣ не вышли изъ письменнаго употребленія въ областныхъ подлитературахъ діалекты сицилійско-неаполитанскій, туринскій, венеціанскій и мн. др. Въ Испаніи не только уцѣлѣлъ, но и

успѣшно развивается діалектъ каталонскій, примыкающій по строенію къ многочисленнымъ окситанскимъ или окскимъ діалектамъ Франціи. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, особенно лангедокскій и провансскій, обнаруживаютъ даже съ половины XIX в. въ періодъ такъ называемаго „провансальскаго возрожденія“ особенную производительность, преимущественно въ поэтической области. И въ Германіи торжество нововерхненѣмецкаго вовсе не прекратило существованія и даже относительнаго развитія — въ лирической и сатирической областяхъ — діалектовъ алеманскаго, швабскаго, вѣнскаго, особенно же нижненѣмецкаго или платдейтша, въ его многочисленныхъ разновидностяхъ. Къ этого рода второстепеннымъ подъязыкамъ или литературнымъ діалектамъ относится и нашъ малорусскій или украинскій, въ сочиненіяхъ напр. Котляревскаго, Основьяненко, Вовчка, Шевченко и др., а также червонорусскій въ Галичинѣ и угрорусскій за Бескидомъ.

Изъ этихъ примѣровъ можно сдѣлать выводъ, что при нормальныхъ отношеніяхъ, при правильномъ размежеваніи законныхъ сферъ распространенія и развитія большихъ или общихъ образованныхъ языковъ съ одной стороны, а подчиненныхъ имъ подъязыковъ или письменныхъ діалектовъ съ другой, между тѣми и другими могутъ и даже должны установиться вполне мирныя отношенія, основанныя на взаимной поддержкѣ языками діалектовъ и обратно, въ борьбѣ съ другими сильными культурными языками.

Чѣмъ же обусловлено возвышеніе извѣстныхъ діалектовъ до роли большихъ литературныхъ языковъ и подчиненіе ими цѣлаго ряда другихъ, родственныхъ, а нерѣдко и неродственныхъ діалектовъ?

Говоря вообще, исходъ этой борьбы, такъ сказать, за гегемонію опредѣляется перевѣсомъ силъ, притомъ не физическихъ лишь, но главнымъ образомъ нравственныхъ, общественнаго и личнаго характера.

Къ физическимъ условіямъ такой борьбы и такого тор-

жества относится прежде всего географическое размѣщеніе тѣхъ или другихъ нарѣчій; затѣмъ — ихъ діалектическій характеръ, грамматическій строй, лексическія богатства и т. п. Въ качествѣ общаго правила можно, кажется, установить положеніе, что срединное расположеніе извѣстнаго діалекта даетъ ему нѣкоторый перевѣсъ надъ окраинными, облегчая его распространеніе во всѣ стороны, на площадь смежныхъ діалектовъ. Этимъ отчасти объясняется торжество въ Элладѣ діалектовъ аттическаго, какъ срединнаго, надъ сѣвернымъ эолизмомъ, южнымъ доризмомъ и восточнымъ іонизмомъ. Подобнымъ преимуществомъ центральнаго расположенія пользовался и латинскій языкъ въ древней Италиі, въ средѣ діалектовъ осскаго на югѣ, сабельскаго на востокѣ а умбрскаго, отчасти и этрусскаго на сѣверѣ. То же повторяется въ срединномъ расположеніи діалектовъ: тосканскаго въ новой Италиі, кастильскаго въ Испаніи, парижскаго съ средѣ ойльскихъ говоровъ Франціи, мидландскаго въ Англіи, верхнесаксонскаго въ Германіи, московскаго въ Россіи.

Бывали, правда, случаи, что въ извѣстныя историческія эпохи получали перевѣсъ діалекты окраинные надъ срединнымъ, напр. іоническій въ гомеровской Элладѣ, сицилійскій въ гогенштауфенской Италиі, галлегскій въ маврской Испаніи, англофранцузскій или вѣрнѣе англонормандскій въ средѣ ойльскихъ разнорѣчій XI—XII вв., алеманскій, потомъ швабскій въ средневѣковой Германіи, между прочимъ и церковнославянскій (изъ среды южныхъ) въ древнемъ славянствѣ. Но подобное преобладаніе діалектовъ окраинныхъ обыкновенно бывало явленіемъ временнымъ, преходящимъ, и въ концѣ концовъ оно смѣнялось болѣе устойчивымъ господствомъ діалектовъ срединныхъ. Правда, нѣкоторые изъ окраинныхъ діалектовъ и впослѣдствіи уклонялись отъ гегемоніи центральныхъ, напр. португальскій въ новой Иберіи или голландскій въ континентальной Германіи; но еще не извѣстно, есть ли это окончательное или только временное укло-

неніе отъ указанныхъ нормъ образованія литературныхъ языковъ. Оно можетъ быть отчасти объяснено и приморскимъ расположеніемъ названныхъ языковъ, открывшимъ для нихъ новые запасы силъ въ заокеанскихъ колоніяхъ.

Наряду съ этимъ внѣшнимъ, географическимъ факторомъ указанного процесса, необходимо затѣмъ отмѣтить и соотвѣтственный фактъ діалектологической области: нарѣчія, а слѣд. и діалекты срединные занимаютъ обыкновенно и по внутреннему строю центральное мѣсто между родственными. Они менѣе подвержены воздѣйствію языковъ чужихъ, а потому чище и во всякомъ случаѣ доступнѣе для изученія прочими народностями племени, по существованію переходныхъ формъ отъ срединнаго діалекта къ любому изъ окраинныхъ.

Но этого рода внѣшними, физическими такъ сказать вліяніями далеко не исчерпываются условія, а слѣд. и результаты борьбы діалектовъ за преобладаніе, если не за жизнь. Въ борьбѣ этой принимаютъ участіе и многіе чисто нравственные факторы и силы. Такъ напр. церковь своимъ союзомъ съ извѣстнымъ діалектомъ можетъ дать ему существенный, иногда рѣшающій перевѣсъ надъ соперниками. Въ этомъ отношеніи можно сослаться на такъ называемые іератическіе языки востока: санскритъ браминовъ, пали буддистовъ, зендъ — послѣдователей Зороастра, староеврейскій — мозаистовъ, потомъ талмудистовъ, арабскій — мусульманъ, какъ на древнѣйшихъ представителей этого типа образованныхъ языковъ. Среднегреческій (*media graecitas*) и среднелатинскій (*media latinitas*) языки также принадлежатъ въ значительной мѣрѣ къ языкамъ церковнаго — если не происхожденія, то употребленія и значенія. Сюда же слѣдуетъ отнести языки: готскій въ переводахъ Вульфила и его послѣдователей, церковно-славянскій въ школахъ кирилло-меѳодіевской и дальнѣйшихъ, до нашего времени, до нѣкоторой же степени и верхненѣмецкій въ трудахъ Лютера и въ богослуженіи основанной имъ церкви. Менѣе значительное,

но все же замѣтное участіе принимала церковь и въ образованіи языка новоанглійскаго, благодаря дѣятельности Виллефа, Тиндаля и др. дѣятелей англійской реформаціи.

Въ другихъ случаяхъ рѣшающее значеніе въ этомъ процессѣ имѣло государство. Такъ напр. древнелатинскій языкъ сложился въ Римѣ и вмѣстѣ съ границами сначала республики, а затѣмъ имперіи распространился по Италіи, Галліи, Иберіи, сѣверной Африкѣ, отчасти даже въ Иллирикѣ, Панноніи, Дакии, хотя конечно этому распространенію не мало содѣйствовала и римская колонизація, а также успѣхи римской науки, литературы, вообще образованности.

И въ новой Европѣ утвержденіе діалектовъ: кастильскаго въ Испаніи, ильдефранскаго во Франціи, мидландскаго въ Великобританіи, верхнесаксонскаго же въ Германіи въ значительной степени обусловлено было и политическими событіями, каковы напримѣръ: могущество арагонокастильскаго дома и государства въ Иберіи, торжество французскихъ королей надъ феодальными владѣтелями въ Галліи, выдающаяся политическая и экономическая роль Парижа и Лондона, въ Германіи-же — значеніе императорской канцеляріи и имперскаго суда, ихъ вліяніе на канцеляріи и дѣловую переписку курфирстовъ и т. п. Потому то и называемы были въ свое время господствовавшіе діалекты королевскими, имперскими: *la langue royale, couronnée, the king's english, reichsdeutsch, Kaisersprache, Hofkanzleisprache* и т. п.

И у насъ торжеству московскаго говора въ литературной области не мало содѣйствовало политическое и общественное значеніе Москвы, не ослабленное даже перенесеніемъ столицы въ С.-Петербургъ, который впрочемъ по первоначальному составу жителей, слѣд. и преобладающему ихъ говору былъ какъ бы сѣверной колоніей Москвы, хотя конечно онъ расположенъ на территоріи окающихъ, а на акающихъ говоровъ.

Но едвали не самымъ важнымъ изъ нравственныхъ

факторовъ разсматриваемаго процесса были вклады великихъ писателей. Въ Элладѣ напр. древнѣйшій литературный языкъ тѣсно связанъ съ именемъ и дѣятельностію Гомера и гомеридовъ; средній его періодъ былъ опредѣленъ главнымъ образомъ дѣятельностію Эсхила и другихъ аттическихъ трагиковъ, а затѣмъ историковъ, философовъ, драматурговъ; позднѣйшій-же — геніемъ Аристотеля и его учениковъ въ греческій, александрійскій, отчасти и византійскій періоды.

И въ Римѣ возвышеніе латинскаго діалекта связано, хотя и въ меньшей мѣрѣ, съ именами Эннія, Плавта, Теренція, Лукреція, особенно же Цицерона.

Тосканскій діалектъ Италіи не могъ бы одолѣть прочихъ столь быстро и рѣшительно, если бы не былъ поддержанъ литературнымъ геніемъ трехъ славныхъ тосканцевъ: Данта, Петрарки, Боккачіо. Подобное же значеніе имѣла въ Испаніи писательская дѣятельность Сервантеса, Лопе-де-Вега и Кальдерона. Сила португальскаго, въ его борьбѣ съ испанскимъ въ Иберіи, съ англійскимъ же и другими въ колоніяхъ опредѣлена была въ значительной степени геніемъ Камоэнса. Торжество нововерхненѣмецкаго языка обезпечено было окончательно литературною дѣятельностію Опица, Гюнтера, Вольфа, а еще болѣе Лессинга, Шиллера, Гете. И въ развитіи новорусскаго образованнаго языка значеніе вкладовъ Ломоносова, Карамзина, Пушкина по крайней мѣрѣ уравнивается съ ролью въ этомъ процессѣ государства и школы.

Но какими бы факторами ни было опредѣлено торжество того или другого діалекта надъ прочими соперниками, торжество это бываетъ обыкновенно соединено и съ нѣкоторыми неудобствами. По мѣрѣ превращенія говоровъ въ письменные, слѣд. уже искусственные діалекты, которые становятся затѣмъ общими культурными языками цѣлой группы народностей или даже народовъ, говоры эти по необходимости утрачиваютъ свою природную непосредственность, цѣльность, колоритъ. Распространившись на обширной территоріи,

принявъ въ себя постепенно вклады изъ среды родственныхъ діалектовъ, отчасти и чужихъ языковъ, а сверхъ того осложнившись вліяніемъ литературной традиціи, книжный языкъ неизбежно становится болѣе или менѣе смѣшаннымъ, искусственнымъ, условнымъ. Подобная искусственность въ языкѣ греческомъ очень замѣтна уже въ періодъ александрійскій, въ такъ называемой кині (*ἡ κοινή*); она еще сильнѣе въ періодъ христіанскій, особенно поздне-византійскій, послѣ патр. Фотія. Еще искусственнѣе составъ и строй языка древнелатинскаго, начиная съ первыхъ его поэтовъ: Эннія, Невія, Пакувія, воспитанныхъ на языкѣ греческомъ и подчинившихъ вліянію послѣдняго не только свой стихотворный метръ, но и литературный стиль, отчасти даже грамматическое строеніе своей рѣчи.

Въ новоитальянскомъ языкѣ постепенное засореніе и увяданіе дантовскаго *illustre vulgare* вызвало въ XIX в. своеобразную реакцію, во главѣ которой сталъ Манцони, совѣтовавшій итальянцамъ отречься отъ устарѣлыхъ литературныхъ традицій и привычекъ и писать на языкѣ не Данта, не Аріоста или Маккіавели, а на живомъ говорѣ базарныхъ торговыхъ *mercato vecchio* во Флоренціи.

Подобнаго рода, хотя и не столь рѣзкая, реакція противъ искусственности съ большей или меньшей силой выражалась и во всѣхъ прочихъ большихъ литературныхъ языкахъ, напр. во французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ, особенно у писателей стараго, романтическаго и новаго, реалистическаго направленія. И у насъ не только до Пушкина, но и послѣ него, напр. въ народныхъ разсказахъ гр. Льва Толстаго, отчасти и у другихъ современныхъ нашихъ беллетристовъ, также проявляется стремленіе освѣжить современный книжный языкъ діалектизмами той или другой мѣстности, того или другого живого говора.

Слѣдуетъ ли считать этого рода перерожденіе литературныхъ языковъ печальнымъ признакомъ ихъ постепеннаго вырожденія или наоборотъ — неизбежнымъ условіемъ теоре-

тической обработки языка, его постепеннаго приспособленія къ требованіямъ науки и жизни?

Думается, что вѣрно скорѣе послѣднее, чѣмъ первое. Вѣдь и живые говоры теряютъ съ теченіемъ времени свою первоначальную стройность, богатство этимологическихъ формъ, прозрачность и колоритность состава. Изъ этого однако не слѣдуетъ, будто они — какъ думали нѣкоторые языковѣды школы Гумбольдта — падаютъ, разлагаются, вымираютъ съ выступленіемъ соотвѣтствующаго народа на сцену всемірной исторіи. Языкъ не есть вѣдь самостоятельный и самоцѣльный организмъ, который долженъ довлѣть лишь себѣ и разсматриваться совершенно независимо отъ соотношеній къ психологіи и культурной исторіи. Наоборотъ, языкъ — лишь органъ духовнаго развитія чловѣка и народа; слѣд. его достоинства и недостатки должны опредѣляться не въ немъ самомъ, а по отношенію къ цѣлямъ этого развитія людей и народовъ. Если напр. языкъ столь распатаннаго строя, какимъ представляется нынѣ англійскій, отчасти и языки новороманскіе, а также новоиранскіе, новоиндійскіе и т. д., слѣд. большинство живыхъ говоровъ аrio-европейской семьи, болѣе соотвѣтствуютъ условіямъ личнаго и народнаго развитія, чѣмъ немногіе уцѣлѣвшіе языки сомкнутого или синтетическаго строя, напр. нѣмецкій, большинство славянскихъ и особенно литовскій: то языки перваго типа должны быть признаны языками болѣе легкой и удобной, слѣд. и лучшей организаци, чѣмъ языки второго типа. То-же слѣдуетъ сказать и о языкахъ книжныхъ: если можно доказать, что они являются болѣе сподручными органами для духовнаго развитія людей и народовъ, чѣмъ дробные живые говоры или мелкіе діалекты, слабые отдѣльные языки, то — очевидно — первые и по существу должны считаться выше, совершеннѣе послѣднихъ.

А можно-ли это доказать? Безспорно. Могли ли бы напр. дробные діалекты древней Эллады, еще не объединенные въ формахъ общегреческаго литературнаго языка

(ἡ κοινή), служить столь могучимъ пособіемъ, какъ послѣдній, при распространѣніи на востокъ и западъ культурныхъ вкладовъ эллинизма — сначала языческаго, а потомъ христіанскаго? Не латынью ли главнѣйше были объединены и закрѣплены за Римомъ — императорскимъ, а позже папскимъ — разноплеменные области запада, которыя и образовали вслѣдствіе того одно культурное цѣлое, несмотря на племенную разнь романизма, кельтизма и германизма? Не на литературномъ-ли единствѣ народонаселеній нынѣшней Италіи, Испаніи, Франціи, Германіи опирается главнымъ образомъ и народное ихъ единство, какъ основа государственнаго? Въ этомъ отношеніи мы не сдѣлали бы ошибки, назвавъ напр. Данта отдаленнымъ предтечею Кавура, а Лютера — предтечею Бисмарка, какъ основателей единой Италіи и единой Германіи.

Но самое важное достоинство литературныхъ языковъ, особенно большихъ и сильныхъ, заключается въ томъ, что они содѣйствуютъ успѣхамъ личнаго развитія, облегчая задачи семейнаго и общественнаго образованія, организацію все-народной школы, возникновеніе и преуспѣяніе науки и поэзіи. Конечно, возможно утвердить систему личнаго и народнаго воспитанія и образованія и на одномъ изъ мелкихъ діалектовъ либо второстепенныхъ подъязыковъ. Это мы и видимъ напр. въ нынѣшней Даніи, Норвегіи, Швеціи, Голландіи, Угріи, Румыніи, Греціи и въ нѣкоторыхъ славянскихъ странахъ (Болгаріи, Сербіи, Черногоріи, Хорватіи). Но подобнаго рода школы и литературы могутъ удержаться въ борьбѣ съ большими образованными языками лишь при поддержкѣ одного изъ послѣднихъ, напр. нѣмецкаго, итальянскаго, русскаго. Но въ случаѣ разрыва съ подобными союзниками или протекторами, мелкіе діалекты и основанныя на нихъ областныя литературы въ концѣ концовъ должны подчиниться своимъ могущественнымъ сосѣдямъ, и если не слиться, то совершенно ступать передъ послѣдними. Въ этомъ отношеніи конечная судьба подобныхъ

мелкихъ языковъ и литературъ не можетъ быть отлична отъ судьбы мелкихъ государствъ, при столкновѣніи съ большими и сильными.

Да и экономическое положеніе мелкихъ діалектовъ и литературъ не можетъ считаться обезпеченнымъ. Для большаго писателя нуженъ не только широкій народный кругозоръ, не только высокій историческій пьедесталъ, но и широкій кругъ читателей, достаточный спросъ на литературныя произведенія, слѣд. и матеріальная возможность предпринять и выполнить большую литературную работу.

Большіе литературные языки по справедливости могутъ быть названы желѣзнодорожными путями народной образованности, тогда какъ языки мелкіе или частные діалекты представляются какъ-бы проселочными ея дорогами. Потому для подобныхъ языковъ, проникающихъ во всѣ области народной жизни: церковь, государство, общество, школу, науку, искусство, названіе „литературными“ очень тѣсно: ихъ слѣдовало-бы собственно называть языками культурными или образованными, какъ носителями народной или міровой образованности.

Какіе же выводы можно отсюда сдѣлать въ примѣненіи къ нашему образованному языку, въ его соотношеніяхъ къ діалектамъ нашей язычной, а вмѣстѣ и культурной области?

Въ отношеніи теоретическомъ на основаніи изложеннаго можно заключить, что въ задачи исторіи русскаго образованнаго языка входитъ прежде всего опредѣленіе его отношенія къ живымъ говорамъ стараго и новаго времени, а также къ возникавшимъ изъ нихъ книжнымъ діалектамъ, причемъ слѣдуетъ также по возможности прослѣдить взаимодѣйствіе этого языка съ прочими образованными языками и вліяніе на его развитіе факторовъ физическихъ и нравственныхъ, чтобы такимъ образомъ приблизиться къ постиженію основнаго типа этого языка, его характера и мѣста въ ряду прочихъ образованныхъ языковъ человѣчества.

Въ отношеніи же практическомъ жизненныя задачи нашего образованнаго языка сводятся собственно къ слѣдующимъ :

1) Чтобы поддержать свою свѣжесть и жизненность и быть достойнымъ — не по внѣшней лишь силѣ, но и по внутреннимъ богатствамъ — представителемъ всѣхъ діалектическихъ разновидностей нашей язычной сферы, русскій литературный или образованный языкъ долженъ бережно хранить и все болѣе укрѣплять свои генетическія связи съ просторѣчьями, притомъ не великорусской лишь системы, но и малорусской, а по возможности и другихъ славянскихъ нарѣчій.

2) Для расширенія и углубленія своего состава и устраненія варваризмовъ, нашъ образованный языкъ долженъ сохранять свои связи съ прошлымъ и черпать изъ кладовъ старины, особенно же изъ эпохи средней или московской, не достаточно утилизированныхъ въ новѣйшій или петербургскій періодъ исторіи этого языка.

3) Объединеніе діалектическихъ и историческихъ элементовъ русскаго литературнаго языка, достигнутое въ сочиненіяхъ Пушкина, силою его высокаго художественнаго творчества, должно и впредь развиваться на той же основѣ, по тѣмъ же вѣковѣчнымъ образцамъ.

4) Языкъ этотъ долженъ служить опорою для существованія и дальнѣйшаго развитія не только русскихъ областныхъ діалектовъ и прочихъ славянскихъ языковъ, но и тѣхъ инородческихъ, которые по историческому положенію являются его культурными спутниками, каковы напр. всѣ языки финскіе (не исключая въ будущемъ и мадьярскаго), всѣ тюркскіе, всѣ подкавказскіе, а также армянскій, литовско-латышскій и мн. др.

5) Но за эту поддержку нашъ языкъ въ правѣ требовать отъ своихъ спутниковъ взаимности, параллельнаго развитія и дружественнаго обмѣна.

6) Наконецъ русскій образованный языкъ, въ союзѣ

со своими культурными спутниками, имѣетъ не только право, но и обязанность ревниво оберегать свою законную область отъ вторженія смежныхъ образованныхъ языковъ, въ интересахъ самосохраненія и со всей энергіей борьбы за жизнь.

А. Будиловичъ.

ОТЧЕТЪ

О

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ КЛИНИКИ

ПРИ

**ИМПЕРАТОРСКОМЪ ЮРЬЕВСКОМЪ
УНИВЕРСИТЕТЪ**

ЗА АКАДЕМИЧЕСКІЙ 1892/3 ГОДЪ

ДИРЕКТОРА КЛИНИКИ

проф. С. М. ВАСИЛЬЕВА.

Научный прогрессъ въ медицинѣ остается тѣсно связаннымъ съ клиникой, не смотря на то, что въ настоящее время, благодаря прекрасной постановкѣ дѣла въ городскихъ и земскихъ больницахъ, можно было-бы ожидать сильнаго вліянія въ этомъ направленіи и послѣднихъ. Руководящая однако роль въ прогрессѣ нашихъ знаній по прежнему принадлежитъ клиникѣ и, по нашему мнѣнію, будетъ всегда принадлежать ей до тѣхъ поръ, пока въ больницахъ не будетъ преслѣдоваться та-же цѣль, которой служатъ клиники.

Цѣль клиники — учено-педагогическая; больные въ клиникѣ служатъ прежде всего матеріаломъ для клиническаго преподаванія. Цѣль больницъ исключительно гуманная т. е. оказывать медицинскую помощь по возможности большому количеству больного люда. Въ этой разницѣ преслѣдуемыхъ цѣлей и заключается преимущественное значеніе клиники предъ больницей. Въ клиникѣ образуетъ ся практическій и ученый врачъ, въ больницѣ-же онъ является съ готовымъ направленіемъ, со всѣми достоинствами и недостатками своей клинической школы. Какова клиника, таковъ будетъ и врачъ. Проф. Захарьинъ по этому поводу говоритъ, что факультетская клиника внутреннихъ болѣзней есть первая полная и вмѣстѣ съ тѣмъ общая клиника, которую встрѣчаетъ учащійся: она есть истинная клиническая школа медицинскаго факультета. Отсюда ея важное значеніе: въ ней полагается основаніе тому,

чѣмъ будетъ врачъ, каковъ онъ обра-
зуется.

Имѣя въ виду это высокое назначеніе клиники, мы и стремились къ тому, чтобы наши слушатели прежде всего практически усвоили себѣ все то, что имъ необходимо для главной ихъ задачи, т. е. научились распознавать болѣзни, наблюдать за ихъ теченіемъ и лѣчить больныхъ.

Разбирая на клиническихъ лекціяхъ больныхъ, слушателямъ указывалось, что въ данное время можно было считать положительнымъ приобрѣтеніемъ со стороны патологической, діагностической, терапевтической и т. д., что еще темнымъ, неопредѣленнымъ или спорнымъ и на что слѣдуетъ обращать особенное вниманіе при клиническомъ наблюденіи за больнымъ. Этой стороной дѣятельности нашей клиники мы стремились привлечь нашихъ слушателей къ совмѣстной научной разработкѣ какъ встрѣтившихся клиническихъ случаевъ, могущихъ содѣйствовать обогащенію нашихъ знаній съ вышеуказанныхъ точекъ зрѣнія, такъ и къ производству экспериментальныхъ изслѣдованій по тѣмъ вопросамъ, которые указывались клиникой.

Что сдѣлано нами въ томъ и другомъ направленіи за настоящій академическій годъ, первый годъ нашей самостоятельной клинической дѣятельности?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, считаемъ необходимымъ сказать предварительно нѣсколько словъ о томъ, при какихъ внѣшнихъ условіяхъ протекала наша клиническая дѣятельность.

Несомнѣнно, что внѣшняя и внутренняя обстановка оказываютъ громадное вліяніе на успѣхъ клинической работы. Если клиника обладаетъ хорошей гигиенической обстановкой, больные хорошо въ ней кормятся, имѣетъ прекрасно подготовленный персоналъ для ухода за послѣдними, то, конечно, больные охотно идутъ въ клинику. Если клиника къ тому-же располагаетъ и достаточными денеж-

ными средствами, то ей легко привлекать при этихъ условіяхъ даровой матеріалъ для цѣлей преподаванія, уже и при существованіи въ такомъ небольшомъ городѣ какъ Юрьевъ, такъ какъ бѣдняковъ и здѣсь достаточно, особенно-же въ сосѣднихъ окрестностяхъ. Совсѣмъ другое, конечно, будетъ при противоположныхъ условіяхъ. Достаточно напомнить, какъ Петербургскія больницы съ переходомъ ихъ въ вѣденіе города и съ введеніемъ въ нихъ новаго порядка (свободное размѣщеніе больныхъ въ хорошо провѣтриваемыхъ палатахъ, масса свѣта, хорошая пища и прекрасный уходъ изъ сестеръ милосердія, гуманное отношеніе къ больнымъ и т. д., и т. д.) приобрѣли такую симпатію у общества, что въ настоящее время не только простолюдинъ при первомъ заболѣваніи бѣжитъ скорѣе въ больницу, но и люди средняго сословія, особенно при тяжкомъ заболѣваніи, требующемъ спеціальнаго ухода, чрезвычайно охотно направляются въ тѣ-же больницы. А еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ каждый крестьянинъ съ ужасомъ вспоминалъ о тѣхъ-же больницахъ, куда онъ теперь такъ охотно ходитъ.

Трудно, къ сожалѣнію, пройти молчаніемъ и того обстоятельства, что клиникѣ иногда приходится считаться съ такими посторонними вѣяніями, которыя ничего общаго съ наукой не имѣютъ. Здѣсь не мѣсто останавливаться на нихъ, хотя на ходъ дѣла въ клиникѣ и особенно на обиліе притекающаго матеріала въ послѣднюю это обстоятельство, даже въ настоящее время, оказываетъ еще значительное вліяніе.

Терапевтическая клиника расположена на песчаной горѣ, такъ называемой „Домбергъ“, посреди довольно большаго и хорошаго парка, въ самой здоровой части города. Изъ историческихъ справокъ оказывается, что въ 1763 г. при Екатеринѣ Великой приступлено было къ закладкѣ на „Домбергѣ“ цитадели съ казармами, но вслѣдствіе пожара, эта постройка была приостановлена. Въ 1802 г. импера-

торъ Александръ I подарилъ „Домбергъ“ со всѣми находящимися на немъ постройками Университету. Въ 1806 году приступлено было къ перестройкѣ неоконченныхъ казармъ подъ клинику. Въ Іюнь 1808 г. постройка была окончена и въ ней первоначально помѣстились медицинская, хирургическая и гинекологическая клиники. Впослѣдствіе гинекологическая клиника выдѣлена была въ особое зданіе рядомъ съ внутреннею клинкою, а въ самое недавнее время и хирургическая. Такимъ образомъ въ настоящее время медицинская клиника служитъ исключительно для приѣма внутреннихъ больныхъ.

Самое зданіе каменное, двухъ-этажное, съ мезониномъ, корридорнаго типа, помѣщается надъ подваломъ со сводами. Парадный входъ изъ клиники ведетъ въ паркъ, расположенъ посрединѣ фасада. Съ правой стороны входа въ 1-омъ этажѣ расположены: швейцарская, комната для микроскопическихъ изслѣдованій, кабинетъ директора съ библіотекой, комната ассистента и клозетъ для студентовъ; по лѣвой сторонѣ: двѣ комнаты для амбулаторій и комната управляющаго аптекой. Всѣ эти комнаты занимаютъ лицевую сторону съ окнами въ паркъ и продольнымъ корридоромъ отдѣляются отъ комнатъ, выходящихъ окнами во дворъ. Комнаты эти слѣдующія: по правой сторонѣ парадной лѣстницы гардеробная для студентовъ, лабораторія (изъ двухъ комнатъ), комната 2-го ассистента, помѣщеніе для клиническаго бѣлья и входъ въ подвалъ, гдѣ помѣщаются кухня и кладовыя. По другой сторонѣ парадной расположены: входъ во дворъ, комната помощника провизора и аптека изъ трехъ комнатъ, а затѣмъ лѣстница въ подвалъ.

Изъ перваго этажа широкая каменная лѣстница ведетъ двумя входами въ 2-ой этажъ, въ которомъ надъ самымъ параднымъ подъѣздомъ помѣщается комната для клинической канцеляріи, съ балкономъ въ паркъ. Въ ней собираются ассистенты, субъ-ассистенты; хранятся скорбные листы клиническихъ больныхъ и самые необходимые предметы для

клиническихъ изслѣдованій. По одной сторонѣ канцеляріи надъ амбулаторіей и аптекой идутъ три палаты женскаго отдѣленія съ комнатою для сидѣлокъ; слѣва пять палатъ мужскаго отдѣленія, съ отдѣльной комнатою для помѣщенія электрическихъ, фотографическихъ аппаратовъ и для ларингоскопированія больныхъ, также комната для сидѣлокъ, рядомъ съ которой устроенъ женскій клозетъ. Въ концѣ корридора на женской половинѣ расположена аудиторія, для 200 человекъ. Подъ возвышающимся уступами сидѣніемъ для слушателей въ одной половинѣ аудиторіи находится фотографическая камера, а въ другой столы съ реактивами для анализа мочи и т. п. производимыхъ студентами. Въ противоположномъ концѣ корридора устроена плита а сбоку ванная съ двумя кабинами, но безъ душъ, а съ другой стороны мужской клозетъ. Палаты высокія, окна большія, широкія, свѣта много, полы и стѣны до половины выкрашены масляной краской; отопленіе дровяное, печи кафельныя. Койки желѣзныя, крашенныя, съ сѣнниками; одѣяла байковые, подушки также набиваются сѣномъ. Бѣлья для больныхъ было такъ мало и при томъ настолько ветхое, что завѣдующая имъ прямо предупреждала о невозможности удовлетворенія спроса на него при достаточно большомъ количествѣ больныхъ въ клиникѣ. Между каждыи двумя постелями больныхъ находятся шкафики безъ дверей; въ каждой палатѣ небольшой столъ и нѣсколько крашенныхъ стульевъ. Изъ палатъ проведены электрическіе звонки въ комнаты сидѣлокъ. Вентиляція палатъ въ холодное время совершается изъ корридора, куда поступаетъ изъ парка свѣжій воздухъ черезъ трубы, проведенныя по потолку перваго этажа и выходятъ во второй этажъ около печей. Во входныхъ отверстіяхъ этихъ трубъ помѣщены дверцы, при полномъ поднятіи которыхъ свѣжій воздухъ поступаетъ прямо въ корридоръ, а черезъ отдушины у основанія печей въ палаты. При необходимости имѣть согрѣтый воздухъ, дверцы во входномъ отверстіи поднимаются на 45°,

и тогда свѣжій, холодный воздухъ предварительно направляется въ желѣзныя печи, откуда уже нагрѣтый, выходитъ вверху печей въ корридоръ и чрезъ находящіяся надъ дверями подвижныя отдушины въ палаты. Испорченный палатный воздухъ выводится чрезъ особыя отводныя трубы около печей.

Число кроватей въ мужскомъ отдѣленіи, при сносномъ расположеніи, не можетъ превышать 30, въ женскомъ, при томъ же условіи, не болѣе 34. Узкая каменная лѣстница изъ второго этажа ведетъ въ мезонинъ, гдѣ помѣщается гонорационное отдѣленіе изъ 5 отдѣльныхъ комнатъ и помѣщенія для сидѣлки. 3 комнаты смотрятъ окнами въ паркъ, 3 во дворъ; въ корридорѣ-же помѣщается клозетъ. Меблировка въ гонорационномъ отдѣленіи гораздо лучшая, тѣмъ въ общихъ палатахъ; въ нихъ имѣются диваны, кушетки, умывальники, шкафы и т. д. Комнаты большія и хорошо освѣщены, но вентилируются чрезъ форточки.

Въ мезонинѣ же, совершенно изолированно, расположена комната для заразныхъ больныхъ и отдѣлена отъ гонорационнаго отдѣленія чердакомъ, чрезъ который и совершается сообщеніе съ нею.

Въ подвалѣ подъ аптекой помѣщаются жилыя комнаты нисшаго служащаго персонала, аптечный складъ, маленькая прачешная и ванная для служащихъ. Главная прачешная клиники помѣщается въ отдѣльномъ зданіи на берегу рѣки Эмбаха.

Во дворѣ клиники отдѣльный флигель для эконома.

Вся клиника отапливается дровами. Освѣщеніе въ первомъ этажѣ газовое, въ остальныхъ комнатахъ керосиновое.

Водою клиника снабжается изъ университетскаго артезианскаго колодца; послѣдняя отличается своей необыкновенной чистотой и богатствомъ углекислоты, но, къ сожалѣнію, весьма обильна известью.

Для ухода за больными находится въ распоряженіи клиники пять сидѣлокъ, нанимаемыхъ съ воли и слѣдовательно,

совершенно неподготовленныхъ къ уходу за больными. Двѣ для мужскаго отдѣленія, двѣ для женскаго и одна для гонорационнаго; послѣдняя-же исполняетъ обязанности и при заразной комнатѣ. Въ помощь имъ приставлены два служителя для всѣхъ болѣе тяжелыхъ службъ по клиникѣ и для разсылочныхъ надобностей.

При ванной комнатѣ отдѣльной прислуги совсѣмъ нѣтъ. Въ директорской, микроскопической комнатѣ и лабораторіи имѣется отдѣльный служитель.

Персоналъ при кухнѣ нанимается экономомъ и состоитъ на его содержаніи.

Вотъ въ какомъ положеніи съ внѣшней стороны мы нашли клинику при нашемъ вступленіи въ завѣдываніе ей.

Изъ этого краткаго описанія нашего клиническаго зданія легко замѣтитъ существующіе недостатки въ немъ.

Какъ выше уже сказано, само помѣщеніе расположено въ лучшей, наиболѣе высокой части города и притомъ въ паркѣ; но постройка его представляетъ много недостатковъ. Прежде всего бросается въ глаза отсутствіе безопасности въ случаѣ пожара, такъ какъ имѣется всего одинъ входъ во второй этажъ, гдѣ помѣщаются больные, и одинъ въ мезонинъ. Въ послѣднемъ особенную опасность представляетъ изолированная чердакомъ отъ гонорационныхъ палатъ заразная комната. Въ случаѣ пожара, даже ничтожнаго, на чердакѣ, гдѣ сохраняется масса стараго, деревяннаго матеріала, проникнуть въ заразное отдѣленіе невозможно и больному угрожаетъ неминуемая опасность.

Въ видахъ безопасности больныхъ и служебнаго персонала поэтому необходимо сдѣлать еще два входа во второй этажъ, по одному въ мужское и женское отдѣленіе и обязательно прибавить еще одну лѣстницу для третьяго этажа. Изолированную комнату лучше оставить на своемъ мѣстѣ, но новый входъ, хотя-бы въ видѣ желѣзной лѣстницы, долженъ быть непременно сдѣланъ возлѣ нея. Это необходимо сдѣлать тѣмъ болѣе, что въ ближайшемъ будущемъ необхо-

димо устроить въ томъ - же мѣстѣ еще нѣсколько заразныхъ комнатъ ; тогда изоляція заразныхъ больныхъ можетъ быть дѣйствительно лучше достигнута, чѣмъ теперь, когда имѣется всего одна сидѣлка для гонораціоннаго и для заразнаго отдѣленія.

Вентиляція очевидно не удовлетворяетъ своей цѣли въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ данное время. Поэтому очищеніе воздуха въ палатахъ слѣдуетъ видоизмѣнить такимъ образомъ, чтобы свѣжій воздухъ поступалъ туда не изъ корридора, а прямо изъ парка. Неудобство настоящей вентиляціи особенно сказывается во время функціонирования клиники, когда втеченіе цѣлаго дня, особенно-же съ 9 часовъ до часу дня и съ 5 до 9 часовъ вечера, воздухъ трудно имѣть хорошій, такъ какъ, вслѣдствіе отсутствія зала для студентовъ, они проводятъ все время въ томъ-же корридорѣ, курятъ тамъ и т. д. Къ вечеру - же воздухъ въ корридорѣ еще болѣе портится вслѣдствіе того, что корридоръ въ первомъ этажѣ переполненъ бываетъ поликлинической публикой, не очень таки чистой, являющейся сюда за полученіемъ лекарствъ изъ аптеки и просиживающихъ въ корридорѣ въ ожиданіи по цѣлымъ часамъ. Последнее обстоятельство необходимо устранить тѣмъ, чтобы больные не сами являлись за полученіемъ лекарствъ, а приходили-бы за ними поликлиническіе служителя. Кромѣ того желательно въ тѣхъ-же цѣляхъ перевести и хирургическую амбулаторію въ хирургическую клинику. Если не будутъ устранены всѣ эти неудобства, такъ портяція воздухъ въ клиническомъ зданіи, то, конечно, особенно въ зимнее время трудно будетъ достигнуть и хорошаго чистаго воздуха въ палатахъ, особенно съ чахоточными больными.

Керосиновое освѣщеніе желательно во всей клиникѣ замѣнить газовымъ, какъ въ видахъ большей безопасности, такъ и съ гигиенической цѣлью.

Въ ванномъ зданіи необходимо устроить душъ. Желательно конечно при ванной комнатѣ имѣть спеціальную прислугу.

Далѣо необходимо позаботиться о преобразованіи и улучшеніи персонала сидѣлокъ. Лучше всего замѣнить ихъ сестрами милосердія, тѣмъ болѣе, что и плата первымъ весьма порядочная въ сравненіи съ ихъ полной неподготовленностью къ уходу за больными. Во всякомъ случаѣ одну сестру милосердія, если нельзя замѣнить всѣхъ, необходимо имѣть въ клиникѣ для надзора за дѣятельностью сидѣлокъ, за выполненіемъ ими назначеній, дѣлаемыхъ врачами, за порядкомъ и чистотой въ палатахъ и т. д., и т. д. Для разнаго отдѣленія необходимо, конечно, имѣть отдѣльную и наиболѣе свѣдущую сидѣлку.

Мы потому обращаемъ особенное вниманіе на этотъ существенный недостатокъ со стороны неподготовленности служебнаго персонала къ уходу за больными, что слишкомъ хорошо сознаемъ, какую громадную роль играетъ послѣдній, какъ въ поддержаніи больничнаго зданія въ хорошихъ гигиеническихъ условіяхъ, такъ и въ успѣхѣ самого леченія, находящагося въ большой зависимости отъ разумнаго и толковаго выполненія предписаній врача. Понятно, что такого сознательнаго отношенія къ дѣлу нельзя ожидать отъ простыхъ, совершенно необразованныхъ сидѣлокъ, а только отъ прошедшихъ извѣстную школу и добровольно отдавшихъ такому тяжкому дѣлу, какъ уходъ за больными, сестеръ милосердія. Польза послѣднихъ въ отношеніи благотѣльнаго ухода за больными въ настоящее время несомнѣнна и засвидѣтельствована со всѣхъ сторонъ. Особенно же во время эпидеміи сестры милосердія составляютъ незамѣнимый персоналъ при уходѣ за заразными больными. Въ виду этого въ высшей степени желательно скорѣе осуществить это преобразование служебнаго персонала въ нашей клиникѣ. Не нужно забывать, что внѣшній порядокъ въ послѣдней даже невольно подмѣчается каждымъ посѣщающимъ ее; къ нему студентъ, будущій врачъ, незамѣтно привыкаетъ, съ нимъ сживается, и потому и въ дальнѣйшей самостоятельной своей дѣятельности онъ бу-

детъ проводить его такъ, какъ заимствовалъ его въ своей школѣ. Слѣдовательно и съ этой, воспитательной, стороны мы должны стремиться къ тому, чтобы клиника была дѣйствительно образцомъ гигиеническаго порядка и идеальнаго ухода за больными, что лучше всего достигается при помощи опытнаго и преданнаго своему дѣлу персонала т. е. ближайшимъ образомъ сестеръ милосердія, а отнюдь не фельдшерами и подобными имъ лицами.

Недостатокъ въ бѣльѣ особенно давалъ себя чувствовать въ первую половину академическаго года, когда приходилось пользоваться не только старымъ и ветхимъ бѣльемъ, но и нужно было сообразоваться при приѣмѣ новыхъ больныхъ съ имѣющимся наличнымъ запасомъ его. Въ виду этого ощущалось настоятельная необходимость пополнить это существенное упущеніе. Кромѣ того необходимо снабдить больныхъ халатами, роль которыхъ въ настоящее время замѣняютъ у мужчинъ и женщинъ короткія полотнянныя куртки или кофты. Неудобство послѣднихъ само собой понятно, но особенно рѣзко оно замѣчается у мужчинъ при выходѣ ихъ въ одинъ общій съ женскимъ отдѣленіемъ корридоръ.

Что касается продовольствія больныхъ, лежащихъ въ клиникѣ, то оно ведется трактирнымъ порядкомъ. Для этой цѣли при медицинской клиникѣ находится особый экономъ, который, по заключенному съ Правленіемъ Университета условію, обязанъ поставлять для больныхъ порціи по прилагаемой при семъ вѣдомости. (См. табл. а, б, в, г.)

О такомъ способѣ продовольствія больныхъ можно сказать, что онъ вполне достигаетъ своей цѣли; но неудобство его заключается въ томъ, что онъ не экономиченъ, особенно при недостаточности денежныхъ средствъ, какъ это и существуетъ въ нашей клиникѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ распоряженіи клиники находится штатныхъ суммъ 4000 рублей и этихъ денегъ не хватаетъ даже на одно

только прокормленіе больныхъ. Въ какомъ печальномъ положеніи находились денежныя суммы клиники, видно изъ того, что мы приняли клинику съ суммой долга болѣе 800 рублей. Понятно, что намъ при выборѣ матеріала для клиническаго преподаванія нельзя было не считаться съ этимъ обстоятельствомъ. Въ виду такой неэкономичности продовольствія больныхъ и желательнo замѣнить этотъ не выгодный способъ питанія на другой, болѣе подходящий. Этого не трудно, повидимому, достигнуть, судя по опыту психіатрической клиники, окружнаго госпиталя и лепрозоріи, гдѣ содержаніе больныхъ обходится не дороже 18—19 коп. съ человѣка при хозяйственномъ способѣ продовольствія, а не трактирномъ, какъ это совершается въ данное время въ нашей клиникѣ.

а) Порціонный листъ Медицинской клиники для больныхъ въ общихъ палатахъ.

Полная порція. Цѣна всей порціи 30 коп.

Завтракъ.

$\frac{1}{2}$ кружки крупы съ $\frac{1}{3}$ кр. молока или, по требованію врача, $\frac{1}{2}$ кр. молока (варенаго или сыраго). — $\frac{1}{2}$ селедки съ картофелемъ, $\frac{1}{4}$ кр. густой каши съ масломъ; $\frac{1}{2}$ кр. овсянки.

Обѣдъ.

$\frac{3}{4}$ кружки мясного супа съ разной овощью (попеременно) съ $\frac{1}{2}$ ф. мяса (въ сыромъ видѣ). По требованію врача $\frac{3}{4}$ кр. молочной пищи, сообразуясь съ временемъ года. — $\frac{1}{2}$ кружки густой каши съ масломъ.

Ужинъ.

$\frac{3}{4}$ кружки гречн. супа съ $\frac{1}{3}$ кр. молока, или по желанію $\frac{1}{2}$ кр. картофеля съ 2 лотами масла; $\frac{3}{8}$ кр. густой каши съ масломъ (1 лоть); $\frac{3}{4}$ кр. простокваши, или другое, соотвѣтствующее времени года, молочное блюдо.

Примѣчаніе. Кромѣ того 2 фунта черного хлѣба на день или пеклеваннаго хлѣба на 5 коп.

**б) Экстраординарные порціи для тѣхъ - же
больныхъ.**

<p align="center">I.</p> <p>Мясныя или рыбныя блюда, супы, бульоны и т. д.</p>	<p>1) Уха постная съ овощами или уха скоромная $\frac{3}{4}$ кружки (по рыночной цѣнѣ). — 2) Бульонъ процѣженный съ овощами $\frac{1}{2}$ кр. (14 коп.). Обыкновенный супъ съ крупой не процѣженный (10 коп.). — 3) Всѣ сорта телятины, жаркого, баранины безъ всякихъ приправъ — 1 фунтъ въ сыромъ видѣ (20 коп.). — 4) Холодное жаркое изъ воловьего мяса, телятины, курицы, поросенка, солонины и т. д., взвѣшенное въ приготовленномъ видѣ (1 фунтъ 20 коп.).</p>
<p align="center">II.</p> <p>Молочныя и мучныя блюда.</p>	<p>1) Обыкновенная ячменная, пшеничная или манная крупа, густо сваренная съ масломъ (какъ постное блюдо) $\frac{1}{2}$ кружки 12 коп., то-же блюдо съ молокомъ безъ приправъ $\frac{1}{2}$ кр. 10 к. — Густая молочная рисовая каша безъ приправъ и безъ сахару $\frac{1}{2}$ кр. 12 коп. — 3) Обыкновен. кисель съ молокомъ $\frac{1}{2}$ кр. 10 к. — 4) Обыкновен. молочный супъ съ различной крупой безъ сахару 8 к. — 5) Обыкновен. овсянка, процѣженная безъ сливъ $\frac{1}{2}$ кр. 8 к. — 6) Обыкновен. молочный рисовой отваръ безъ сахару $\frac{1}{2}$ кр. 10 к. — 7) Обыкновен. молочный манный супъ $\frac{1}{2}$ кр. 8 коп. — 8) $\frac{1}{2}$ кружки варен. картофеля съ селедкой или 2 лотами масла 7 к.</p>
<p align="center">III.</p> <p>Блюда изъ ово- щей или фрук- товъ.</p>	<p>1) Обыкновенный супъ изъ фруктовъ или фруктов. соку съ крахмаломъ и съ сахаромъ $\frac{1}{2}$ кр. 8 коп. — Обыкновенный кисель изъ фруктового соку съ крахмаломъ и сахаромъ $\frac{1}{2}$ кр. 8 коп.</p>

Примѣчаніе. 1) Жарен. курица по рыночной цѣнѣ.
2) Копчен. ветчина, варен. безъ костей 40 коп. за 1 ф.

в) Порціонный листъ Медицинской клиники для больныхъ изъ гонораціоннаго отдѣленія.

Полная порція. Цѣна всей порціи 48 коп.

Завтракъ.

1 чашка или стаканъ кофе или чаю съ сахаромъ съ бѣлымъ хлѣбомъ на 2 коп.; по желанію $\frac{1}{2}$ кр. парного молока съ тѣмъ-же количествомъ бѣл. хлѣба.

Обѣдъ.

$\frac{3}{4}$ кружки крѣпкаго бульона съ овощами, или по желанію врача, $\frac{3}{4}$ кр. молочнаго, рисоваго или другаго супа съ корицей и сахаромъ. — $\frac{1}{2}$ кр. густой рисовой каши съ корицей и сахаромъ; кромѣ того $\frac{1}{2}$ фунта жаркаго съ овощами и салатомъ.

Ужинъ.

1 большая чашка или стаканъ чаю съ сахаромъ и молокомъ; по желанію $\frac{1}{2}$ кр. парного молока или простокваши; кромѣ того 8 лотовъ холоднаго жаркаго или солонины и т. д.; 2 лота масла и на 2 коп. бѣл. хлѣба или, по желанію, съ кислосладкимъ хлѣбомъ.

Примѣчаніе. Къ обѣду $\frac{1}{2}$ фунта кислосладкаго хлѣба.

г) Экстраординарныя порціи для больныхъ изъ гонорац. отдѣленія.

1.
Мясныя или
рыбныя блюда;
супы, бульоны
и т. д.

1) Рыбный супъ съ овощами (какъ постное блюдо), $\frac{1}{2}$ кр. со сметаной и масломъ по рыночной цѣнѣ. — 2) Бульонъ изъ воловьего мяса съ овощами — процеженный $\frac{1}{2}$ кр. 14 к. Супъ съ овощами и рисомъ не процеженный $\frac{1}{2}$ кр. 12 коп. — 3) Различнаго рода жаркое изъ телятины и воловьего мяса съ картофелемъ или друг. овощами съ салатомъ 1 ф. (въ сыромъ видѣ взвѣшенный) 24 к. — 4) Биштексъ-филе съ приправой 1 ф. въ сыромъ видѣ 32 коп. — 5) Котлеты 1 ф. въ сыромъ видѣ съ приправой

	28 коп. 6) Курица съ приправой и салатомъ по рыночной цѣнѣ. — 7) Холодное жаркое изъ воловьего мяса и телятины, студень, поросенокъ и т. д., взвѣшенный въ приготовленномъ видѣ 1 ф. — 30 коп.
II. Молочныя и мучныя блюда.	Густая ячменная или пшеничная каша съ корицей, сахаромъ и масломъ (постное) $\frac{1}{2}$ кр. 12 коп. Таже каша съ молокомъ и масломъ $\frac{1}{2}$ кр. 12 коп. — 2) Густая рисовая каша съ корицей и сахаромъ съ постнымъ масломъ $\frac{1}{2}$ кр. 18 коп. Таже каша, варенная съ молокомъ, масломъ и сметаной $\frac{1}{2}$ кр. 18 коп. — 3) Пудингъ со сливками и сахаромъ $\frac{1}{2}$ кр. 24 коп. — 4) Рисовый молочный отваръ съ сахаромъ и корицей $\frac{1}{2}$ кр. 12 коп. — 5) Манный молочный отваръ съ сахаромъ и корицей $\frac{1}{2}$ кр. 12 коп. — 6) Овсянка съ 8 сливами. — 7) Различныя пирожныя по заказу 4 штуки съ сахаромъ или сокомъ 12 коп.
III. Блюда изъ овощей или фруктовъ.	1) Густой компотъ изъ фруктовъ $\frac{1}{2}$ кр. 24 коп. — 2) Супъ изъ фруктовъ безъ крахмала $\frac{1}{2}$ кр. 12 коп. — 3) Красный фруктовый кисель изъ фруктоваго сока со сливками и сахаромъ $\frac{1}{2}$ кр. 12 коп.
IV. Напитки.	1) 1 порція кофе: 2 стак. со сливками и сахаромъ 16 коп. — 2) Порція чаю 14 коп.

№ 1.

Я н ъ В е й с к о п ъ, 32 л., садовникъ, поступилъ въ клинику 29/IX 92 со слѣдующими жалобами: мучительныя боли во всей грудной клѣткѣ, особенно-же въ ея нижнихъ частяхъ и въ мускулахъ спины; сильный кашель съ весьма обильнымъ выдѣленіемъ гнойной мокроты и одышка. Всѣ эти болѣзненные симптомы появились 25/IX 92 послѣ того, какъ больной проспалъ ночь на сырой землѣ.

Больной, мать котораго умерла отъ грудной болѣзни, перенесъ въ молодости оспу и желтуху. 2 года тому назадъ паціентъ сталъ кашлять, 1½-же года тому назадъ при работѣ въ оранжереѣ почувствовалъ вдругъ сильную боль въ правой сторонѣ груди, къ каковой боли присоединились припадки кашля съ обильнымъ выдѣленіемъ мокроты. — Немного оправившись, паціентъ не былъ уже въ состояніи болѣе работать вслѣдствіе упадка силъ. — Кашель все продолжался и, проспавъ ночь на 25/IX 92 на сырой землѣ, В. проснулся съ сильными болями въ области грудной клѣтки.

При объективномъ изслѣдованіи обращало на себя вниманіе сгорбленное положеніе, сохраняемое паціентомъ даже ночью, засимъ одышка и ціанозъ лица. По временамъ наступали припадки кашля съ выдѣленіемъ жидко-гнойной мокроты; насколько обильно было это выдѣленіе, видно изъ

того, что въ ночь на 16/X 92 пацієнтъ въ 1¹/₂ часа выдѣлялъ около 400 сѣсм. мокроты безъ зловонія, въ которой при стояніи возможно было различить три слоя.

Грудная клѣтка симметрична, мало подвижна и сильно болѣзненна при дотрагиваніи, особенно мышцъ. Послѣ принятія Antipyurin'a мышечныя боли исчезли и осталась повышенная чувствительность въ межреберья въ области прикрѣпленія діафрагмы. — Легкія расширены, края ихъ не подвижны; при перкуссіи незначительное пристушленіе въ нижней части правой половины грудной клѣтки; дыханіе везикулярное и ослабленное. Иногда замѣчался подъ нижнимъ краемъ правой лопатки бронхіальный выдохъ. Кромѣ того по всему легкому слышны хрипы.

Сердце нормально, не смѣщено; печень не увеличена, но стоитъ ниже нормального. Селезенка не прощупывается. Незначительный гастритъ. Моча нормальна. Туберкулезныхъ бациллъ и эластическихъ волоконъ не было, но замѣчались стафилококки.

Теченіе болѣзни. До 14/X 92 особыхъ измѣненій не было замѣтно, 14-го же замѣчалась спазматическая подвижность діафрагмы; у больного наступилъ сильный упадокъ силъ. Одышка и ціанозъ сильно увеличились.

16/X 92 пацієнтъ былъ иереведенъ въ хирургическую клинику, гдѣ ему былъ сдѣланъ цѣлый рядъ пробныхъ пунцій, которыя, также, какъ и въ терапевтической клиникѣ, не дали никакого положительнаго результата; тѣмъ не менѣе было приступлено къ резекціи 3 реберъ, послѣ чего гнойнаго гнѣзда все-таки не нашли.

4 дня послѣ операціи пацієнтъ умеръ и у него при вскрытіи оказался правосторонній Pyo-pneumothorax, ограниченный плевроальными сращениями, сидѣвшій надъ діафрагмой и, отчасти, простирался вдоль задней стѣнки грудной клѣтки около позвоночника до 6—7 ребра.

№ 2.

Случай истерическихъ припадковъ вслѣдствіе заболѣванія носовой полости д-ра В. Герлаха.

21-го Августа 1892 г. въ Дерптскую медицинскую клинику поступилъ 14-лѣтній мальчикъ съ жалобами на своеобразные припадки удушья, начавшіеся съ 21-го Іюня 1892 г., на частое сердцебіеніе, на боли въ области сердца и въ лѣвомъ яичкѣ.

Изъ разспроса выяснилось, что пациентъ жилъ въ сырой квартирѣ, спалъ 6—7 часовъ въ сутки, при 12 часовой умственной работѣ, мало выходилъ на свѣжій воздухъ, а проводилъ время или дома, или въ училищѣ. Частые припадки удушья, связанные съ болями въ области сердца и сердцебіеніемъ, общая раздражительность, пугливость и ненормальное положеніе лѣваго яичка. Кромѣ того жалобы на носовую полость, правый проходъ которой былъ заложенъ.

При объективномъ изслѣдованіи были обнаружены: незначительная блѣдность, слабое, отсталое тѣлесное развитіе съ аномальностью половыхъ органовъ, конъюнктивитъ, здѣсь и тамъ свистящіе хрипы и жесткое дыханіе въ легкихъ. Со стороны сердца легкое расширеніе, слабый, не постоянный систолическій шумъ у верхушки и сердцебіеніе. Что касается припадковъ, то они появлялись слѣдующимъ образомъ: сначала нѣсколько судорожныхъ глубокихъ вдыханій, при чемъ выдохъ, слѣдующій сейчасъ-же послѣ глубокаго вдыханія, очень малъ, вслѣдствіе чего грудная клѣтка достигаетъ сильнаго растяженія, и дальнѣйшее снабженіе организма свѣжимъ воздухомъ при помощи инспираціонныхъ движеній становится невозможнымъ. Засимъ пациентъ киваетъ при всякомъ слабомъ выдохѣ головой, присоединяя къ этому странные, какъ-бы сразу пересѣченные звуки, проходящіе, главнымъ образомъ, черезъ носъ.

Суммируя всѣ полученныя данныя, и исключивъ „asthma

bronchiale“ въ виду отсутствія бронхитическихъ явленій, діагнозъ истеріи казался болѣе всего доказаннымъ. Терапія, назначенная въ данномъ случаѣ противъ истеріи не привела ни къ какому результату до 8/X 92, когда мною было обращено вниманіе на носовую полость паціента и болѣе точно установлена діагностика у даннаго больного. Зная изъ литературы и изъ своего собственнаго опыта, что заболѣванія носовой полости чрезвычайно часто поражаютъ массу всевозможныхъ нервныхъ разстройствъ, особенно со стороны органовъ дыханія и кровообращенія, я поставилъ въ связь вышеозначенные припадки у больного, именно, съ заболѣваніемъ носовой полости и назначилъ соотвѣтствующую терапію, заключающуюся въ гальванокаустическомъ прижиганіи правой нижней раковины и промываніи носа 2 % растворомъ поваренной соли.

Съ 15/X по 3/XI припадки болѣе не появлялись и больной, чувствуя себя хорошо, былъ послѣ демонстраціи на лекціи выпущенъ изъ клиники.

Съ излѣченіемъ основнаго страданія, сердечныя явленія у такого рода больныхъ совершенно проходятъ, поразительнымъ примѣромъ чего можетъ служить случай ложной жабы съ припадками нервныхъ сердцебіеній, описанный моимъ бывшимъ ассистентомъ при эссентукской амбулаторіи д-ромъ Берберовымъ (Медицина, 1890 г., стр. 215). Описанный случай имѣетъ большой интересъ, такъ-какъ онъ насколько извѣстно изъ литературы, первый клинически дѣйствительно убѣдительный, съ положительностью доказывающій, что заболѣваніе носовой полости въ состояніи вызвать истерію, что, конечно, имѣетъ большое значеніе для леченія этой болѣзни.

№ 3.

Случай подвижной увеличенной селезенки. Олигохроміа и полезное дѣйствіе при ней Haemogallol'a Ko-bert'a А. Б. Бидлига.

13-го октября 1892 г. была принята въ Дерптскую Медицинскую клинику пациентка, Ц. Х., 25 лѣтъ, съ жалобами: на боли въ подложечной области, опухоль въ лѣвомъ подреберьи и частые поносы.

Изъ добытыхъ данныхъ при разспросѣ, равно и при объективномъ изслѣдованіи видно, что Х. болѣла на 6-мъ году корью и до выхода за мужъ пользовалась полнымъ здоровьемъ. Послѣ замужества на 19-мъ году 4 раза рожала и изъ нихъ 2 раза преждевременно, причемъ послѣдніе преждевременные роды сопровождались желтухой.

Тотчасъ послѣ родовъ животъ пациентки вздулся и съ тѣхъ поръ у нея появляются боли подъ ложечкой и въ области пупка. Въ лѣвой половинѣ живота большая болѣзненная опухоль; флуктуаціи въ животѣ нѣтъ. Боли подъ ложечкой и чувство давленія въ области желудка по принятіи пищи. Печень ясно прощупывается, одышка и сильная усталость при ходьбѣ. Retroflexio uteri съ отсутствіемъ менструацій въ теченіи послѣднихъ 10 мѣс., частые поносы. Процентное содержаніе гемоглобина въ крови уменьшено. Прощупывавшееся въ лѣвой половинѣ живота тѣло, съ появленіемъ котораго больная связываетъ начало всѣхъ своихъ болѣзненныхъ симптомовъ, казалось выходящимъ изъ подъ лѣваго подреберья. Произведеннымъ гинекологическимъ изслѣдованіемъ кромѣ незначительной retroflexio uteri никакого другого измѣненія или сращенія съ сосѣдними органами въ половомъ аппаратѣ не оказалось. Засимъ авторъ, исключивъ возможность принадлежности опухоли къ почкѣ, или существованія простой подвижной почки, противъ чего говорили и форма и величина даннаго тѣла, нормальный составъ мочи и присутствіе вырѣзки на верхнемъ краѣ опухоли, остано-

вился на мысли принять вышеупомянутое постороннее тѣло за подвижную увеличенную селезенку. Въ пользу этого предположенія говорятъ: своеобразная форма опухоли, найденная *incisura* въ верхнемъ краѣ, отсутствіе селезеночной тупости при перкуссіи, далѣе плотная консистенція и уменьшеніе опухоли съ появленіемъ регулъ и подъ вліяніемъ электризаціи.

Въ виду нормальнаго отношенія бѣлыхъ и красныхъ шариковъ (1 : 760—800) была исключена въ данномъ случаѣ и лейкѣмическая селезенка; равнымъ образомъ вслѣдствіи общаго удовлетворительнаго состоянія больной исключалась возможность злокачественной опухоли. Этіологія съ своей стороны говорила противъ маляріи или сифилитической селезенки. Въ виду всего вышесказаннаго можно было разсматривать настоящее увеличеніе селезенки, какъ результатъ ея гипертрофіи. Кромѣ того существовалъ ясно выраженный желудочно-кишечный катарръ и гиперемія во всѣхъ органахъ брюшной полости, что констатировалось отсутствіемъ регулъ, съ появленіемъ которыхъ послѣдовало уменьшеніе печени и селезенки.

Въ виду рѣзко выраженной анеміи было показаніе къ назначенію желѣза, съ предварительной терапіей желудочно-кишечнаго канала и желчныхъ путей. Такимъ образомъ леченіе заключалось въ діетѣ, каломелѣ и фарадизаціи.

Вслѣдствіе же уменьшенія гемоглобина въ крови былъ предложенъ Наемогаллол Кобертъа по 0,3 gr. — 3 раза въ день.

По принятіи этого препарата съ 7/XI по 18/XI количество красн. кров. тѣлецъ увеличилось съ 4,300,000 на 4,800,000 въ куб. мм. крови.

При выпискѣ же больной изъ клиники ей было предложено удалить опухоль оперативнымъ путемъ, что оправдывалось вѣскими данными литературы, изъ которой видны хорошие результаты удаленія простой гипертроф. селезенки.

№ 4.

Къ вопросу о саркоматозномъ заболѣваніи надпочечныхъ железъ въ клиническомъ отношеніи
С. К. Ша р а го.

22-го августа 1892 г. въ Дерптскую медицинскую клинику поступилъ пациентъ, М. Шапиро, 22 лѣтъ, съ субъективными жалобами на чувство тяжести въ животѣ, на присутствіе опухоли въ верхней части брюшной полости, на колющіе боли въ поясницѣ и въ области hypochondrium съ правой стороны, а также на ощущеніе холода въ правомъ боку и на уменьшеніе аппетита. — Изъ разспроса выяснилось слѣдующее: чувство тяжести и присутствіе опухоли въ верхней части брюшной полости, колющіе боли, иногда ноющего характера въ поясницѣ съ правой стороны и въ правомъ боку, распространяющіяся вдоль позвоночника и отдающія въ правое плечо. Заболѣваніе, повидимому, началось около 2 лѣтъ тому назадъ, а, возможно, и раньше. Уменьшеніе аппетита за послѣднее время, сухость слизистой оболочки во рту, изрѣдка тошнота, умѣренные запоры, иногда поносы, припадки головокруженія и сердцебиенія при испражненіи; одышка при ходьбѣ; незначительный кашель съ выдѣленіемъ мокроты слизистаго характера, безпокойный сонъ при боляхъ и даже бессонница, когда разыгрываются сильные припадки болей; головокруженіе при нагибаніяхъ и вставаніи; небольшой упадокъ физической силы.

При объективномъ изслѣдованіи найдено: рѣзко выраженное увеличеніе живота, 91,5 на высотѣ пупка, striae кожи и просвѣчиваніе переполненныхъ венъ на передней стѣнкѣ живота, расширенія нижняго отверстія грудной клѣтки, смѣщеніе вверхъ діафрагмы, присутствіе съ правой стороны на мѣстѣ печени новообразованія, выполняющаго брюшную полость въ верхней части и спускающагося отъ реберныхъ дугъ внизъ на 11 см. по акс. л., на 15 по мамил. л. и на 4 см. ниже пупка, уменьшающагося по направ-

влению къ лѣвому hypochondrium; поверхность новообразования гладкая съ выпуклостью въ дѣтскую головку на правой стороне; при ощупываніи нельзя обнаружить границы между опухолью и печенью, а, напротивъ, опухоль вполне сливалась съ печенью, такъ-что форма новообразования представляетъ форму сильно увеличенной печени съ выпуклостью впередъ. Нижній край печени казался мягкимъ, гладкимъ съ двумя вырѣзками: одна — вправо отъ пупка, другая — у лѣваго подреберья. Консистенція опухоли плотноватая, подвижная при дыханіи, флюктуаци и болѣзненности при надавливаніи нѣтъ; едва замѣтное смѣщеніе сердечнаго толчка на лѣво, праваго легкаго нѣсколько вверхъ, жесткое дыханіе на нѣкоторыхъ мѣстахъ, учащенный пульсъ и слегка учащенное дыханіе. — На основаніи данныхъ изслѣдованія предположенъ былъ tumor hepatis.

7-го Октября, со вступленіемъ въ завѣдываніе клиникой, я остановился на изслѣдованіи этого больного и сдѣлалъ слѣдующее заключеніе: Въ виду отсутствія данныхъ въ анамнезѣ и объективномъ изслѣдованіи были исключены: малярійная печень, амилоидная, гипертрофическій циррозъ и абсцессъ. Раковое заболѣваніе было исключено на основаніи возраста больного, хорошаго общаго состоянія, формы опухоли, отсутствія узловъ и полной безболѣзненности органа, а также крайней рѣдкости первичнаго рака въ печени и отсутствія измѣненій въ лимфатическихъ железахъ.

Противъ сифилиса печени говорили: этиологія, форма опухоли, отсутствіе рубцовъ на кожѣ и т. д. — Оставалось предполагать эхинококкъ печени, аденому или саркому. Но противъ перваго говорила пробная пункция, не давшая ничего характернаго для эхинококковой кисты; противъ саркомы говорило отсутствіе метастазовъ въ другихъ органахъ и общее удовлетворительное состояніе больного. Въ виду вышеизложеннаго я высказалъ предположеніе, что пациентъ страдаетъ аденомой печени, что казалось вполне со-

гласнымъ съ годами паціента и находило себѣ подтвержденіе въ образованіи на опухоли отдѣльныхъ отростковъ въ формѣ яблока, что, по мнѣнію Эйхгорста, является характернымъ для аденоматознаго новообразованія. Окончательный клиническій діагнозъ въ виду данныхъ пункции былъ поставленъ: *tumor cysticus hepatis (Echinococcus)*.

9/XII послѣдовалъ *exitus letalis*. Произведенная аутопсія показала, что на мѣстѣ правой надпочечной железы находилась большая опухоль, выходившая отъ правой почки по направленію вверхъ и впередъ по медіанной линіи и такъ плотно сросшена съ печенью, что границы между опухолью и печенью не было, тѣмъ болѣе что сверху и опухоль и печень прикрыты были одной общей воспалительной перепонкой. По гистологическому характеру ткани новообразованія становится несомнѣннымъ, что имѣемъ дѣло съ саркомой, первоначальнымъ мѣстомъ развитія которой служила правая надпочечная железа.

Резюмируя клиническую картину саркомы надпочечной железы по описанному случаю, я указалъ на тѣ явленія, на которыя слѣдуетъ обращать вниманіе при постановкѣ діагноза саркомы надпочечной железы:

1) Печень оттѣснена была впередъ, влѣво и внизъ; верхняя поверхность перешла въ переднюю, а *incisura hepatis* оттѣснялась влѣво отъ пупка. Печень сохраняетъ свою нормальную плотность и совершенно безболѣзненна. Опухоль напротивъ принимаетъ нерезистентную, твердую консистенцію.

2) Діафрагма отодвигается вверхъ, такъ-что подвижность ея ограничивается.

3) Не смотря на свое положеніе надъ почкой, саркома надпочечной железы не измѣнила нормальнаго положенія почки, а только, придавивъ ее, сплющила въ верхней части.

4) Саркома обусловила сильное выпираніе праваго „*hypochondrium*“.

5) Не смотря на свой объемъ и метастазы въ легкія, саркома можетъ не вызвать упадка питанія.

№ 5.

Случай подвижной сильно увеличенной селезенки съ лейкоцитозомъ А. Б. Биллига.

6/X 1892 г. поступила въ Дерптскую медицинскую клинику Л. В., 47 лѣтъ, съ жалобами: на боли въ животѣ, продолжающіяся у нея 1½ года, на опухоль въ лѣвомъ подреберьи, на болѣзненность въ правой половинѣ груди и на поносы. — Изъ данныхъ разспроса и объективнаго изслѣдованія было установлено, что пациентка въ дѣтствѣ перенесла оспу, на 20 году хворала въ теченіе семи недѣль тифомъ, послѣ чего совершенно оправилась и чувствовала себя до 40 лѣтъ здоровой, къ каковому времени и появляются боли въ брюшной полости, рвоты и лихорадочное состояніе. Въ 1891 г. больная замѣтила въ лѣвомъ подреберьи незначительную опухоль, всё больше и больше увеличивавшуюся и ко времени поступленія въ клинику занимавшую больше половины живота. Опухоль безболѣзненная, животъ вздутъ, флюктуации нѣтъ. Менструаціи со времени заболѣванія прекратились. Количество красныхъ кровяныхъ тѣлецъ значительно уменьшено, число бѣлыхъ, напротивъ, увеличено. Процентное-же отношеніе гемоглобина рѣзко уменьшено. — Въ виду возможности предположенія, что вышеуказанная опухоль есть новообразованіе одного изъ придатковъ половыхъ органовъ, было предпринято гинекологическое изслѣдованіе послѣднихъ, не давшее ничего патологическаго. Засимъ въ виду значительной величины опухоли, вполне нормальной мочи и данныхъ пробной пункции, авторъ исключилъ возможность существованія простой подвижной почки или гидронефроза; раковое заболѣваніе не могло быть предположено вслѣдствіе общаго удовлетворительнаго питанія, гладкой поверхности опухоли и подвижности послѣдней.

Принимая же во внимание вырѣзку въ верхнемъ краѣ опухоли, извлеченную кровь при пункции, отсутствіе селезеночной тупости, плотность и форму опухоли, была въ данномъ случаѣ предположена сильно увеличенная селезенка, каковое обстоятельство можетъ быть объяснено долго державшейся у пациентки маляріей и отсутствіемъ менструаций. Диспептическія явленія были вызваны у больной, по мнѣнію автора, тяжестью и давленіемъ селезенки — рефлекторно. — Такъ-какъ клиническія наблюденія дали отношеніе красныхъ кровяныхъ шариковъ къ бѣлымъ, какъ 109 : 1, то можно было думать о лейкоцитозѣ, но не о лейкоміи, при которой отношеніе бываетъ 50 : 1, а чаще всего 20 : 1.

Переходя къ терапіи, пациенткѣ было назначено усиленное питаніе и хининъ, послѣ чего самочувствіе значительно улучшилось.

3/XI 92 г. В. выписали изъ клиники съ совѣтомъ, въ случаѣ повторенія болей, прибѣгнуть къ оперативной помощи.

№ 6.

Къ упрощенію способа количественнаго опредѣленія мочевоы кислоты по Haykraft'у В. В. С м и д о в и ч а.

Предлагаемое авторомъ упрощеніе способа Haykraft'a, дающее возможность производить опредѣленіе въ 30—40 мин., состоитъ въ примѣненіи центробѣжной машины, которая даетъ возможность выдѣлить осадокъ мочекислаго серебра весьма быстро. Поступаютъ слѣдующимъ образомъ : въ пробирку, вмѣстимостью въ 60 к. с., наливаютъ 25 к. с. изслѣдуемой мочи, 16 к. с. насыщеннаго раствора двууглекислаго натра — (что авторъ рѣшительно предпочитаетъ всыпанію двууглекислаго натрія въ порошокъ, — какъ совѣтуетъ Haykraft) 3 к. с. liqu. amm. caust. duppl. и 2—3 к. с. амміачнаго раствора серебра. Осадокъ долженъ быть студенистый, полупрозрачный ; мучнистый бѣлый оса-

докъ указываетъ на присутствіе хлористаго или фосфорно-кислаго серебра; для растворенія его надо осторожно прибавлять амміакъ. Затѣмъ пробирку наполняютъ до верху водой и помѣщаютъ въ центробѣжную машину. Черезъ 3—4 мин. все мочекислое серебро осѣдаетъ на дно, и жидкость надъ осадкомъ дѣлается прозрачной. Последнюю осторожно снимаютъ пипеткой и помѣщаютъ на фильтръ. Осадокъ въ пробиркѣ размѣшиваютъ стеклянной палочкой съ дистил. водой, еще разъ подвергаютъ дѣйствію центроб. силы, а затѣмъ повторяютъ весь процессъ въ 3-ій разъ. Машину нужно каждый разъ вращать до тѣхъ поръ, пока осадокъ не отстоится вполне, и жидкость не станетъ совершенно прозрачной. Фильтръ нужно каждый разъ промывать дистил. водой. Послѣ 3-го центрофугированія жидкость даетъ фильтратъ, который не образуетъ осадка ни съ соляной кислотой, ни съ кислымъ растворомъ азотнокислаго серебра.

Далѣе поступаютъ обычнымъ образомъ, т. е. растворяютъ осадокъ въ 20 к. с. 30 % раствора чистой азотной кислоты, и вливаютъ содержимое пробирки въ фильтръ; пробирку и фильтръ промываютъ аq. destil. и азотной кислотой и въ фильтратѣ серебро титруютъ роданистымъ аммоніемъ по Volhard'у. Результаты получаютъ тѣ-же, что и съ обыкновеннымъ способомъ Naukraft'a.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ната въ царствованіе Екатерины I и рассмотримъ тѣ бли-
жайшія причины, коими объясняется его паденіе для дан-
ной эпохи.

Остановимся сначала на тѣхъ оффиціальныхъ,
а затѣмъ и частныхъ объясненіяхъ, какія давались са-
мыми современниками событій и разберемъ, хотя кратко, ихъ
основанія.

Именной указъ 8 февраля 1726 г., коимъ учреждался
В. Т. Совѣтъ, довольно подробно мотивируетъ причину со-
зданія новаго учрежденія (VII, № 4830). Именно, здѣсь
прежде всего напоминаетъ, что Петръ въ 1711 г. „для
своихъ частыхъ тогда военныхъ походовъ и отлучекъ
изволилъ опредѣлить правительство Сената въ нѣсколькихъ
персонахъ“. Первоначально это „собраніе“ Сената состояло,
„кромѣ тайныхъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ и тайныхъ
совѣтниковъ, изъ другихъ знатнѣйшихъ и по-
вѣренныхъ персонъ, которыя, кромѣ правленія го-
сударственныхъ внутреннихъ дѣлъ, никакого другаго
дѣла не имѣли и всегда были при своемъ дѣлѣ неотлучно;
а тайные дѣйствительные совѣтники бывали тогда въ похо-
дахъ за Ею-же Величествомъ, а въ нынѣшнемъ се-
натскомъ собраніи почитай всѣ тайные
дѣйств. совѣтники“. Такимъ образомъ, указъ кон-
статируетъ вполне справедливо, что при Петрѣ В. былъ
опредѣленный составъ членовъ Сената, находившихся „при
своемъ дѣлѣ неотлучно“; между тѣмъ теперь Сенатъ почти
исключительно состоитъ изъ „тайныхъ д. совѣтниковъ“, ко-
торымъ нѣтъ возможности заниматься только сенатскими дѣ-
лами ³⁾. Причина этого, по объясненію указа, лежала въ

3) Въ 1722 г. Сенатъ состоялъ изъ 5-ти постоянныхъ членовъ,
кромѣ 4-хъ президентовъ коллегій; въ 1722 и 1723 г. вошли въ него кн.
Гр. Ѳ. и В. Л. Долгорукіе и нѣкоторые другіе. Историкъ петровскаго Се-
ната, обозрѣвая его составъ, приходитъ къ заключенію, что „до самой
кончины Петра большинство сенаторовъ состояло изъ тѣхъ-же лицъ, ко-
торыя были и въ 1718 г., когда Сенатъ составилъ изъ президентовъ

томъ, что имъ „и кромѣ сенатскаго правленія есть немалый трудъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: 1) что они часто имѣютъ, по должности своей, яко первые министры, тайные совѣты о политическихъ и другихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ; 2) изъ нихъ-же засѣдаютъ нѣкоторые президентами въ первыхъ коллегіяхъ, а именно въ 2-хъ военныхъ, въ сухопутной, да въ морской, и въ третьей — политической (т. е. иностранной), отчего въ первомъ и весьма нужномъ дѣлѣ — въ Тайномъ Совѣтѣ — немалое чинится помѣша-

коллегій („О Сенатѣ“, стр. 56 сл.; ср. 52 стр.). Послѣ указа 12 Ян. 1722 г. (VI, № 3877) на мѣсто оставленныхъ въ Сенатѣ бывшихъ президентовъ коллегій были назначены новые президенты (кромѣ вышеупомянутыхъ 4-хъ президентовъ). По „журналамъ и протоколамъ“ Пр. Сенатъ, передъ катастрофою 8 Февраля 1726 г., состоялъ изъ „тѣхъ тайныхъ дѣйств. совѣтниковъ“, кои вошли первоначально въ В. Т. Совѣтъ; изъ нихъ не попали туда лишь А. А. Матвѣевъ и гр. И. А. Мусинъ-Пушкинъ; кромѣ нихъ въ составѣ Сената мы находимъ еще А. И. Ушакова (генер.-майора) и гр. Д. Юсупова (тоже) — Арх. М. Ю., дѣла Сен., кн. 70/1951, л. 3 об., 1 Февр.; ib., л. 11, 7 Февр. и др. (имени Мусина-Пушкина мы здѣсь не находимъ, но изъ другихъ данныхъ извѣстно, что онъ былъ старѣйшимъ сенаторомъ и „тайн. дѣйств. совѣтникомъ“ — см., напр., „указатели къ I и II тому“ — Описи Сенат. Арх., стр. 838). Если къ этимъ 2-мъ именамъ „вторыхъ сенаторовъ“, т. е. къ именамъ Ушакова и Юсупова, прибавить д. ст. сов. И. И. Бутурлина, который, по нѣкоторымъ даннымъ, былъ назначенъ Екатериною I сенаторомъ еще до указа 8 Февр. 1726 г. (см. донесенія Кампредона, отъ 13 Февр. 1725 г., о назначеніи Ушакова и Бутурлина сенаторами — Сб. И. Общ., LVIII, стр. 1; ср. Описи Сенат. Арх., стр. 11) и тѣхъ немногихъ сенаторовъ, которые остались отъ петровскаго времени, то утвержденіе указа 8 Февр. 1726 г., что „въ нынѣшнемъ сенатскомъ собраніи почти всѣ тайные дѣйств. совѣтники“, окажется вѣрнымъ. Замѣтимъ кстати, что, хотя по Описи Сенат. Арх. (стр. 11, № 1639) Ушаковъ, Юсуповъ и Бутурлинъ назначены къ присутствію въ Сенатѣ лишь по именному указу 8 Февраля 1826 г., но, находя подписи первыхъ 2-хъ подъ протоколами Сената ранѣе этого и имѣя свидѣтельство Кампредона о назначеніи Бутурлина еще въ 1725 г. сенаторомъ, мы считаемъ возможнымъ перечислять ихъ въ составѣ Сената до учрежденія В. Т. Совѣта: указъ 8 Февраля 1826 г., данный генералъ-прокурору Ягужинскому, — повидимому, для названныхъ лицъ, — лишь повторяетъ ранѣе состоявшееся назначеніе.

тельство, да и въ Сенатѣ въ дѣлахъ продолженіе отъ того, что они за многодѣлствомъ не могутъ чинить вскорѣ резолюціи на государственныя внутреннія дѣла“. Указъ отмѣчаетъ фактъ, подтверждаемый и другими свѣдѣніями, что „первые министры“ того времени, — или „первые сенаторы“, какъ иначе называетъ ихъ тотъ-же указъ — еще ранѣ основанія В. Т. Совѣта составляли изъ себя „Тайные Совѣты“ и не сливались всецѣло и нераздѣльно съ остальнымъ составомъ Сената. Уже при Петрѣ В., эти „первые сенаторы“, обычно „тайные дѣйствительные совѣтники“, играли роль министровъ, стоявшихъ во главѣ особыхъ частей управленія, которыя, хотя и были построены коллегіально, однако, не могли мѣшать ихъ президентамъ играть роль личныхъ довѣренныхъ органовъ верховной власти, если не всегда *de jure*, то во всякомъ случаѣ *de facto*. Кто-же эти „первые сенаторы“ являвшіеся „первыми министрами“ эпохи? Это, прежде всего, конечно, кн. А. Д. Меншиковъ — президентъ Военной коллегіи и генералъ-фельдмаршалъ; гр. О. М. Апраксинъ — президентъ морской коллегіи и генералъ-адмиралъ; гр. Г. И. Головкинъ — иностранной и канцлеръ; баронъ А. И. Остерманъ — его товарищъ и вице-канцлеръ; наконецъ, гр. П. А. Толстой и кн. Д. М. Голицынъ — лица, въ разное время занимавшія важныя и отвѣтственныя должности министровъ, если не по названію, то по существу дѣла⁴⁾. Но, какъ извѣстно, именно эти „первые сенаторы“ и вошли первоначально въ составъ новообразованнаго В. Т. Совѣта. Это не значитъ, конечно, что всѣ министры этого времени явились членами новаго учрежденія — его составъ, какъ въ началѣ, такъ и позд-

---

4) О ихъ служебной дѣятельности см. тѣ-же указатели къ Описи Сенат. Арх., стр. 755 и 892.

нѣе, былъ результатомъ сложныхъ партійныхъ комбинацій, но этотъ составъ характеренъ для насъ потому, что онъ вскрываетъ одну въ высшей степени важную причину учрежденія В. Т. Совѣта — министры, прежде „первые сенаторы“, не должны входить въ составъ Сената, не должны составлять одной общей коллегіи со „вторыми“ сенаторами; наоборотъ, они должны быть свободны отъ заботъ по рѣшенію текущихъ обыденныхъ дѣлъ администраціи и, въ качествѣ лицъ, вѣдающихъ „политическія и другія важныя дѣла“ должны составлять свой особый „Тайный Совѣтъ“, какъ это *de facto* было и прежде, такъ что, въ сущности, В. Т. Совѣтъ, а затѣмъ и Кабинетъ, оформили *de jure* то, чтó ранѣе существовало какъ фактъ, въ видѣ „Тайныхъ Совѣтовъ“, главнымъ образомъ, по дѣламъ иностраннымъ и военнымъ.

Обратимъ, далѣе, вниманіе еще на одну черту новаго учрежденія, на которую нашли нужнымъ указать сами члены только-что образованнаго В. Т. Совѣта въ своемъ „мнѣніи не въ указъ“, поданномъ 16 Марта того-же 1726 г. Императрицѣ. Во второмъ пунктѣ этого „мнѣнія не въ указъ“, одобреннаго, однако, Екатериною, говорится слѣдующее: „понеже Ея Величество во ономъ Тайномъ Совѣтѣ первое президентство сама управляетъ . . . и того ради Т. Совѣтъ толь наименьше за особенное коллегіумъ, или инако почтенъ быть можетъ, понеже оной токмо Ея Величеству ко облегченію въ тяжкомъ Ея правительства бремени служить, всѣ дѣла скорѣе отправлены и рѣшены и болѣе, нежели отъ одного къ Ея Величества безопасности и государства приращенія разсужденіе имѣть то будетъ, дабы толь безопаснѣе высокимъ Ея именемъ указы выходили“ (С б. И. Общ., т. LV, стр. 93). Изъ этого указа видно, что В. Т. Совѣтъ (какъ впослѣдствіи и Кабинетъ) основывается съ цѣлію имѣть учрежденіе, стоящее въ непосредственномъ отношеніи къ верховной власти. Сенату стоять въ такомъ непосредственномъ отношеніи къ власти было труднѣе, какъ

вслѣдствіе его болѣе многочисленнаго и менѣе довѣреннаго состава, такъ и потому, что сенаторы имѣли свои особыя функціи по рѣшенію текущихъ, обыденныхъ дѣлъ законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ. Петрѣ В., понимая это, учредилъ должность генералъ-прокурора, назначеніемъ котораго, между прочимъ, являлось установленіе непосредственной связи Сената съ верховною властію. При Петрѣ В., — при томъ вниманіи которое онъ постоянно удѣлялъ дѣятельности Сената, — эта связь черезъ третье лицо была вполне достаточна; послѣ Петра В. оказалось неудобнымъ, — ввиду, преимущественно, личныхъ счетовъ партій, а частію и вслѣдствіе характера самихъ носителей верховной власти, — поручить представительство этой связи одному лицу, почему должность генерала-прокурора уничтожается фактически и знаменитый Ягужинскій получаетъ другое назначеніе. Что же касается другихъ сановниковъ, уже при Петрѣ В. и въ началѣ царствованія Екатерины I сносившихся, какъ министры, непосредственно съ верховною властію, то эти сношенія, не будучи организованными, вызывали на практикѣ, вѣроятно, большую путаницу въ дѣлахъ и являлись несогласованными одно съ другимъ. Поэтому, естественно, что какъ сама власть, такъ и министры, могли находить для себя болѣе удобнымъ созданіе „Совѣта“, — первая потому, что, при согласномъ дѣйствіи министровъ, „толь безопаснѣе (бы) высокимъ ея именемъ указы выходили“; вторые — потому, что этотъ „Совѣтъ“ могъ, съ одной стороны, снимать съ каждаго изъ нихъ извѣстную долю отвѣтственности за тѣ или другія рѣшенія, когда послѣднія исходили „болѣе нежели отъ одного“ члена, а съ другой — не мѣшалъ каждому, какъ увидимъ далѣе, проводить свои взгляды и интересы.

Нельзя не отмѣтить также, что члены В. Т. Совѣта настаиваютъ, что это учрежденіе „наименьше за особое коллегіумъ или иначе почтенъ будетъ“ — они не хо-

тять слиться въ одно коллегіальное учрежденіе, подобное Сенату, гдѣ каждый имѣеть de jure значеніе только какъ членъ учрежденія; они не хотятъ, собираясь въ „Совѣтъ“, потерять свое значеніе министровъ, т. е. лицъ, уполномоченныхъ на отвѣтственные личныя дѣйствія въ предѣлахъ ихъ компетенціи, обозначенной въ это время, впрочемъ, весьма неясно и неопредѣленно. Интересно замѣтить, что въ этомъ отношеніи В. Т. Совѣтъ нѣсколько напоминаетъ первоначальный „Комитетъ министровъ“, о которомъ еще Сперанскій замѣтилъ справедливо, что „сей комитетъ не былъ ни мѣсто, ни особое установленіе — онъ былъ только образъ доклада“⁵⁾ . . .

Приведенныя выше официальные мотивировки, относительно учрежденія В. Т. Совѣта, не могутъ, конечно, считаться полными; онѣ не вскрываютъ предъ нами ни той борьбы партій, ни тѣхъ интересовъ, какіе дѣйствовали тогда; но онѣ, какъ намъ кажется, обнаруживаютъ во всякомъ случаѣ довольно вѣрно тѣ основныя мотивы, кои повліяли, — если не исключительно, — то во всякомъ случаѣ въ весьма значительной долѣ, — на реализацію этой борьбы партій и интересовъ въ формѣ именно даннаго, а не инаго, учрежденія. Чтобы пополнить пробѣлы этихъ официальныхъ объясненій, обратимся къ другимъ извѣстіямъ эпохи.

Нами уже было выше отмѣчено, что идея учрежденія, поставленнаго надъ Сенатомъ, возникла еще въ царствованіе Петра В.; самыя слухи о возникновеніи В. Т. Совѣта также стали ходить въ обществѣ ранѣе появленія этого учрежденія на свѣтъ; то и другое, на нашъ взглядъ, служитъ нѣкоторымъ указаніемъ на то, что необходимость по-

---

5) См. „Журналы Комитета министровъ“. Т. I, СПб. 1888 г., стр. 1 сл. („историческаго очерка“).

добнаго учрежденія, по вышеуказаннымъ основаніямъ, чувствовалась уже давно. Какъ и слѣдовало ожидать, слухи эти стали ранѣе всего распространяться въ сферахъ наиболѣе близкихъ ко двору и тотчасъ-же передавались иностранными посланниками своему правительству. Характерно также, что иностранные агенты, различно передавая о составѣ новаго учрежденія, въ то-же время довольно согласно ⁶⁾ говорить о его сущности, что также указываетъ, что идея учрежденія была достаточно ясна для современниковъ, если не въ подробностяхъ, то въ своемъ основаніи. Передавая различно о составѣ будущаго учрежденія, тѣже агенты отражали этимъ ту борьбу партій, какая прежде всего, конечно, проявлялась въ вопросѣ, кто войдетъ и кто не войдетъ въ составъ новаго учрежденія. Такъ еще 1 Мая 1725 г. саксонскій посланникъ Лефортъ писалъ своему правительству: „поговариваютъ объ учрежденіи тайнаго совѣта („on parle d'établir un conseil du cabinet suprême“); онъ будетъ состоять изъ Царицы, герцога Голштинскаго, Меншикова, Шафирова и Макарова“ (Сб. И. Общ., III, стр. 409); французскій посланникъ Кампредонъ, говоря о сближеніи Меншикова съ Шафировымъ, въ донесеніи своемъ еще отъ 3 Мая, прибавляетъ, что „поговариваютъ уже, что онъ будетъ назначенъ членомъ Совѣта при Кабинетѣ Е. В. („on dit même, qu'il sera du conseil du cabinet“), который Государыня хочетъ учредить и въ который войдутъ кн. Меншиковъ, гр. Толстой, б. Шафировъ и каб.-секр. Макаровъ“ (ib, LVIII, стр. 247). Кампредонъ передаетъ далѣе слухъ, что В. Л. Долгорукій также будетъ членомъ этого совѣта, гдѣ станутъ рѣшаться самыя важныя дѣла и что Сенатъ и collegія иностранныхъ дѣлъ сдѣлаются лишь исполнителями того, что будетъ поста-

6 Собственно, какъ это видно изъ послѣдующаго, всѣ извѣстія разсматриваютъ новое учрежденіе либо какъ ограничивающее, либо какъ укрѣпляющее власть Императрицы.

новлено Совѣтомъ Кабинета“ (ib.). Въ донесеніи отъ 15 Янв. 1726 г., Кампредонъ опять повторяетъ слухъ о новомъ учрежденіи, хотя и нѣсколько въ другой формѣ: инициатива учрежденія, по его новому разсказу, исходитъ уже не отъ Государыни, а „отъ имянитѣйшихъ русскихъ людей“, которые „думаютъ о томъ, какъ бы ограничить деспотическую власть своей государыни. . . . Есть основаніе опасаться, что тѣ, которые разсчитываютъ забрать впослѣдствіи въ руки значительную долю власти, постараются учредить правленіе на подобіе англійскаго. . . Я даже слышалъ изъ вѣрнаго источника, что уже составленъ проектъ новой формы правленія и посланъ къ главнокомандующему кн. Голицыну въ Украину, откуда и послѣдуетъ, вѣроятно, первый ударъ“ (ib., LXIV, стр. 199 сл.). Въ позднѣйшемъ своемъ донесеніи отъ 23 Февраля того-же года, Кампредонъ, повторяя своей разсказъ о созданіи В. Т. Совѣта съ цѣлію ограниченія власти Императрицы⁷⁾, въ то-же время сообщаетъ нелишennыя для насъ интереса свѣдѣнія объ отношеніи новаго учрежденія къ Сенату. Онъ пишетъ: „я болѣе полгода тому назадъ сообщалъ Вамъ (гр. де - Морвиллю), что герцогъ Голштинскій и его министръ хлопочуть объ учрежденіи тайнаго Совѣта, который, завися вполне отъ царицы, далъ-бы государынѣ больше свободы въ рѣшеніяхъ. Теперь каждый вопросъ проходитъ черезъ сенатъ, состоящій изъ людей различныхъ мнѣній, которые дѣйствуютъ въ частныхъ видахъ своихъ и часто дѣлаютъ постановленія, несогласныя съ намѣреніями царицы, особенно въ отношеніи

---

7) „Имѣю честь сообщить Вамъ отчетъ о событіи тѣмъ болѣе важнымъ, что подъ видомъ желанія укрѣпить власть и правительство Царицы, оно, кажется, кладетъ новый камень того зданія, которое русскіе вельможи замыслили воздвигнуть незамѣтно, т. е. усиленіе ихъ власти и ихъ настоящаго и будущаго широкаго участія въ управленіи дѣлами здѣшней страны“ (ib., стр. 253).

пламеннаго желанія ея добиться удовлетворенія ея зятя. Исполненіе этихъ ея плановъ задерживается такимъ образомъ, да и другія дѣла, приходящіеся имъ не по вкусу, сенаторы умѣютъ тянуть подъ разными предлогами. Послѣ того я сообщалъ, что между русскими вельможами царствуютъ большіе раздоры ; что неумѣренная власть кн. Меншикова усиливаетъ броженіе ; что происходятъ тайныя сборища недовольныхъ и что, если дѣла пойдутъ такимъ порядкомъ, то здѣсь непременно долженъ произойти какой-нибудь переворотъ. Ловкій Толстой, судьба коего также, какъ и кн. Меншикова, зависитъ вполнѣ отъ положенія Царицы, счумѣлъ извлечь существенную выгоду изъ этихъ явственныхъ признаковъ движенія. Предложивъ учрежденіе верховнаго совѣта, председательницею коего должна быть царица, и совершенно равноправными членами — главные вельможи, онъ одновременно и укрѣпилъ власть своей государыни въ настоящемъ и нѣкоторымъ образомъ удовлетворилъ партіи. Ограничиваемая отнынѣ власть кн. Меншикова не станетъ болѣе возбуждать справедливой зависти, т. к. ему нельзя уже будетъ ничего рѣшать иначе, какъ съ единогласнаго согласія всего совѣта, который, подъ именемъ Царицы сдѣлается, въ сущности, истиннымъ господиномъ положенія. Вотъ къ чему привели, наконецъ, тайныя совѣщанія Толстаго съ кн. Меншиковымъ и Голицынымъ и съ ад. Апраксинымъ“ (ib., стр. 253 сл.). Около этого-же времени, а именно отъ 26 Февраля 1726 г., т. е. также уже послѣ утвержденія В. Т. Совѣта, Лефортъ вновь подтверждаетъ, что „проектъ В. Т. Совѣта былъ . . . да вно уже на разсмотрѣніи („le projet du conseil supreme . . . est depuis longtemps sur le tapis“ . . .). Онъ былъ предложенъ Шафировымъ и Бассевичемъ, съ тѣмъ условіемъ, что они примутъ въ немъ участіе. Бассевичъ, думавшій въ это время держать жезлъ Аарона, предложилъ приведеніе въ исполненіе проекта кн. Меншикову, чтобъ чрезъ это увеличилась власть герцога голштинскаго и его

собственная . . . Князь Меншиковъ далъ установиться этому проэктору, чтобъ извлечь оттуда всю сущность, въ особен-ности, чтобъ лишить Ягужинскаго всякой власти и важныхъ свѣдѣній“. Лефортъ передаетъ также, что „этотъ Совѣтъ долженъ быть самымъ высшимъ въ Россіи (se conseil doit être le suprême de Russie. . .); отъ него зависятъ всѣ важныя, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія дѣла Россіи“ (ib., III, стр. 432 сл.). Согласно съ Лефортомъ и прусскій посланникъ, баронъ Мардефельдъ, извѣщая 23 Февраля того-же года объ учрежденіи В. Т. Совѣта, считаетъ его „замѣчательнымъ измѣненіемъ верховнаго управленія („sehr notable Veränderung in Ministerio“) и находитъ, что теперь „Сенатъ превратился во второстепенную коллегію“ („Der Senat ist zum subalternen Collegio gemachet“ — ib., XV, стр. 305). Указывая далѣе на назначеніе герцога Голштинскаго членомъ Совѣта, Мардефельдъ надѣется, что король, которому онъ пишетъ „ясно изъ этого увидитъ быстрое возрастаніе въ будущемъ вліянія герцога и косвенно также перваго его министра (т. е. Бассевича) на важнѣйшія дѣла“. . . (ib., стр. 306).

Не касаясь другихъ извѣстій эпохи, разберемъ кратко только-что приведенныя. Всѣ они во 1-хъ вполнѣ согласно объясняютъ цѣль реформы — превратить Сенатъ въ учрежденіе подчиненное другому высшему; во 2-хъ передаютъ довольно вѣрно ту борьбу между старо-русскою партіею родовитыхъ вельможъ, хотѣвшихъ создать политическое учрежденіе, ограничивающее власть императрицы, и партіею вельможъ худородныхъ, выдвинутыхъ реформою и искавшихъ себѣ опоры въ Императрицѣ, именно коей они хотѣли управлять. Для даннаго времени звучитъ нѣсколько странно, предположеніе Кампредона о проэктѣ новой формы правленія, устроеннаго „на подобіе англійскаго“; но позднѣе, замыселъ „верховниковъ“, съ Д. М. Голицынымъ во главѣ, по крайней мѣрѣ на время, оправдываетъ это предположеніе. Невѣрны оказы-

ваются и тѣ предположенія, какія строятся на надеждѣ сломить власть Меншикова и усилить вліяніе герцога Голштинскаго и Бассевича; не оправдываются частію и тѣ комбинаціи о составѣ новаго учрежденія, какія дѣлаются въ донесеніяхъ иностранныхъ агентовъ, отражая въ себѣ ту борьбу за власть, которая велась въ то время. Отмѣчая это, мы, впрочемъ, не будемъ останавливаться на разборѣ тѣхъ личныхъ счетовъ партій, благодаря которымъ не попали въ новое учрежденіе Ягужинскій, такіе сенаторы, какъ Матвѣевъ, Мусинъ-Пушкинъ, Шафировъ, но за то былъ введенъ въ него Остерманъ⁸⁾. Необходимо, однако, обратить вниманіе на слѣдующее. Какъ замѣчено было еще А. Д. Градовскимъ „два элемента не могли ужиться съ первенствомъ Сената: военное управленіе и высшіе дворянскіе роды“ („Высшая администрація“, стр. 137 сл.); или точнѣе говоря — старое родовитое боярство, привыкшее къ правящей роли въ государствѣ и то новое дворянство, въ лицѣ котораго, говоря словами кн. М. М. Щербатова, „стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги“ („О поврежденіи нравовъ“). Новое учрежденіе давало нѣ который выходъ этой борьбѣ 2-хъ важнѣйшихъ элементовъ служилаго шляхетства данной эпохи. Именно, если при Екатеринѣ, — говоря образнымъ языкомъ того-же Щербатова — „упала гордость дворянская, видя себя управляема мужемъ, хотя достойнымъ, но изъ подлости происшедшимъ“ (Меншиковымъ), то новое учрежденіе, введя въ свой составъ Д. М. Голицына, открывало возможность позднѣе, — въ царствованіе Петра II и при воцареніи Анны Иоанновны, — проявиться старо-боярскимъ тенденціямъ, чтó едва-ли было мыслимо въ томъ дѣло-

---

8) Объ этой борьбѣ партій см. у Соловьева „Исторія Россіи“ т. XVIII, изд. 3, стр. 263 сл.; ср. также К. И. Арсеньева „Царствованіе Екатерины I“ (Ученыя Записки II отдѣленія Академіи Наукъ, кн. II, вып. I, СПб. 1856, стр. 161 сл.

вомъ и чуждомъ политическихъ стремленій учрежденіи, какимъ былъ, по существу своему, петровский Сенатъ. Можно поэтому согласиться съ мнѣніемъ, что Меншиковъ, „перехвативши идею“ о необходимости „вышей инстанціи“ у Шафирова и Бассевича, — о чемъ доносилъ, какъ мы видѣли Лефортъ, — затѣмъ „обошелъ“ и Шафирова и герцога голштинскаго, войдя въ то-же время „въ сдѣлку съ своими противниками“ изъ старой знати, въ виду того, конечно, соображенія, что они были „слишкомъ сильны, чтобъ можно было устроить верховный совѣтъ безъ ихъ участія“ (Н. П. Милоковъ, *ib.*, стр. 677 сл.). Вновь созданный В. Т. Совѣтъ, отвѣчая необходимости объединить „первыхъ сенаторовъ“ — министровъ — въ одномъ общемъ учрежденіи, въ то-же время, въ извѣстной степени, давалъ выходъ стремленіямъ къ власти стараго, родовитаго, и новаго, худороднаго, дворянства: то и другое теперь могло, — что затѣмъ и случилось, — вступить въ борьбу за власть въ самомъ В. Т. Совѣтѣ.

Первоначально, при самомъ учрежденіи В. Т. Совѣта, — какъ и вообще въ царствованіе Екатерины I, — взяло верхъ, какъ извѣстно, худородное, новое дворянство; въ царствованіе Петра II и при воцареніи Анны — старорусское (что, конечно, отразилось затѣмъ и на составѣ⁹⁾; на первый-же разъ въ Совѣтъ изъ представителей старой знати вошелъ лишь Д. М. Голицынъ. Самое учрежденіе В. Т. Совѣта, поскольку въ этомъ отражалась борьба партій, было частію дѣломъ главы этого худороднаго, „изъ подлости происшед-

---

9) Выше нами былъ приведенъ списокъ членовъ В. Т. Совѣта, въ его первоначальномъ видѣ, по указу 8 Февр. 1726 г. (VII, № 4830); затѣмъ по именному указу 17 Февраля въ составъ В. Т. Совѣта былъ введенъ герцогъ Голштинскій Карлъ-Фридрихъ (Сб. И. Общ., LV, стр. 43); въ царствованіе Петра II, по указу 3 Февр. 1728 г., въ В. Т. Совѣтъ вступили кн. В. Л. и А. Г. Долгорукіе (Опись Сенат. Арх., № 2854); по смерти Петра II до воцаренія Анны Іоанновны — кн. М. М. Голицынъ и кн. В. Вл. Долгорукіе (*ib.*, стр. III, пр. 2-ое).

шаго“ дворянства — Меншикова, хотѣвшаго сломить Сенатъ, какъ единственное учрежденіе, противившееся его самовластію ¹⁰⁾. Стараніе старо-русскихъ вельможъ „de ruiner l'autorité insupportable du prince Menschikoff, de recouvrer leur ancienne liberté“, о чемъ говоритъ Кампредонъ (ib., LXIV, стр. 187), борьба Меншикова съ Минихомъ, о чемъ доносятъ и Кампредонъ (ib., 46 стр.) и Лефортъ (ib., III, стр. 420), кончилась лишь его возвышеніемъ ¹¹⁾, хотя, конечно, само „устройство Верховнаго Совѣта была уступкою той боярской партіи, которая примиряла ее съ воцареніемъ Екатерины I“, какъ замѣчено П. Н. Милюковымъ (ib., стр. 679), уступкою, которая, на нашъ взглядъ, не будучи значительной для даннаго момента, была важна для стараго боярства — въ будущемъ. Въ новомъ учрежденіи открывалась возможность для этого боярства играть политическую роль, что оно и пыталось сдѣлать позднѣе.

Ограничиваясь этими краткими замѣчаніями по вопросу объ образованіи В. Т. Совѣта, сдѣлаемъ общую характеристику новаго учрежденія.

Создавая В. Т. Совѣтъ, именной указъ 8 Февраля довольно неопредѣленно повелѣвалъ „при дворѣ нашемъ, какъ для вѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ важныхъ дѣлъ учредить В. Т. Совѣтъ, при которомъ мы будемъ сами присутствовать.“ При этомъ къ указу было приложено о предѣленіе вновь выбранныхъ „особъ В. Т. Совѣта“, состоявшееся 10 Февраля (Сб. И. Общ., LV, стр. 1 сл.), коимъ „на первое время“ устанавливалось отношеніе Совѣта къ Сенату и коллегіямъ, а также значеніе

10) Объ отношеніи къ Сенату Меншикова, см. у Соловьева, т. XVIII, изд. 3, стр. 279 сл.).

11) Тотъ-же Лефортъ, передавая объ учрежденіи В. Т. Совѣта и о томъ печальномъ положеніи, въ какомъ очутился послѣ этого, между другими, Ягужинскій, замѣчаетъ: „le changement considérable, qui vient d'arriver dans les conseils, donne une preuve convaincante du crédit et du plein pouvoir du prince Menschikoff“ (ib., стр. 433).

указовъ В. Т. Совѣта, состоявшихся, „хотя въ присутствіи Ея В., хотя и въ отсутствіи“¹²⁾. Затѣмъ явились указы — 14 Марта о именованіи Сената „высокимъ“, а не „правительствующимъ“ (VІІ, № 4853)¹³⁾ и 28 — о формѣ сношеній В. Т. Совѣта съ Сенатомъ и коллегіями, гдѣ уже дается болѣе „явственное и обстоятельное опредѣленіе“ от-

12) „И по вышеписанному Ея И. В. указу Верховнаго Т. Совѣта (въ самомъ опредѣленіи сказано яснѣе: „вышеупомянуты особы В. Т. С.“) опредѣлили слѣдующее: 1) въ Сенатъ и во всѣ коллегіи и въ прочія мѣста, куды будетъ подлежать, посылать указы, съ такимъ изображеніемъ, въ заглавіи: „Указъ Ея Императорскаго Величества, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ“ (и именовать въ какое мѣсто, куда); 2) а изъ Сената и изъ другихъ всѣхъ коллегій писать, о чемъ самомъ важномъ случится, по сему: „Доношеніе въ Верховный Тайный Совѣтъ“; 3) изъ Сенату же, въ военныя, сухопутную и морскую, и иностранную (коллегіи) и изъ оныхъ въ Сенатъ писать промеморіями; 4) въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, хотя при присутствіи Ея Императорскаго Величества, хотя и во отсутствіи, крѣпить, что о чемъ опредѣлено будетъ, протоколы, резолюціи, всѣмъ назначеннымъ особамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а съ того надлежащіе куда указы посылать за закрѣпою въ Верховномъ же Тайномъ Совѣтѣ обрѣтающагося члена иностранной коллегіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Василія Степанова; 5) и сіе опредѣленіе на первое время служить имѣетъ, а впредь какъ тому быть, и какихъ служителей при семъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ имѣть, о томъ сочинить явственное и обстоятельное опредѣленіе, и со временемъ донести Ея Императорскому Величеству“ (VІІ, № 4830).

13) Ср. а. в. указъ, помѣщенный въ П. С. З., подъ № 4853, съ подлиннымъ протоколомъ В. Т. С. отъ 13 Марта, гдѣ ясно мотивируется причина переименованія (Сб. Им. Об., LV, стр. 90), между тѣмъ какъ указъ, помѣщенный въ П. С. З., ничего не упоминаетъ объ этой причинѣ. Протоколъ В. Т. Совѣта гласитъ: „понеже В. Т. Совѣту извѣстно учинилось, что въ Сенатъ изъ первыхъ трехъ коллегій промеморей не принимаютъ, затѣмъ, что въ оныхъ не пишутъ правительствующимъ, такожь и изъ другихъ коллегій не знаютъ, какимъ образомъ Сенатъ титуловать, отчего въ дѣлахъ есть остановка, — того ради отъ В. Т. Совѣта, сего Марта 11-го дня, ходилъ о томъ докладывать Ея Императорскому Величеству тайной кабинетъ-секретарь Алексѣй Макаровъ, и пришедъ объявилъ что Ея И. Величество по представленію Верховнаго Тайнаго Совѣта указала Сенату съ нынѣшняго времени именовать и писатца Высокій Сенатъ, а не правительствующій для того, что слово сіе правительствующій, непристойно“....

ношеній новаго учрежденія къ Сенату и коллегіямъ (ib., № 4862). Въ первомъ указѣ характерна отмѣна наименованія Сената „правительствующимъ“ — „для того, что слово сіе правительствующій — непристойно“ для Сената въ его новомъ положеніи, конечно; во 2-мъ вновь подчеркнуто, что В. Т. Совѣтъ есть Совѣтъ при особѣ Императрицы („въ которомъ мы сами присутствуемъ и президентство имѣемъ“), сообразно съ чѣмъ все въ Совѣтѣ дѣлается именемъ Ея Величества и всѣ „рапорты, доношенія или представленія“, идущія въ Совѣтъ, поступаютъ на имя императрицы („имѣютъ прямо на имя Наше писаны быть“¹⁴). Сопоставляя эти указы съ именнымъ указомъ „о должности Сената“, даннымъ 7 Марта (ib., № 4847) и еще болѣе съ „мнѣніемъ не въ указъ о новомъ учрежденномъ В. Т. Совѣтѣ“ (Сб. И. Общ., LV, стр. 93 сл., приложеніе къ журналу В. Т. Совѣта отъ 16 Марта), мы видимъ, что, съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности, какъ и позднѣе, В. Т. Совѣтъ ставитъ своею задачею — сосредоточіе въ себѣ политическаго руководительства страню, „генеральнаго управленія и надзиранія надъ всѣми коллегіями и прочими“ (п. 13), прямое и непосредственное отношеніе къ верховной власти, съ попыткою полнаго представительства этой власти передъ страню. Въ этомъ отношеніи особенно характеренъ

---

14) Указы, идущіе изъ В. Т. Совѣта „за собственною нашею рукою“ начинаются такъ: „Божіею Милостію, Мы, Екатерина, Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая и прочая и прочая“; „въ срединѣ, гдѣ пристойно и къ сенсу будетъ“, т. е., гдѣ надо по смыслу, прибавляется въ указѣ выраженіе: „повелѣваемъ“ (или, какъ часто встрѣчается еще „указали мы“, — „Е. И. В. указала“ и т. п.); въ концѣ неизмѣнно ставится „данъ въ нашемъ В. Т. Совѣтѣ“ (тогда-то); въ указахъ „которые не будутъ за собственною нашею рукою... по датумѣ будетъ писано „по нашему указу“. См. примѣры указовъ того и другаго вида въ Сб. И. Общ. (т. LV, 167 сл., 170 сл., 338 сл.; 138 сл., 142 сл., 313 сл.), при чемъ, впрочемъ, въ указахъ втораго рода „по датумѣ“ ставится обычно „Е. И. В. указала“.

3-й пункт „мнѣнія“, измѣненный Императрицею, но гласившій въ первоначальной редакціи слѣдующее: „никакимъ указамъ прежде не выходить, пока оныя въ Тайномъ Совѣтѣ совершенно не состоялись, протоколы не закрѣплены и Ея Величеству для всемилостивѣйшей апробаціи прочтены не будутъ, и, потомъ, могутъ оныя, по учиненному здѣсь опредѣленію, отъ д. ст. совѣтника Степанова закрѣплены и отправлены быть“¹⁵⁾. Небезынтересенъ также п. 9-ый, гдѣ кругъ своей компетенціи В. Т. Совѣтъ опредѣляетъ такъ: „дѣла, которыя въ В. Т. Совѣтѣ обращаться имѣютъ, будутъ: 1) чужестранныя; 2) всѣ тѣ, которыя до Ея И. Величества собственнаго высочайшаго рѣшенія касаются“ и, наконецъ, п. 12, гдѣ „апелляціи на Сенатъ или прочихъ первѣйшихъ 3-хъ коллегій всемѣрно къ Ея И. Величеству учинить позволено быть имѣетъ и въ Тайный Совѣтъ къ высшему разсмотрѣнію и разсужденію подавать“. . . . Стремясь на первыхъ-же порахъ оставить за собою политическое руководство страной, В. Т. Совѣтъ, въ приведенныхъ указахъ и мнѣніи, либо пытается слиться воедино съ личностію Императрицы¹⁶⁾, либо стать съ нею рядомъ, какъ вели-

15) „Сіе мнѣніе принесъ тайный кабинетъ секретарь Алексѣй Макаровъ, марта 16, 1726 г. и объявилъ, что Ея И. Величество, оное во всемъ апробовать соизволила, только-бъ 3-й пунктъ отмѣнить. . . . чтобъ о важныхъ дѣлахъ, поставя протоколы и на мѣрѣ и не подписавъ напередъ для апробаціи къ Ея И. Величеству внести одной, по случаю смотря, по важности дѣла, и двумъ персонамъ присутствующимъ отъ того Верховнаго Тайнаго совѣта, и какъ уже Ея И. Величество изволилъ апробовать, тогда подписывать и въ дѣйство производить“. Здѣсь Императрица, повидимому, согласилась съ герцогомъ Голштинскимъ, который въ засѣданіи 2 Марта предлагалъ то же самое (ib., стр. 68).

16) Это стремленіе выражается даже въ мелочахъ: 18 Февр. Совѣтъ, между прочимъ, разсуждалъ: „писать-ли въ указахъ изъ В. Т. Совѣта къ генералу фельдъ-маршалу князю Голицыну и къ другимъ подобнымъ ему персонамъ, господинъ, и опредѣлено, что-бъ въ тѣхъ указахъ господина никому не придавать, понеже во ономъ В. Т. Со-

чина ей равная. Развивая, какъ это мы увидимъ далѣе, постепенно кругъ своего вѣдомства и подчиняя своей власти в с ѣ учрежденія страны (за исключеніемъ развѣ Св. Синода), В. Т. Совѣтъ дѣлаетъ это, говоря вообще, не столько въ интересахъ усовершенствованія государственнаго механизма и правительственной техники, сколько въ интересахъ своей первенствующей, п р а в я щ е й роли въ государствѣ. Этимъ, конечно, объясняется пунктъ 10-ый того-же мнѣнія, гдѣ откровенно заявляется, что, „какъ Сенатъ, такъ и всѣ прочія коллегіи, по обыкновенному до сего времени учрежденію и подчиненію въ совершенномъ такомъ дѣйствіи и власти, оставлены быть имѣютъ, чтобъ оныя всѣ происходящія дѣла, которыя, по уставамъ и прочимъ состоявшимся указамъ, регламентамъ и инструкціямъ, вершены быть могутъ, и впредь, вершили, и въ дѣйство производили, и во всемъ томъ поступали, какъ блаженные памяти Его И. Величества, въ 1718 году декабря 22-го дня опубликованной, указъ повелѣваетъ“. Поскольку здѣсь дѣло идетъ о веденіи и рѣшеніи Сенатомъ и коллегіями текущихъ обыденныхъ дѣлъ административнаго управленія, — все это, дѣйствительно, оставляется В. Т. Совѣтомъ, въ цѣломъ, безъ серьезныхъ измѣненій — техника управленія мало интересуется В. Т. Совѣтъ, какъ и всякое другое учреждение политическаго характера, почему въ области этой техники В. Т. Совѣтъ и дѣлаетъ немного, хотя именно здѣсь-то и было много работы для законодателя. Учрежденіе, имѣвшее своимъ назначеніемъ, — какъ гласитъ п. 2-ой того-же „мнѣнія“ — „только Ея Величеству ко облегченію въ тяжкомъ Ея правительства бремени служить“ (а, въ дѣйствительности, совершенно замѣнявшее „Ея правительство“) мало, сравнительно, интересовалось устраненіемъ той неопредѣленности, которая господствовала во взаимныхъ от-

---

вѣтъ Ея И. Величество Сама присутствовать извольтъ, и всѣ указы по апробаціи ея Величества, отправляться имѣютъ“ (ib., стр. 51).

ношеніяхъ учреждений при Петрѣ и послѣ Петра (П. М. Милоковъ, *ib.*, 672 и сл. стр.), но оно ревниво заботилось о привлеченіи къ своей компетенціи „дѣлъ вѣщающей важности“, „новыхъ податей или иныхъ какихъ новыхъ учреждений“¹⁷⁾, ревниво отстаивало полную самостоятельность, по отношенію къ Сенату¹⁸⁾, 3-хъ первыхъ коллегій, президенты коихъ вошли въ составъ его членовъ. Поэтому и указы В. Т. Совѣта по отношенію къ Сенату, какъ это будетъ подробно отмѣчено въ своемъ мѣстѣ, опредѣленно и ясно проводятъ, преимущественно, одну мысль — полное его подчиненіе — „того ради“ Совѣтъ и предлагаетъ (въ томъ-же „мнѣніи“) „Сенату придать титулъ высокоповѣренный, или просто, высокій Сенатъ“; поскольку переменны въ учрежденіяхъ были нужны для осуществленія этой идеи господства, постольку онѣ, по преимуществу, и совершаются въ эпоху правленія В. Т. Совѣта.

Будучи учрежденіемъ политическимъ, В. Т. Совѣтъ, въ сущности, мало нуждался въ строгой внѣшней организаціи, хотя первоначально, въ томъ-же „мнѣніи не въ указъ“, по этому вопросу было высказано нѣсколько мыслей, которыя частію осуществились, — какъ, напр., вопросъ о

---

17) Приведенное выше начало 10-го пункта заканчивается такъ: „но въ дѣлахъ вѣщающей важности и о чемъ уставу и опредѣленія не имѣется, или которыя собственному Ея И. Величества рѣшенію подлежатъ и о которыхъ въ томъ же указѣ изображено, то имѣетъ Сенатъ изображеннымъ въ четвертомъ пунктѣ образомъ, написавъ на имя Ея И. Величества, со мнѣніемъ своимъ въ тайный совѣтъ подавать, а новыя подати, или инныя какія новыя учрежденія имѣютъ быть опредѣлены въ В. Т. Совѣтъ“.

18) Это ясно, между прочимъ, изъ пункта 11, который гласитъ: „первыя три коллегіи подъ Сенатомъ быть не могутъ, якоже и безъ того иностранная никогда отъ одного не зависивала, и хотя бы Ея В. Сама въ совѣтъ не присутствовала, и дѣла не такого состоянія были, что оныя для тайности токмо Ея Величеству донесены быть имѣютъ, но требуютъ зрѣлого разсужденія, то однакоже оное въ томъ намѣреніи совѣту предложено, и тогда о воспріятыхъ въ томъ мѣрахъ Ея И. Величеству для всемилостивѣйшей апробаціи отъ всего совѣта донесено будетъ“ (*ib.*, стр. 95).

дѣлопроизводствѣ и канцеляріи В. Т. Совѣта ¹⁹⁾, — частію остались лишь проэктомъ, по крайней мѣрѣ *de jure*, если не *de facto*. Такова мысль о раздѣленіи В. Т. Совѣта на департаменты, о чемъ гласилъ слѣдующее 5-ый пунктъ „мнѣнія“: „когда Е. В. сама присутствовать изволить, то въ Ея всемилостивѣйшемъ соизволеніи о томъ предлагать, что за благо разсудить; когда-же она присутствовать не изволить, то бы лучше, чтобъ каждому какой департаментъ или повѣсть дано было, о чемъ онъ предложеніе чинить имѣетъ, дабы прежде довольно разсудить: 1) потребное-ли оное дѣло; 2) какъ оное лучше дѣлать, и въ томъ опредѣленіе учинить, дабы толь легче Ея Императорское Величество всемилостивѣйшую свою резолюцію принять и учинить могла“. Императрица, однако, не приняла

---

19) Пунктъ 6-ой: „въ тайномъ совѣтѣ надобно два протокола держать, одинъ образомъ журнала, который подписывать не надлежитъ; другой же о учиненныхъ въ тайномъ совѣтѣ резолюціяхъ и опредѣленіяхъ, который тайному совѣту закрѣплять“ (см. изданные въ Сб. И. Общ. протоколы и журналы В. Т. Совѣта, томы LV, LVI, LXIII, LXIX и др.); пунктъ 7-ой: „надлежитъ тайному совѣту имѣть свою канцелярію и дѣла по разному состоянію и натурѣ въ канцеляріи раздѣлять, дабы все порядочно было, и безъ конфузій своевременно отправлено быть могло, но понеже сія канцелярія инымъ въ доброй образецъ быть имѣетъ, чтобъ толико непотребного письма не было, и штатъ непотребными служителями не отягощать; — того ради учрежденіемъ сей канцеляріи зѣло осторожно поступать надлежитъ и все съ великимъ разсужденіемъ постановить, дабы и въ содержаніи секретныхъ дѣлъ безъ опасенія было“. Устройство канцеляріи В. Т. Совѣта не было сложнымъ, что также очень характерно: Совѣтъ постоянно развивалъ систему личныхъ сношеній со всѣми, отъ кого онъ хотѣлъ имѣть свѣдѣнія, возлагая на нихъ обязанность доставлять ему вѣдомости, справки и пр. Напр., въ засѣданіи 23 Февр. 1726 г. Совѣтъ рѣшилъ о присылкѣ вѣдомостей и прочихъ справокъ „ради скорости указовъ не посылать, а приказывать то исполнять на словахъ“ (ib., LV, стр. 59). При Петрѣ II, по указу 26 Іюля 1727 г., „чтобы канцеляріи В. Т. Совѣта затрудненія излишняго не было“ постановлено „резолюціи сочинять“ секретарямъ тѣхъ учреждений, дѣла коихъ разрѣшались Совѣтомъ (ib., LXIX, стр. 177). Объ устройствѣ канцеляріи см. еще мнѣнія и указы, ib., LV, стр. 58; LVI, стр. 251; LXIII, стр. 94, 653 сл.; LXIX, стр. 177, 288; LXXIX, стр. 402 и др.

этого пункта и лишь приказала „объ особыхъ апартаментахъ учинить особое мнѣніе со изъясненіемъ“. По-видимому, Императрица нашла мало-обоснованною мысль объ этомъ раздѣленіи, почему и потребовала представить ей „мнѣніе со изъясненіемъ“. Однако, такого мнѣнія затѣмъ вовсе не было представлено, частію, вѣроятно, потому, что В. Т. Совѣтъ, занятый своею политическою задачею, не имѣлъ достаточно досуга для этого „изъясненія“; частію и потому, что, въ сущности, на практикѣ веденіе дѣлъ въ В. Т. Совѣтѣ само собою распредѣлялось, обычно, между отдѣльными членами; но именно этого и хотѣлъ достигнуть въ своемъ „мнѣніи“ Совѣтъ, предлагая, „чтобы ка ж д о м у какой департаментъ или повѣсть дано было“. Вопросъ шелъ такимъ образомъ о томъ, чтобы раздѣлить сферу вліянія между отдѣльными членами-министрами такъ, чтобы каждый изъ нихъ былъ докладчикомъ по своему вѣдомству („о чемъ онъ предложеніе чинить имѣетъ, дабы прежде довольно разсудить“) и здѣсь имѣлъ-бы первенствующее, если не-исключительное, значеніе. Обращаясь къ журналамъ В. Т. Совѣта мы видимъ, что, если Меншиковъ, съ его стремленіемъ властвовать безраздѣльно, не удовлетворялся своимъ „апартаментомъ“ въ Совѣтѣ (т. е. дѣлами военными и финансовыми), а дѣйствовалъ прямо на Екатерину I, а затѣмъ и Петра II (почему онъ довольно рѣдко и присутствовалъ въ В. Т. Совѣтѣ²⁰⁾, то другіе, терпя общее подчиненіе

---

20) Сб. И. Общ., LV, стр. 118, 172, 277, 402, 426 и др.; LVI, стр. 9, 19, 32, 61, 98 и др.; LXIII, стр. 1, 4, 21, 25, 37, 65, 121 и мн. др. Являясь въ В. Т. Совѣтѣ, Меншиковъ нерѣдко объявлялъ самому В. Т. Совѣту приказы Императрицы „имѣть разсужденіе“ о такихъ-то вопросахъ (см., напр., ib., LV, стр. 297), передавалъ именныя указы (ib., стр. 311, 316; LVI, стр. 568 сл.; LXIII, стр. 627 сл.). Особенно важное значеніе имѣетъ, для опредѣленія отношенія Меншикова, къ В. Т. Совѣту, именной указъ 12 Февр. 1726 г., коимъ военныя дѣла выдѣляются изъ компетенціи Совѣта (VII, № 4833) и докладъ по нимъ производится лично Императрицѣ, никѣмъ инымъ, конечно, какъ Меншиковымъ; ср. также указъ 17 Февр. о подчиненіи провіантъ-мейстера вѣдѣнію Воен-

Меншикову, въ предѣлахъ своего управленія отдѣльными частями, дѣйствовали въ В. Т. Совѣтѣ не какъ „въ особливомъ коллегіумѣ“, а довольно раздѣльно. Такъ внѣшнія дѣла вѣдались, какъ извѣстно, гр. Головкинымъ и Остерманомъ: поэтому и въ засѣданіяхъ В. Т. Совѣта по иностраннымъ дѣламъ обычно участвовали либо оба они, либо одинъ изъ нихъ (ib., LV, стр. 107, 178 и мн. др.; LXIII, стр. 58, 69, 91 и мн. др.), при чемъ очень часто выслушивались доклады по иностраннымъ дѣламъ Остермана (ib., 175 стр.; LV, стр. 107, 147, 177 и др.) и иногда — Головкина (LXIX, стр. 165 и др.); дѣла морскаго вѣдомства находились въ управленіи генераль-адмирала Апраксина, почему онъ всегда почти присутствовалъ, а нерѣдко дѣлалъ и доклады по адмиралтейской коллегіи (ib., LV, стр. 66, 81, 83, 147 и др.; LXIX, стр. 102, 205 и др.; надо, впрочемъ, замѣтить, что Апраксинъ былъ вообще однимъ изъ самыхъ усердныхъ членовъ В. Т. Совѣта, участвуя, наравнѣ съ Головкинымъ и кн. Голицынымъ, почти постоянно въ засѣданіяхъ его). Затѣмъ, въ дѣлахъ В. Т. Совѣта мы находимъ постоянно донесенія отдѣльныхъ членовъ Совѣта по тѣмъ вопросамъ, которые находились въ ихъ завѣдываніи²¹⁾. Напр., журналъ 15 Сент. 1727 г. отмѣчаетъ: „по-

---

ной коллегіи (ib., № 4837) т. е. вѣдѣнію, въ сущности, того-же Меншикова, и т. д. Указъ 12 Февраля объясняетъ это выдѣленіе военныхъ дѣлъ изъ компетенціи В. Т. Совѣта тѣмъ, что „хотя мы опредѣлили въ В. Т. Совѣтѣ имѣть консиліи или тайные совѣты о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, однакожъ въ которые дни не будемъ Мы сами тамъ присутствовать, то о важныхъ воинскихъ дѣлахъ . . . что къ наблюденію секрета надлежитъ доносить Намъ Самимъ, яко Президенту отъ Воинской коллегіи“. . . Указъ устанавливаетъ такимъ образомъ непосредственныя отношенія кн. Меншикова съ Императрицею по военнымъ дѣламъ.

21) Такъ, кн. Д. М. Голицынъ, былъ председателемъ комиссіи по раскладкѣ податей (Описъ Сенат. Арх., № 2065, стр. 54), по уменьшенію подушной подати (ib., № 2105, стр. 58); А. И. Остерманъ завѣдывалъ комиссіею о коммерціи (ib., № 2090, стр. 57); иностранною почтою (ib., № 2044, стр. 52), а затѣмъ и вообще почтовымъ вѣдомствомъ (ib., № 2052, ib.); П. А. Толстой — доимочною канцеляріею (ib.,

томъ пришелъ баронъ А. И Остерманъ и представлялъ по прошенію армянскихъ купцовъ, чтобы пошлины съ нихъ брать нынѣшній годъ по прежнему, а не по нынѣшнему указу. И разсуждено по тому представленію указъ о томъ отправить отъ комиссіи“, гдѣ президентомъ былъ именно Остерманъ (ib., LXIX, стр. 290). Или, напр., въ журналѣ 18 Февр. 1726 г. читаемъ, что „въ В. Т. Совѣтѣ, при собраніи, свѣт. кн. Меншиковъ возвратилъ отправленный изъ В. Т. Совѣта указъ, писанной о подчиненіи военной коллегіи генераль-провіантъ-мейстера, съ требованіемъ, чтобъ тотъ указъ переписать и изъяснить во ономъ для предосторожности военной коллегіи всѣ причины и неисправности генерала - провіантъ - мейстера, для чего онъ военной коллегіи подчиненъ, понеже военная коллегія должна то, что у оного въ неисправленіи есть, поправить. И въ В. Т. Совѣтѣ приказали, по требованію его генерала-фельдъ-маршала, тотъ указъ принявъ, переправить и изобразить въ немъ причины, для котораго изъясненія тѣхъ причинъ взять въ В. Т. Совѣтѣ изъ военной коллегіи копію съ поданнаго изъ оной въ Сенатъ доношенія сего году Января 31-го дня, въ которомъ о томъ показаны причины“ (ib., LV, стр. 47). Или, напр., въ журналѣ 7 Марта того-же года сказано, что „въ разговорахъ ген.-адмиралъ присутствующимъ въ тайномъ совѣтѣ представлялъ о смерти шаутбейнахта Гофта, который былъ въ Ревелѣ надъ обрѣтающеюся тамо эскадрою кораблей командиромъ, и кого на мѣсто его туда въ Ревель отправить требовалъ совѣту, и сіе предано на его генерала-адмирала разсмотрѣніе, ибо онъ о всѣхъ морскихъ офицерахъ болѣе другихъ самъ из-

---

№ 2065, стр. 54; № 2106, стр. 58). Отъ этихъ лицъ идутъ постоянно „донесенія“ В. Т. Совѣту по тѣмъ вопросамъ, которые поручены ихъ вѣдѣнію (см., напр., донесенія Остермана С б. И. Общ., LXIII, стр. 77, 424, 442, 547 сл.; LXIX, стр. 34, 178, 304 и др.).

вѣстенъ“ (ib., стр. 82). Въ этихъ, какъ и другихъ подобныхъ примѣрахъ, нельзя не видѣть, хотя и очень слабой, мало-систематичной, но все-же довольно ясной, попытки распредѣленія дѣлъ въ Совѣтѣ по вѣдомствамъ отдѣльных членовъ-министровъ, съ предоставленіемъ каждому изъ нихъ рѣшающаго голоса по дѣламъ ихъ отдѣльных вѣдомствъ. Этимъ-же, вѣроятно, и объясняются, такія записи журналовъ Совѣта: „изволилъ прибыть Его И. Высочество (герцогъ Голштинскій) ²²⁾ и начаты слушать внѣшнія дѣла“ (ib., стр. 154); „по прибытіи Е. И. В. въ началѣ подписаны отъ всѣхъ протоколы: проэктъ трактата о союзѣ съ королемъ прусскимъ; . . . слушана реляція . . . изъ Царяграда“ (ib., стр. 131) и т. д. Вообще, если въ протоколахъ значится, что „слушаны дѣла внѣшнія“ — это значитъ, что присутствовали въ засѣданіи гр. Головкинъ, б. Остерманъ, или герц. Голштинскій, или одинъ изъ нихъ (чаще всего — 1-ый); если нѣтъ въ засѣданіи ни одного изъ нихъ — дѣла иностранныя почти всегда откладываются слушаніемъ до ихъ прибытія (ib., стр. 320, 333, 483; LVI стр. 48 сл.; 25; 35 сл. и мн. др.) ²³⁾. Дѣла иностранныя

---

22) Изъ протокола 17 Февр. 1726 г. о назначеніи герцога Голштинскаго членомъ В. Т. Совѣта видно, что онъ назначался „присутствовать въ В. Т. Совѣтѣ, когда ему донесутъ, что бытность его потребна“ (ib., стр. 43). Но такъ какъ, по собственному сознанію герцога голштинскаго, онъ „въ російскихъ дѣлахъ — еще неискусенъ“ (ib., 56 стр.), — хотя и желалъ, вмѣстѣ съ другими членами Совѣта, служить Ея В. и „общему благу“, участвуя въ засѣданіяхъ Совѣта, — то его „бытность“ въ Совѣтѣ была, преимущественно, „потребна“ при обсужденіи дѣлъ иностранныхъ (см. напр., ib., стр. 54, 58, 61, 97 сл., 108, 319 и мн. др.; LVI, стр. 167); впрочемъ, по заявленію герцога, Е. В. повелѣла ему присутствовать въ Совѣтѣ „для внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ“ (ib., LV, стр. 55).

23) Въ черновомъ протоколѣ 21 Февр. того-же года постановлено, что протоколы иностранной коллегіи, по конференціямъ съ иностранными министрами, представляются В. Т. Совѣту (конечно, членами той-же коллегіи, Головкинымъ и Остерманомъ); именно, здѣсь (ib., LV, стр. 55) читаемъ: „чинено разсужденіе, какимъ образомъ нынѣ отправлять конференціи со обрѣтаю-

болѣ ясно, чѣмъ всѣ другія, выдѣлились въ особый „апартаментъ“ или „департаментъ“ В. Т. Совѣта, чтó и понятно. Но то-же, хотя и не столь послѣдовательно и опредѣленно, замѣчается и по другимъ дѣламъ — особенно, военнымъ (сухопутнымъ и морскимъ) и финансовымъ. Министры, члены В. Т. Совѣта, вѣдающіе эти дѣла, какъ президенты соотвѣтствующихъ коллегій (военной и адмиралтейской), являются и въ В. Т. Совѣтѣ главными докладчиками и дѣятелями по ихъ разсмотрѣнію и разрѣшенію. Конечно, въ учрежденіи столь мало-юридическомъ, какимъ былъ В. Т. Совѣтъ, это раздѣленіе не могло всегда и во всемъ проводиться строго и неуклонно: съ паденіемъ, напр., Меншикова, иначе совершенно распределяются и роли членовъ В. Т. Совѣта, по управленію отдѣльными вѣдомствами²⁴⁾. Но, во всякомъ случаѣ, во все время существованія Совѣта указанная выше тенденція проявляется то въ бóльшей, то въ меньшей степени: не только В. Т. Совѣту постоянно представляются „репорты“, „доношенія“, „справки“, „мнѣнія“ и пр. членовъ Совѣта, стоящихъ во главѣ управленія отдѣльными коллегіями, комиссіями и пр.²⁵⁾, но и дѣла этихъ

шимися здѣсь чужестранными министрами, и разсудили поступать въ томъ по прежнему порядку, а именно: кто когда пожелаетъ изъ чужестранныхъ министровъ имѣть конференцію, и тѣмъ адресоваться прежде къ канцлеру, и потомъ съ ними отправлять конференціи ему канцлеру и вице-канцлеру въ апартаментѣ иностранной коллегіи. А, по протоколамъ тѣмъ конференцій, представлять въ В. Т. Совѣтъ“; изъ черновыхъ протоколовъ видно, что „въ апартаментѣ иностранной коллегіи“ присутствовалъ герцогъ голштинскій (ib., стр. 54, пр. 1). Понятно, поэтому, что присутствіе этихъ лицъ было необходимо при обсужденіи дѣлъ иностранныхъ (ср. п. 8 „мнѣнія не въ указъ“, ib., стр. 94 сл., гдѣ прямо говорится, что коллегія иностранныхъ дѣлъ должна всегда „о предложеніяхъ тѣхъ министровъ Е. В. въ В. Т. Совѣтъ . . . доносить“.

24) К. И. Арсеньевъ „Царствованіе Петра II“. СПб. 1839, стр. 44 сл.; С. М. Соловьевъ Исторія Россіи, т. XIX, изд. 3, стр. 167 сл.

25) См. оглавленія къ изданнымъ нынѣ „протоколамъ, журналамъ и указамъ В. Т. Совѣта“—С б. И. О б щ., LV, LVI, LXIII, LXIX, LXXIX — *passim*.

отдѣльных вѣдомствъ рѣшаются Совѣтомъ въ присутствіи и, — насколько позволяютъ замѣтить это бумаги Совѣта — при болѣе или менѣе дѣятельномъ участіи членовъ-министровъ²⁶). „Е. И. Высочество изволилъ объявить мнѣніе свое“ или „челобитную“ такихъ-то (ib., LV, стр. 331, 340 и др.); „Свѣтлѣйшій князь (Меншиковъ) представилъ“ . . . (ib., стр. 362 сл.); „рейхсъ-маршалъ и ген.-фельдмаршалъ св. князь объявилъ“ (ib., LVI, стр. 89) или „предлагалъ“ (ib., стр. 570); или „по представленію канцлера гр. Головкина . . . написать протоколъ“ (ib., LXIII, стр. 45); или „барона Остермана мнѣніе . . . слушано“ (ib., стр. 60) или „слушано разсужденіе присутствующихъ въ В. Т. Совѣтѣ особъ“ (ib., 63 стр.) и т. д. — таковы немногіе примѣры, изъ массы имъ подобныхъ, которые обрисовываютъ предъ нами не только дѣятельность отдѣльных членовъ въ В. Т. Совѣтѣ, но чтó еще важнѣе — показываютъ, что, по болѣе части, эти „мнѣнія“ и „представленія“ и т. д. идутъ отъ отдѣльных членовъ Совѣта лишь по вопросамъ ихъ вѣдомства. Конечно, „по представленію свѣтлѣйшаго князя“ обсуждается вопросъ о переводѣ изъ одной мѣстности въ другую полковъ (ib., стр. 400) или о сборѣ рекрутъ (ib., стр. 70); или по „доношенію“ Остермана — дѣла о ямской канцеляріи (ib., стр. 579) и нѣмецкой почтѣ (ib., 72); конечно, по болѣе части въ присутствіи гр. Апраксина разсматриваются дѣла морскаго вѣдомства (ib., 194 сл.; ср. LV, стр. 173 и мн. др.)²⁷) или только

---

26) Интересно, что выраженіе „министры Тайнаго Совѣта“ нерѣдко встрѣчается въ журналахъ Совѣта — ib., LVI, стр. 85; сравн. также, ib., LV, стр. 4 и др. Иногда — члены В. Т. Совѣта называются просто **министрами**.

27) Этимиъ и объясняются такія записи журналовъ: „слушаны-же доношенія адмиралтейской коллегіи и отложены до прибытія генераль-адмирала“ (ib., LVI, стр. 176) и т. п.; ср. ib., стр. 311, гдѣ видно, что дѣла иностранныя начаты слушаться только по прибытіи одного изъ завѣдывающихъ ими, гр. Головкина.

по выслушаніи доношенія комиссіи о коммерціи рѣшаются дѣла о пошлинахъ и тарифѣ (ib., LXIII, стр. 604 сл.) и т. д., что и подтверждаетъ выше высказанное мнѣніе наше о В. Т. Совѣтѣ, какъ о своего родѣ Комитетѣ министровъ, въ которомъ, если не всегда неуклонно и послѣдовательно, то во всякомъ случаѣ довольно ясно, проводилась тенденція личнаго управленія, въ кругѣ дѣлъ даннаго вѣдомства.

Небезынтересно, далѣе, для общей характеристики учрежденія, отмѣтить еще слѣдующее. По пункту 4-му указа 8 Февр. 1726 г., коимъ учреждался В. Т. Совѣтъ, повелѣвалось: „к р ѣ п и т ь . . . протоколы, резолюціи всѣмъ назначеннымъ особамъ В. Т. Совѣта“ (VII, № 4830). На практикѣ дѣло сложилось такъ: присутствовавшіе въ засѣданіи члены крѣпили протоколы указовъ, состоявшихся при ихъ участіи (Сб. И. Общ., LV, стр. 76, 144, 179, 257 и др.; LVI, стр. 9, 23, 33, 71 и мн. др.); если кто-либо изъ нихъ въ засѣданіи этомъ не присутствовалъ, то протоколы доставлялись такому члену или на домъ (повидимому, въ наиболѣе важныхъ случаяхъ — ср., ib., LV, стр. 25; LXIII стр. 91 и др.), или подписывались имъ въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Совѣта. Напр., въ засѣданіи 25 Апрѣля 1726 г., Меншиковъ „слушалъ и крѣпилъ протоколы, которые въ неприсутствіе его крѣплены сего мѣсяца 22-го дня“ (ib., LV, стр. 224). Или, напр., въ журналѣ 14 Октября того-же года читаемъ, что „свѣт. князю объявленъ написанный указъ, о которомъ разсуждено въ прошедшее собраніе . . . о взятыхъ изъ военной, да изъ каморъ-коллегій вѣдомостяхъ, о сборѣ и расходѣ подушныхъ денегъ, и что оныхъ въ доимкѣ, который указъ его свѣтлость, выслушавъ, закрѣпилъ, а къ прочимъ (членамъ) для закрѣпы посланъ въ дома секретарь“. . . (ib., LVI, стр. 267); но упоминаемое здѣсь „прошедшее собраніе“ состоялось въ отсутствіе кн. Меншикова, герц. Голштинскаго и гр. Апраксина (ib., стр. 261), коимъ протоколъ и былъ предложенъ къ подписи уже потомъ. Или, напр., въ жур-

налъ 19 Дек. того-же года упоминается, что „слушаны“ такіе-то протоколы; затѣмъ „Его к. высочество прибылъ и вышписанные протоколы всѣ изволилъ крѣпить“ (ib., стр. 536), но между ними находятся и такіе, которые состоялись въ его отсутствіи, какъ это ясно изъ другихъ журналовъ (ib., стр. 527, 529, прот. № 3; стр. 510, прот. № 6). Интересно, однако, отмѣтить, что нерѣдки также обратные случаи отказа въ подписи протоколовъ со стороны членовъ, и притомъ не только тогда, когда они находили ихъ почему-либо несогласно съ ихъ мнѣніями составленными (см. напр., ib., стр. 268; LXIII, стр. 133, 436 и др.), но и вслѣдствіе ихъ отсутствія въ засѣданіяхъ В. Т. Совѣта (обыкновенно, въ случаѣ ихъ болѣзни, какъ это видно изъ журналовъ). Такъ, упомянутый выше журналъ Совѣта отъ 14 Октября отмѣчаетъ, что герцогъ Голштинскій, къ коему указъ о вѣдомостяхъ подушнаго сбора былъ посланъ для подписи, „того указа закрѣпить не изволили, а объявили, что-де, когда о томъ указѣ разсужденіе было, тогда (его) въ В. Т. Совѣтѣ въ присутствіи не было“ (ib.); въ журналъ 6 Октября находимъ свѣдѣніе, что кн. Меншиковъ не захотѣлъ крѣпить принесенныхъ ему на домъ оберъ-секретаремъ Масловымъ протоколовъ, на томъ основаніи, что „по тѣмъ дѣламъ рѣшеніе учинено въ не присутствіи его“, при чемъ добавилъ, что „ежели-де прочіе всѣ тѣ протоколы закрѣпять, то-бъ по нихъ указы отправлять и безъ его закрѣпы“ (ib., стр. 255); такой-же отвѣтъ былъ данъ въ другой разъ кн. Голицынымъ и б. Остерманомъ, соглашавшимися, чтобы вслѣдствіи ихъ болѣзни по указамъ „надлежащее дѣйство“ исполнялось и безъ ихъ подписей (ib., LXIII, стр. 92). Въ наиболѣе важныхъ случаяхъ, впрочемъ, и болѣзнь не спасала членовъ отъ необходимости дать свое „мнѣніе“ В. Т. Совѣту (см., напр., ib., 52), но это бывало, однако, рѣдко.

Сообразно съ яснымъ стремленіемъ Совѣта „крѣпить протоколы“, содержащіе указы, не всѣмъ членамъ, — какъ

того требовалъ п. 4 указа 8 Февр., а также и указъ 4 Августа 1726 г. (послѣдній запрещалъ вѣрить указамъ „безъ подписанія нашея собственныя руки и всего В. Т. Совѣта“ — *ib.*, LVI, стр. 14) — а лишь присутствующимъ въ В. Т. Совѣтѣ особамъ, мы и встрѣчаемъ указы Совѣта, подписанные почти постоянно только нѣсколькими членами (*ib.*, стр. 82, 92, 126, 131 и др.; LXIII, стр. 32, 56, 99 и мн. др.; LXIX, стр. 6, 82, 93, 99, 229 сл., 288 сл., и мн. др.), а не полнымъ составомъ В. Т. Совѣта. Это повело однажды даже къ „сомнѣнію“ Сената, возможно ли выполнять указъ, который присланъ „не за всѣхъ руками В. Т. Совѣта и не будетъ-ли отъ того противность, состоявшемуся указу Августа 4-го сего году (по вопросу о медленности рѣшенія Сенатомъ дѣла объ отдачѣ земли б. Остерману)?“ В. Т. Совѣтъ отвѣтилъ Сенату, что „о томъ протоколъ записанъ въ В. Т. Совѣтѣ и закрѣпленъ руками всѣхъ присутствующихъ особъ, а указъ присланъ за рукою одного дѣйст. ст. совѣтника В. Степанова“ (*ib.*, LVI, стр. 81). Обращаясь къ документамъ В. Т. Совѣта, мы видимъ, что указъ объ отдачѣ земли Остерману, по коему Сенатъ „умедлилъ“ рѣшеніемъ, былъ подписанъ только 3 членами — Меншиковымъ, Головкинымъ и Толстымъ (*ib.*, стр. 52) т. е. именно только тѣми членами, кои, дѣйствительно (кромѣ самого Остермана), присутствовали въ томъ засѣданіи, въ которомъ обсуждался вопросъ объ отдачѣ этой земли (*ib.*, стр. 50). Здѣсь, какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, — съ цѣлію, вѣроятно, болѣе быстрого разрѣшенія текущихъ дѣлъ — В. Т. Совѣтъ давалъ вышеприведеннымъ указамъ такую интерпретацію: „всѣ назначенные особы В. Т. Совѣта“ и „весь В. Т. Совѣтъ“ указовъ превратились лишь „въ присутствующихъ особъ“. По видимому, изъ приличія, указы доставлялись также и отсутствующимъ особамъ для подписи, которыя и разрѣшали „тѣ указы отправлять“ и „по нимъ дѣйство испол-

нять“ уже безъ этой подписи. Но это въ свою очередь, на нашъ взглядъ, служить указаніемъ, что, въ дѣйствительности, В. Т. Совѣтъ былъ лишь Совѣтомъ присутствующихъ министровъ, а не особымъ „коллегіумомъ“: нерѣдки случаи указовъ, подписанныхъ 4—3 (рѣдко — даже 2) членами (особенно, въ царствованіе Петра II, LXXIX, стр. 106, 108, 383, 385, 547; LXIX, стр. 6, 36, 177, 259, 337, 578, 723, 747 и др.), подобно тому, какъ нерѣдки засѣданія, состоявшія всего изъ 3—4 членовъ. Чтó Совѣтъ не былъ коллегіею, въ юридическомъ смыслѣ этого слова, на это указываетъ отсутствіе въ немъ голосованія. Дѣла рѣшались общимъ совѣтомъ всѣхъ присутствующихъ, при чемъ въ случаяхъ особенно важныхъ подавались отдѣльныя мнѣнія; обычно, предложенія и мнѣнія министровъ, по вопросамъ ихъ компетенціи, принимались въ основаніе сужденія. Конечно, отъ этого дѣлались постоянно отступленія; дѣлопроизводство Совѣта вообще не имѣло строго-юридическаго характера, но тенденція дѣятельности В. Т. Совѣта, въ цѣломъ, представляется намъ именно такою, какою мы старались обрисовать ее выше, на основаніи дѣлопроизводства самого В. Т. Совѣта.

Въ какомъ отношеніи стоялъ В. Т. Совѣтъ къ императорской власти? Нами частію уже приводились выше указы, коими опредѣлялось это отношеніе *de jure*; но, когда дѣло идетъ объ учрежденіи не столько юридическаго, сколько политическаго характера, недостаточно однѣхъ ссылокъ на законодательство; необходимо разсмотрѣть, какъ опредѣлялись эти отношенія *de facto*. Прежде всего укажемъ для этого, въ какихъ внѣшнихъ формахъ выразились эти отношенія, а затѣмъ, изслѣдуемъ внутреннее содержаніе ихъ, насколько послѣднее выразилось въ самостоятельной законодательной дѣятельности Совѣта.

Въ литературѣ нашей, В. Т. Совѣтъ считается первымъ учрежденіемъ, коимъ въ XVIII вѣкѣ открывался рядъ

„спеціальныхъ совѣтовъ“ — „при особѣ Государя“²⁸⁾. Таково было, несомнѣнно, официальное назначеніе В. Т. Совѣта, какъ оно прямо обозначено указомъ 8 Февраля 1726 г. (VII, № 4830), который былъ прочитанъ 10 Февр. канцлеромъ Головкинымъ „всему собранію“ Тайнаго Совѣта и „въ которомъ Ея В. изволила, ради изображенныхъ въ томъ указѣ резоновъ, учредить — съ нынѣшняго времени при дворѣ Е. В., какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ важныхъ дѣлъ, В. Т. Совѣтъ, при которомъ Ея В. сама присутствовать изволить“ (Сб. И. Общ., LV, стр. 1); таково было и назначеніе Кабинета Анны Иоанновны²⁹⁾. Но не касаясь пока значенія Кабинета, по отношенію къ В. Т. Совѣту замѣтимъ, что характеристика его только, какъ Совѣта „при особѣ Государя“ будетъ нѣсколько узка — ею будетъ выражаться только одна сторона дѣятельности учрежденія — въ непосредственной близости отъ Государыни. Однако, уже современники отмѣтили другую — учрежденіе, дѣйствующее „подъ именемъ Царицы“ („sous le nom de la Czarine“) сдѣлается затѣмъ, въ сущности, истиннымъ господиномъ положенія („serait proprement le maître de toutes les résolutions“); „именемъ царицы“ („au nom de la Czarine“) оно „будетъ рѣшать всѣ важныя дѣла, станетъ отдавать приказанія всѣмъ прочимъ коллегіямъ“³⁰⁾. Это, въ дѣйствительности, и достигается В. Т. Совѣтомъ — сначала именемъ Царицы, а затѣмъ и Петра II³⁾ — онъ править

---

28) В. И. Сергѣевичъ „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русск. права“. СПб. 1883, стр. 840 сл.

29) „Понеже Мы, для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, къ собственному нашему . . . рѣшенію подлежащихъ, заблагоразсудили учредить при Дворѣ, Нашемъ Кабинетъ“. . . (VIII, № 5871).

30) Донесенія Кампредона отъ 23 Февр. 1726 г. (Сб. И. Общ., LXIV, стр. 254 сл.).

31) О времени правленія В. Т. Совѣта при Петрѣ II, см. донесенія

государствомъ въ лицѣ тѣхъ немногихъ, коимъ удастся захватить въ немъ власть и вліяніе. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности для уясненія сказаннаго.

Журналы и протоколы В. Т. Совѣта сохранили для потомства довольно интересный матеріалъ для сужденія объ отношеніи учрежденія къ верховной власти. Въ первое полугодіе основанія Совѣта Императрица довольно часто сама присутствовала въ его засѣданіяхъ³²⁾; затѣмъ члены Совѣта, либо *in corpore*, либо отдѣльно, являлись постоянно съ докладами Совѣта къ Императрицѣ и выслушивали отъ нея именныя указы, по бѣльшей части, конечно, подсказанные наиболѣе вліятельными членами того-же Совѣта; впрочемъ, уже бѣглый обзоръ именныхъ указовъ, сравнительно съ указами, прошедшими черезъ В. Т. Совѣтъ, ясно показываетъ, что, за немногими исключеніями, центръ законодательной правительствующей дѣятельности былъ въ рукахъ Совѣта, какъ въ царствованіе Екатерины I, такъ еще болѣе въ царствованіе Петра II³³⁾. Что-же касается сношеній В. Т. Совѣта съ Императрицею, то объ этомъ, напр., читаемъ слѣдующее: „были у Е. И. В. въ дому В. Т. Совѣта учрежденные особы . . .³⁴⁾; при томъ донесено (о томъ-то)

Маньяна, *ib.*, LXXV, стр. 102 сл.; 310 сл.; — Лефорта, *ib.*, III, стр. 485 сл.; 500 сл.

32) *ib.*, LV, стр. 4, 28, 261, 304, 355, 372, 402, 462; LVI, стр. 10, 22, 46, 63, 583 (протоколы Совѣта за 1826 г., 1-ую и 2-ую половину); въ 1727 г., до дня кончины 6 Мая, Императрица ни разу не присутствовала въ засѣданіяхъ В. Т. Совѣта (*ib.*, LXIII, стр. 1—473).

33) Ср. Опись Сен. Арх., указы подъ №№ 1639—3671; здѣсь отмѣчено, подъ каждымъ указомъ, является-ли онъ именнымъ указомъ или указомъ Е. И. В., состоявшимся въ В. Т. Совѣтъ; сравнивая эту Опись съ изданными нынѣ журналами и протоколами, гдѣ содержатся всѣ почти эти указы цѣликомъ, легко видѣть, какъ развивалась постепенно дѣятельность учрежденія и какъ „именемъ Царицы“, а затѣмъ еще болѣе — именемъ Петра II, В. Т. Совѣтъ вполнѣ безгранично правилъ, если не всегда *de jure*, то *de facto* государствомъ, въ лицѣ то Меншикова, то Остермана или Долгорукихъ и Д. М. Голицына.

34) Журналъ Совѣта отъ 23 Февраля 1726 г. (*ib.*, LV, стр. 58) описываетъ такъ засѣданіе В. Т. Совѣта „при дворѣ Е. В.“, какъ требовалъ

словесно Е. Величеству“ . . . (ib., LV, стр. 28); или „пришелъ тайный кабинетъ-секретарь Алексѣй Макаровъ и объявилъ въ В. Т. Совѣтѣ указомъ Е. И. Величества словесно“ (о томъ-то). Указы, кромѣ Макарова³⁵), нерѣдко объявлялись гр. Толстымъ, Меншиковымъ (ib., 35, 41, 43, 49, 86 и др.), герцогомъ Голштинскимъ (ib., 126 стр.), Остерманомъ (ib., стр. 161 и др.) и др.³⁶) Иногда, далѣе, сами члены В. Т. Совѣта просили о принятіи ихъ Императрицею. Такъ, 30 Марта 1726 г., „будучи въ собраніи,

указъ 8 Февраля: „1726 года Февраля 23-го, было собраніе В. Т. Совѣта во дворѣ Ея Императорскаго Величества. Во опредѣленномъ апартamentѣ въ каморѣ поставлены балдахинъ и кресла для Ея Императорскаго Величества. Присутствовалъ въ ономъ его королевское высочество герц. Голштинскій и при немъ прочіе персоны того тайнаго совѣта, кромѣ генерала фельдъ-маршала свѣтлѣйшаго князя Меншикова и вице-канцлера и т. д. совѣтника барона Остермана. Его к. в. сидѣлъ на правой сторонѣ стола на первомъ стулѣ, а прочіе при томъ-же столѣ по своимъ мѣстамъ“. . . ; или — „Мая въ 23-ій день были въ В. Т. Совѣтѣ въ лѣтнемъ Ея И. В. дворѣ, въ новыхъ палатахъ“ (ib., стр. 300). Иногда Совѣтъ собирався въ мѣстѣ резиденціи Императрицы — напр. въ Петертофф (ib., LVI, стр. 46).

35) Макаровъ-же посылался „ради донесенія“ съ мнѣніями В. Т. Совѣта къ Императрицѣ и приносилъ ея „апробаціи“ (ib., стр. 76, 83, 87, 96 и др.); иногда это исполнялось д. т. совѣтникомъ Степановымъ, скрѣплявшимъ указы В. Т. Совѣта своею подписью (ib., стр. 129 и др.). Въ засѣданіи Совѣта 31 Марта было, впрочемъ, — какъ читаемъ въ журналѣ, ему, „г. Макарову говорено, чтобъ онъ взялъ нѣкоторые къ докладу Ея Величеству надлежащія дѣла, и онъ въ томъ отчасти (?) отговаривался, представляя, что Е. В. уже повелѣла, какъ онъ прежде объявлялъ, приходить къ себѣ господину барону Остерману, или Василью Степанову, и доносить себѣ о чемъ надлежитъ“ (ib., стр. 161); но и послѣ этого видимъ Макарова, докладывающимъ Императрицѣ мнѣнія Совѣта (ib., стр. 175, 178, 341 и др.), что исполняется также и Степановымъ (ib., LVI, стр. 259, 355 и др.; LXIII, стр. 149 и др.); при Петрѣ II посылался съ доношеніями В. Т. Совѣта оберъ-секретарь Юрьевъ (ib., стр. 673 и др.) и др. лица.

36) Напр. въ протоколѣ отъ 9 Ноября 1726 г. читаемъ: „ввечеру были у Ея И. В. изъ В. Т. Совѣта: его к. высочество, канцлеръ г. графъ Головкинъ, д. с. с. Степановъ и доносили о внутреннихъ дѣлахъ“ (ib., LVI, стр. 355) и т. д.; отъ 23 Декабря читаемъ: „у Е. И. В. были всѣ учрежденныя особы въ В. Т. Совѣтѣ и доносили о вѣншихъ дѣлахъ“ (ib., стр. 583); — отъ 10 Янв. слѣдующаго года: „были у

ПРОЕКТИВИЗМЪ И ПЕРСОНАЛИЗМЪ

ВЪ

МЕТАФИЗИКЪ ЛОТЦЕ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

проф. ЯКОВА ОЗЕ.

Введение.

Въ разработкѣ исторіи философіи появленіе Гегеля знаменуетъ собою поворотный пунктъ. Изъ собранія антикварныхъ замѣтокъ онъ хотѣлъ возвысить эту дисциплину до степени важной составной части самой философіи, понимая подъ послѣднею самопознаніе духа. Слѣдовало устранить банальный предразсудокъ, будто-бы дѣянія, которыя составляютъ содержаніе этой исторіи, остались только въ воспоминаніи, гдѣ мы встрѣчали-бы ихъ просто въ качествѣ картинъ минувшаго. вмѣстѣ съ симъ слѣдовало пробудить увѣренность въ томъ, что эти дѣянія и теперь еще имѣютъ значеніе настоящаго и настолько-же живы, какъ и въ пору своего появленія, ибо элементъ, въ которомъ они сохраняются, должно усматривать въ мышленіи, непреходящей сущности духа ¹⁾).

Но несостоятельныя построенія, которыя примкнули къ гегелевому основоозрѣнію, а главнымъ образомъ, попытки, предпринятыя съ цѣлію изложить всю исторію философіи въ видѣ иллюстраціи діалектическаго развитія гегелевой системы, и въ связи съ тѣмъ, показать необходимость даже хронологической послѣдовательности различныхъ мыслителей, представляли много слабыхъ сторонъ, легко доступныхъ для нападеній критики, и повели къ тому, что вскорѣ всякимъ

---

1) См. Hegel's Werke, Bd. XIII, p. 50 ss.

умозрительнымъ тенденціямъ былъ закрытъ доступъ въ исторію философіи. Противъ пострoitельнаго произвола было поднято требованіе исторической объективности; въ противоположность доказуемой необходимости стали указывать на случайность, съ какою должны были дѣйствовать индивиды въ силу конечности своихъ воли и разсудка; а если-де изъ столкновенія и борьбы этихъ единичныхъ дѣяній въ концѣ концовъ все-таки получается въ общемъ закономѣрное теченіе, то не только частности этого теченія, но и цѣлое ни въ одномъ моментѣ своемъ не можетъ считаться необходимымъ ¹⁾).

Кто станетъ опровергать основательность такого нападенія на притязанія Гегеля? Кто съ другой стороны не увидитъ, что эти попытки эмансипироваться отъ Гегеля черезчуръ выдвинули на первый планъ чисто „ученую“ ²⁾ обработку исторіи философіи? Періодъ увлеченія построеніями скоро смѣнился эпохою, когда философскія ученія стали довольно часто обрабатываться опять лишь въ качествѣ интересныхъ древностей: причемъ оставлялись въ сторонѣ всякіе намеки на то, что философія во всѣ времена трудилась надъ проблемами, которыя постоянно живутъ въ человѣческомъ духѣ, и потому и понынѣ еще сохраняются во всѣхъ мыслящихъ умахъ. Все болѣе и болѣе укрѣплялось воззрѣніе, что познающій духъ есть не что иное, какъ просто зеркало, назначеніе коего состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно правильнѣе отражать историческую эволюцію; объективность-же историческаго познанія несовмѣстима-де съ умозрительнымъ толкованіемъ исторіи.

И теперь еще есть опасность, какъ-бы отвращеніе къ произвольностямъ пострoitельнаго писанія исторіи философіи не дошло до отрицанія всякаго носящаго умозрительный характеръ стремленія въ этой области; можно бояться, чтобы

1) См. Zeller, Philos. der Griechen, 4 Aufl., Bd. I, p. 16.

2) См. Hegel's Werke, Bd. XIII. p. 23.

въ этомъ отношеніи подобное смѣшеніе понятій не окрѣпло въ предразсудокъ, какъ то случилось съ болышею частью естествоиспытателей нашего вѣка, которые никакъ не хотѣли признавать философіи потому только, что не отличали философіи отъ шеллинговой натурфилософіи.

Къ справедливому сужденію объ этомъ предметѣ можетъ привести насъ только тщательное различеніе точекъ зрѣнія, съ какихъ исторія философіи можетъ быть изслѣдуема и излагаема. Намъ придется здѣсь различить три группы задачъ и соотвѣтственныхъ методъ, какія могутъ быть примѣняемы въ данной области.

Первую ступень обработки можно назвать описательнымъ изложеніемъ. „Прежде всего должно быть установлено, чему на самомъ дѣлѣ учили философы, о которыхъ мы знаемъ“ ¹⁾ т. е. прежде всего мы должны стараться установить свойственные исторіи философіи факты, чтобы вообще быть въ состояніи придти потомъ къ какимъ-либо познаніямъ и заключеніямъ. Очевидно, эта задача можетъ быть исполнена только путемъ примѣненія строго филологическихъ методъ при критикѣ источниковъ, интерпретаціи и т. д., такъ что здѣсь съ самаго начала исключается право на существованіе какого-бы то ни было апіорнаго построенія. На этой ступени изслѣдованіе носитъ чисто эмпирический характеръ; а принципиальное сохраненіе его придаетъ изслѣдованію видъ такъ называемой исторической объективности.

Равнымъ образомъ здѣсь нѣтъ мѣрила для сужденія о томъ, чтó велико и важно, а чтó должно считаться малымъ и незначительнымъ: все удостоивается одинаковой обработки. Впрочемъ при описательномъ изложеніи это не только извинительно, но даже и прямо требуется, ибо только при возможно болышей неограниченности взгляда и при

1) См. Archiv für Gesch. d. Philos., Bd. I, Heft 1, p. 4 (Zeller).

предварительномъ отказѣ отъ всякихъ другихъ цѣлей познанія можно добиться чистой выработки фактовъ.

Изслѣдованіе на этой ступени обращаетъ оружіе своей полемики на двѣ стороны: во-первыхъ противъ некритической компиляціи и противъ того рода наивнаго писанія исторіи, какой свойственъ различнымъ сборникамъ древняго и отчасти новаго времени, во-вторыхъ противъ псевдоумозрительныхъ построеній, въ какихъ провинился тотъ-же Гегель.

Въ разработкѣ исторіи философіи этого характера стяжали себѣ большія заслуги Целлеръ и его школа.

Если оставаться при описательномъ изложеніи и только за одной этой точкою зрѣнія признавать право существованія, то не получится исторіи философіи, а скорѣе исторія философовъ ¹⁾, и то лишь въ смыслѣ сопоставленныхъ біографій. За этою первою ступенью обработки идетъ уже сравнительное изслѣдованіе, примѣненіе коего даетъ исторію понятій.

Что можетъ быть естественнѣе, какъ поставить въ соотношеніе другъ съ другомъ своды ученій, которыя на основаніи филолого-исторической критики приписываются извѣстнымъ мыслителямъ, сначала хотя-бы просто съ точки зрѣнія сходства и различія? къ этому примыкаетъ требованіе, при установленномъ сходствѣ искать и пути возможной исторической связи. Для рѣшенія этой задачи отдѣльные своды ученій необходимо должны быть разложены на элементы, т. е. понятія, изъ коихъ они составлены. Этимъ опредѣляется первая и ближайшая соотносительная работа надъ философскими ученіями, а именно сравненіе понятій, установленіе ихъ сходства или тождества съ цѣлію исторической координаціи ихъ.

---

1) См. Leibniz, Epist. ad Jac. Thomasium, Erdm., p. 48. Non philosophorum, sed philosophiae historiam. . . .

Здѣсь-же содержится и то, что обыкновенно именуется объясненіемъ историческихъ фактовъ въ смыслѣ указанія причинной зависимости. Нельзя лишь при этомъ забывать слѣдующаго: не только всякое телеологическое построение исторіи въ смыслѣ гегелевой школы должно быть отвергнуто, какъ несостоятельное (что теперь общепризнано), но и не менѣе опасно задачею изслѣдованія ставить построение исторіи изъ дѣйствующихъ а *tergo* силъ, ибо при этомъ мы впадаемъ въ область принциповъ, выработанныхъ ради задачъ естественныхъ наукъ, а слѣдовательно становимся повинны въ неточной аналогіи.

Прежде всего исторія философіи въ видѣ исторіи понятій даетъ намъ руководство къ справедливой оцѣнкѣ ея героевъ, и помогаетъ намъ въ новыхъ системахъ открывать наслѣдіе прошлаго. Различеніемъ того, что у отдѣльных мыслителей является унаслѣдованнымъ добромъ, а что благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, дается масштабъ, позволяющій выдѣлить настоящихъ производителей изъ толпы посредниковъ. Тогда какъ при описательномъ изложеніи вся масса тѣхъ, имена коихъ вообще дошли до насъ, разсматривается совершенно безо всякаго различія, — число тѣхъ философовъ, за коими сравнительное изслѣдованіе можетъ признать заслугу нахожденія новыхъ точекъ зрѣнія, сильно сокращается; за то въ научномъ изложеніи они выступаютъ въ качествѣ аристократическаго меньшинства со всѣми своими преимуществами.

Съ другой стороны то-же самое соображеніе приводитъ къ оцѣнкѣ значенія исторіи понятій для образованія правильнаго взгляда на настоящее. Привычка къ впечатлѣніямъ, даваемымъ намъ преимущественно новѣйшею исторіею естественныхъ наукъ, позволяла часто возрождаться предразсудку, будто-бы и въ области философіи можно констатировать непрерывный прогрессъ, будто-бы система самая новая по времени и — самая новая по содержанію. Этому

соотвѣствовало также извѣстное мнѣніе Гегеля, будто бы понятія развивались, какъ и органическія существа, такимъ путемъ, что прежняя форма въ качествѣ момента поглощалась въ позднѣйшей, и что въ этомъ развитіи можно усмотрѣть прогрессъ, соотвѣтствующій логической послѣдовательности понятій. Противъ такого взгляда исторія понятій представляетъ лучшее средство; она поучаетъ насъ, что нѣкоторыя системы, далеко раздѣленные другъ отъ друга временемъ, приходится ставить на ряду, что напр. о Гегелѣ нужно говорить въ связи съ Платономъ и Аристотелемъ, о нѣкоторыхъ отгѣнкахъ позитивизма въ связи съ Протагоромъ и т. д. Конечно, исторія философіи получила-бы очень странный видъ, если-бы ее представить въ такомъ изложеніи, которое совершенно послѣдовательно руководилось-бы результатами изслѣдованій по исторіи понятій; при этомъ также могло-бы обнаружиться, что философію по истинѣ новѣйшую пришлось-бы искать въ прошломъ, далеко за настоящимъ, такъ какъ хронологическое положеніе философскаго ученія не позволяетъ вѣдь дѣлать никакихъ заключеній о важности его для успѣха философіи. Въ сущности-же такое изложеніе могло-бы показаться страннымъ только на первый поверхностный взглядъ.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ нѣтъ надобности изслѣдовать подробно, насколько съ исторіею понятій идетъ рука объ руку исторія терминовъ, и насколько строго съ другой стороны нужно различать между собою оба ряда развитія; ибо напр. мы можемъ имѣть самыя прекрасныя свѣдѣнія относительно пути, какимъ опредѣленный терминъ вошелъ въ употребленіе у даннаго философа, но при томъ не имѣть отъ этого ни малѣйшей пользы для пониманія возникновенія соотвѣтствующаго понятія.

Врядъ-ли требуется особенное указаніе, что непозволительнымъ суженіемъ кругозора изслѣдованія было-бы въ исторіи понятій имѣть въ виду исключительно философовъ въ узкомъ смыслѣ слова; въ

интересахъ научной объективности слѣдуетъ требовать, чтобы по мѣрѣ возможности всѣ личности, равно какъ всѣ области жизни, съ которыми въ какой-либо связи стоятъ происхожденіе или измѣненіе понятія, принимались въ соображеніе и подвергались оцѣнкѣ по степени своего участія.

Съ этой стороны для исторіи философіи имѣли выдающееся значеніе работы Тейхмюллера, преимущественно его изслѣдованія объ отношеніяхъ Аристотеля и Платона; также и его многочисленныя указанія на зависимость новаго идеализма отъ древнихъ системъ способны дать плодотворный починъ для дальнѣйшихъ специальныхъ изслѣдованій.

Въ предыдущемъ изложеніи были очерчены границы области чисто историческихъ задачъ относительно философскихъ ученій; ибо чего еще можно требовать, кромѣ разысканія единичныхъ фактовъ и изслѣдованія существующихъ между ними отношеній, т. е. кромѣ знанія источниковъ, достигаемаго помощью филологической критики и интерпретаціи, и пониманія взаимнаго родства и зависимости между понятіями и системами? На этихъ эмпирическихъ задачахъ пришлось - бы и остановиться, если - бы познающій исторію духъ необходимо ограничивался простымъ отображеніемъ въ себѣ историческаго развитія философіи, какъ внѣшняго процесса, не познаваемаго со стороны собственныхъ мотивовъ. Но скоро пришлось-бы ему замѣтить, что рѣчь идетъ объ его собственныхъ интересахъ, и что въ этой области нѣтъ событій, субъекты коихъ обладали - бы чуждою не проницаемою для духа природою. Однимъ словомъ, мы сознаемъ, что въ глубинѣ историческихъ фактовъ лежатъ мотивы, которые оказываются дѣятельными въ насъ самихъ.

Отсюда прежде всего рождается общее требованіе психологической интерпретаціи данныхъ. Эта задача встрѣчается намъ во всѣхъ областяхъ исторіи и поэтому не можетъ быть характерною для занимающаго насъ

болѣе узкаго круга : во всѣхъ событіяхъ исторіи намъ приходится узнавать при помощи заключенія по аналогіи процессы, переживаемые въ собственномъ духѣ.

Въ исторіи философіи мы имѣемъ дѣло не съ простыми комплексами понятій, возникшими подъ давленіемъ ассоціаціи идей ; напротивъ : предъ нами выступаютъ опредѣленные міровоззрѣнія, которыя оказываются координаціями понятій, съ необходимостію получающимися съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія , и поэтому принимающими характеръ системы. Такимъ образомъ нашу задачу становится уловить специфическіе мотивы мысли каждой точки зрѣнія, и затѣмъ въ строгой координаціи съ мотивомъ или принципомъ, свести въ живой реконструкціи соотвѣтственные понятія и ихъ соединенія къ системѣ. Въ этомъ смыслѣ нужно углубить вышеуказанную психологическую интерпретацію, которая возможна потому, что во всѣхъ насъ проявляется одна и та-же природа мыслящаго духа, и отдѣльный мыслитель не подлежитъ особымъ законамъ мышленія ; ибо при достаточной высотѣ точки зрѣнія можно представить себѣ въ собственномъ духѣ особенность и предѣлы различныхъ системъ по ихъ соотносительнымъ точкамъ и основаніямъ соотношенія. Если-же мы съ указанныхъ точекъ зрѣнія станемъ анализировать ученія отдѣльныхъ философовъ, то скоро окажется, что многія данныя въ исторіи системы вовсе не созданы съ одной опредѣленной точки зрѣнія, что онѣ часто соединяють въ себѣ разнородные мотивы мысли, и поэтому не могутъ быть разсматриваемы, какъ системы въ строгомъ смыслѣ слова ; и это относится не только къ внѣшнему эклектизму, который собственно не принадлежитъ къ области философіи, но вообще къ каждому философскому ученію, поскольку оно, хотя и выработано самостоятельно , все-таки состоитъ изъ обрывковъ различныхъ системъ координатъ. Идеальное рѣшеніе возникающей здѣсь задачи состояло-бы въ томъ, чтобы съ выс-

шей точки зрѣнія представить спекулятивно-апріорное дѣленіе всѣхъ возможныхъ философскихъ системъ, уловить присущій каждой изъ нихъ мотивъ мысли, и для каждаго мотива вывести соотвѣтственную ему систему понятій; а за этимъ послѣдовало-бы сравненіе такой идеальной скалы философскихъ точекъ зрѣнія съ данными въ исторіи ученіями ¹⁾).

На основаніи подобнаго сравненія можно было-бы съ точностью опредѣлить характеръ каждой системы и произнести сужденіе относительно ея философской цѣнности, а именно, поскольку въ ней можно усмотрѣть типическое и послѣдовательное проведеніе одной изъ философскихъ точекъ зрѣнія, откуда сама собою опредѣлялась-бы степень приближенія къ тому умозрительному знанію, которое для произносящаго сужденіе историка является послѣднимъ словомъ истины. Впрочемъ, это требованіе въ извѣстномъ смыслѣ давно уже признано правомѣрнымъ, ибо всякая сколько-нибудь глубокая обработка исторіи философіи подвергаетъ историческія системы испытанію, нѣтъ-ли въ нихъ непослѣдовательности и внутреннихъ противорѣчій; а это возможно лишь такимъ образомъ, что понятія, соотнесенныя съ принципомъ, сравниваются со слѣдствіями, которыя къ нему присоединилъ самъ творецъ даннаго въ исторіи ученія, причемъ между обоими рядами оказывается совпаденіе или несовпаденіе. Если при этомъ не руководствоваться просто чувствомъ извѣстнаго такта, а слѣдовать болѣе строгой методъ, то мы сами собою вернемся къ выше-намѣченной задачѣ выдѣлить какбы химическимъ образомъ типическія точки зрѣнія, съ которыхъ соотвѣтственныя понятія съ внутреннею необходимостію соединялись-бы другъ съ другомъ въ видѣ координатъ; этимъ полагалось-бы основаніе для изслѣдованія, насколько извѣстный философъ удовлетворялъ своему мотиву мышленія, и насколько выра-

---

1) См. Teichmüller, Religionsphilosophie, p. 329, 402, 406.

боткѣ координатъ, совмѣстимыхъ другъ съ другомъ, препятствовала историческая зависимость или индивидуальная слабость мышленія вообще. Одинъ только анализъ съ этой точки зрѣнія можетъ доставить фактамъ, добытымъ описательною и сравнительною обработкою, объясненіе въ высказанномъ смыслѣ, потому что онъ даетъ намъ возможность познать необходимость соединенія элементовъ, связанныхъ въ философскихъ ученіяхъ. Тогда послѣднія не могутъ имѣть видъ простыхъ агрегатовъ понятій, сбитыхъ въ кучу случаевъ, и допускавшихъ объясненіе только въ смыслѣ описанія историческихъ обстоятельствъ, при которыхъ они возникли.

Въ отличіе отъ двухъ выше характеризованныхъ методовъ разработки исторіи философіи эта послѣдняя ступень можетъ быть названа умозрительною. Она предполагаетъ обѣ прежнія ступени и вообще безъ нихъ не можетъ обойтись. Совершенно неосновательнымъ является опасеніе, какъ-бы эта метода не повредила исторической объективности, ибо здѣсь идетъ дѣло не объ апріорномъ построеніи историческихъ фактовъ, а только объ адекватномъ пониманіи и объясненіи умозрительнаго содержанія.

Въ заключеніе я позволю себѣ указать на подходящий примѣръ. Въ своихъ „Этюдахъ къ исторіи понятій“ Тейхмюллеръ первый обратилъ вниманіе знатоковъ Платона на то, что съ платоновыми принципами, носящими идеалистически-пантеистическій характеръ, не совмѣщается безсмертіе индивидуальной души. Не смотря на это, достовѣрно извѣстно, что Платонъ проповѣдовалъ безсмертіе въ качествѣ важнаго ученія. Отсюда непосредственно выросла задача, слѣдуетъ-ли навязывать Платону діалектическую слабость, обнаружившуюся въ томъ, что онъ самъ не замѣтилъ противорѣчія между своимъ пантеистическимъ міровоззрѣніемъ и принятіемъ индивидуальныхъ субстанцій, или-же не можемъ-ли мы у него самого найти указанія насчетъ мѣста, куда отнести безсмертіе. Какъ извѣстно, Тейхмюллеръ для объясненія просто кажущихся противорѣчій привелъ платонову

ортодоксію (*ὀρθὴ δόξα*) ; такимъ образомъ онъ спасъ діалектическую честь Платона и открылъ вѣрную перспективу для оцѣнки позднѣйшаго платонизма. Платонъ, какъ діалектикъ, знать не знаетъ продленія существованія души по смерти, но какъ политикъ и педагогъ , непремѣнно требуетъ вѣры въ это со стороны остающихся въ *δόξα*, т. е. большинства гражданъ своего государства. Для этого пониманія и находящіеся въ діалогахъ рассказы о существованіи души до и послѣ тѣлесной жизни являются отнюдь не безцѣльными сказками, но совершенно правильными членами символа вѣры. Эта точка зрѣнія, имѣвшая важныя послѣдствія относительно пониманія Платона, получилась изъ постановки возможныхъ заключеній съ пантеистической точки зрѣнія и сравненія таковыхъ съ имѣющимся на лицо комплексомъ платонова ученія.

Обращаясь къ выше характеризованному , хотя и въ общихъ чертахъ, методамъ разработки исторіи философіи, мы придемъ къ заключенію, что за всѣми тремя, какъ за описательно - излагающею, такъ и за сравнительною и умозрительною методою, нужно признать полное право на существованіе. И здѣсь важно строго различать разнообразныя задачи и беречься, чтобы одна область не стремилась присвоить себѣ единодержавіе надъ другими. Филологическо-описательная и сравнительная методы изслѣдованія имѣютъ цѣлю вывести на свѣтъ потонувшіе во мракѣ прошлаго организмы мыслей; проникая въ ихъ внутренность, умозрительное пониманіе обнаруживаетъ затѣмъ суставы и жилы, недоступныя для внѣшняго наблюденія, и судить объ ихъ значеніи. Само собою понятно, что въ монографіи объ отдѣльномъ философѣ разобранныя выше методы не могли быть примѣнены въ такой разносторонности и въ одинаковой взаимной связи, какъ это можно-бы сдѣлать при обработкѣ всей исторіи философіи или большого отдѣла изъ нея, хотя я съ своей стороны старался по возможности удовлетворить требованіямъ всѣхъ указанныхъ методъ.

Обоими выражениями : „проективизмъ“ и „персонализмъ“ я желалъ намѣтить точку зрѣнія, съ какой слѣдуетъ браться за анализъ метафизики Лотце, чтобы опредѣлить собственные мотивы и умозрительную цѣнность ея. Правда, Лотце самъ не употреблялъ указанныхъ терминовъ, но послѣдующее изложеніе представитъ доказательство, что они созданы въ духѣ Лотце, и особенно годятся для краткаго обозначенія подразумѣваемыхъ подъ ними воззрѣній.

Къ объясненію этихъ выраженій прибавимъ слѣдующее.

Какъ только наше я въ представленіяхъ, которыя оно въ формѣ внѣшняго міра перенесло изъ себя наружу, познаетъ продукты собственной дѣятельности и въ этомъ смыслѣ начинаетъ принимать ихъ обратно въ себя, оно становится на почву критическаго разсмотрѣнія міра. Противоположностью такому является проективизмъ : этимъ терминомъ мы можемъ обозначить всѣ міровоззрѣнія, стоящія на некритической почвѣ, въ которыхъ состоянія и образы дѣятельности сознанія, какъ-то ощущенія, представленія и понятія, выносятся наружу и сгущаются въ міръ независимыхъ отъ субъекта предметовъ и существъ. А именно : наше я, не будучи въ состояніи свести къ собственной волѣ появленіе и исчезаніе чувственныхъ впечатлѣній, на которыя въ началѣ почти исключительно обращено его вниманіе, и сознавая, что чувственное воспріятіе для полнаго объясненія своего требуетъ признанія независимыхъ отъ насъ причинъ, пытается выразить это свое первоначальное сознаніе въ томъ, что оно противопоставляетъ самому себѣ комплексы собственныхъ ощущеній, какъ связанный міръ отдѣльныхъ предметовъ, и приписываетъ ему самостоятельное существованіе ¹⁾. Этотъ міръ образовъ, построенный изъ разнообразныхъ чувственныхъ впечатлѣній, является вмѣстѣ

---

1) См. Teichmüller, Die wirkliche und die scheinbare Welt, p. 82 ss.

съ тѣмъ ближайшимъ предметомъ, на который обращается рефлексія пробудившагося къ мыслительной дѣятельности субъекта. Этимъ вызывается естественное стремленіе, вынести изъ сознанія также и форму и результаты мышленія, равно какъ данные въ ощущеніяхъ факты, и подыскать имъ помѣщеніе внѣ нашего я. Посему проекція не ограничивается только соединенными въ представленіяхъ ощущеніями, но распространяется также и на понятія.

Но какъ только пріобрѣтается познаніе, что ни представленія, ни понятія никакъ нельзя субстанціировать, — ибо они суть лишь акциденціи на ощущающемъ и мыслящемъ субъектѣ, — что скорѣе весь міръ образовъ можетъ считаться только психологически необходимымъ призракомъ (Schein), этимъ самымъ произносится приговоръ надъ проективизмомъ. И только послѣ того, какъ субъектъ обратно принялъ призрачный міръ въ себя, единственно возможное мѣсто существованія его, разумъ можетъ выйти на поиски міра дѣйствительнаго. Но не сразу духъ добивается міровоззрѣнія чистаго отъ проективныхъ подмѣсей. Можно различать нѣсколько стадій постепеннаго приближенія къ истинно критической философіи, которая признаетъ наше я съ его содержаніемъ не только первоначальнымъ даннымъ, но и единственною истинною субстанціею. Исходя изъ наивнаго проективизма, познаніе, какъ покажетъ дальнѣйшее изложеніе, переходитъ къ идеалистическому, а потомъ къ физическому проективизму, чтобы, преодолевъ эти міровоззрѣнія, открыть себѣ доступъ къ критико-персоналистической метафизикѣ.

Для установленія и различенія этихъ стадій развитія познающаго духа Лотце доставляетъ богатый матеріалъ. Изслѣдованіе его сочиненій съ этой точки зрѣнія обѣщаетъ плоды въ тройномъ отношеніи. Во первыхъ разрозненные и не соединимыя на первый взглядъ составныя части философіи Лотце, благодаря идеѣ методическаго преодоленія проективизма въ цѣляхъ построенія персоналистической метафи-

зики, получаютъ единство и связь. Во вторыхъ такимъ изложеніемъ мы приобретаемъ возможность справедливой, независящей отъ произвольно взятой точки зрѣнія критики строя мыслей Лотце : а именно, мы должны установить, соотвѣтствуютъ-ли, и насколько соотвѣтствуютъ у Лотце результаты намѣренію его преодолѣть проективизмъ ; наконецъ въ анализѣ ученія Лотце мы находимъ цѣнные указанія для выработки феноменологіи познающаго сознанія.

ЧАСТЬ I.

ПРОЕКТИВИЗМЪ.

ГЛАВА I.

Наивный проективизмъ — низшая ступень познанія міра.

Какое положеніе относительно дѣйствительности принимаетъ познающій духъ въ началѣ своего развитія? Чѣмъ характеризуется низшая ступень міросозерцанія? Мы естественно начинаемъ этимъ вопросомъ. — Для сознанія непосредственнаго, т. е. наивнаго, нетронутаго критикой, ощущеніе является воспріятіемъ полной, лежащей внѣ него дѣйствительности. Не только вокругъ насъ блещетъ своимъ собственнымъ блескомъ свѣтъ, но и звуки и запахи внѣ насъ протекають неизмѣримое пространство; равнымъ образомъ сладость вкуса является собственною независящею отъ нашего неба пріятностію предмета. Повсюду мы взираемъ на существующій внѣ насъ міръ, который и переставая быть предметомъ нашего воспріятія, продолжаетъ существовать въ томъ-же видѣ, какъ и тогда, когда онъ обращаетъ на себя наше вниманіе. Звуки звучатъ и запахи пахнутъ, хотя-бы никто не слушалъ и не обонялъ. Наши чувства будутъ какбы воротами, которыя то запираются отъ внѣшняго богатства, то опять открываются предъ посту-

пающимъ возбужденіемъ, чтобы воспріять его въ себя, каково оно есть. Для свойства вещей безразлично, становятся-ли онѣ предметомъ нашего воспріятія или нѣтъ ¹⁾, ибо то, что свѣтитъ въ свѣтѣ и звучитъ въ звукахъ, есть по себѣ существующее качество вещей или явленіе между ними ²⁾. Передавать вещи такъ, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ, является поэтому въ наивномъ проективизмѣ обязанностью чувствъ; чувственность и вообще все познаніе существуетъ для того, чтобы отображать для нашего сознанія облики внѣшнихъ предметовъ ³⁾. Конечно, обманы чувствъ возможны, но эти ошибки пропадаютъ въ сравненіи съ громаднымъ большинствомъ согласующихся опытовъ ⁴⁾, и на этомъ именно основаніи доброта нашихъ чувствъ измѣряется точностью, съ какою они въ своемъ отображеніи повторяютъ природу предметовъ. Дѣломъ воспріятія является, еще разъ худо-ли хорошо-ли представить въ себѣ міръ, уже законченный въ своемъ собственномъ дѣйствительномъ составѣ ⁵⁾.

Наивное сознаніе не останавливается на этомъ, а наоборотъ возвышается и начинаетъ толковать и объяснять себѣ наглядно расположенный предметный міръ въ отношеніи къ его сущности и замѣчаемымъ въ немъ явленіямъ, т. е. къ даннымъ опыта прибавляетъ дополнительную теорію. На этой ступени развитія душа всетаки не усматриваетъ иной задачи познанія, какъ отыскивать во всѣхъ предметахъ и явленіяхъ природы жизненность, подобную своей собственной, принимая въ соображеніе тѣ перемѣны во внѣшнемъ мірѣ, причиною которыхъ, какъ она знаетъ, была она сама ⁶⁾. Этимъ открывается тотъ путь, ко-

1) Mikrokosmos, I, 387, 388.

2) Ib. I, 392.

3) Ib. 393, 394.

4) Ib. 387.

5) Ib. 395.

6) Mikr., III, 187.

Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета будутъ выходитьъ въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на

- I) отдѣлъ officialный — и
- II) отдѣлъ научный; въ послѣднемъ будутъ помѣщаемы:
  - A. мелкія статьи, предварительныя сообщенія, рецензіи, библиографическіе обзоры и т. п.
  - B. крупныя работы, печатаемыя въ видѣ особыхъ приложеній, съ особой пагинаціей каждое.

Статьи могутъ быть написаны на всѣхъ наиболѣе распространенныхъ европейскихъ языкахъ.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб.

Редакторъ **А. Гуляевъ.**
